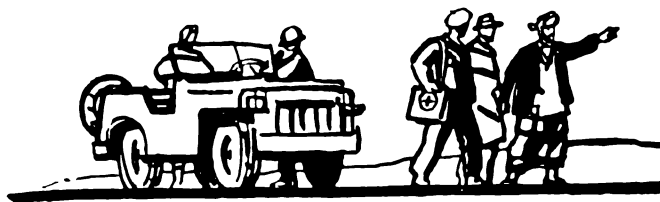

ПЬЕР ГАСКАР

Путешествие
к живым

PIERRE
GASCAR
VOYAGE
CHEZ LES VIVANTS

ПЬЕР ГАСКАР

Путешествие к живым

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1960

Перевод с французского
Л. М. ЗАВЬЯЛОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Природа теплых и жарких стран (субтропиков и тропиков) богата, красочна, разнообразна и в то же время поражает резкими контрастами: это непроходимые джунгли и бескрайние степи; огромные пустыни и плодородные оазисы; долины великих рек и высочайшие горы; моря, океаны и бесчисленные острова. Насколько разнообразна вся эта «мозаика» лика земли, настолько своеобразны и различны животный и растительный мир, климат, богатства, скрытые в недрах земли.

Разделяемые океанами, люди долгое время жили в изоляции, и их культура принимала своеобразные местные формы. С развитием мореплавания для Старого Света открылись новые земли с природой и населением, не виданными ранее европейцами. Впоследствии иноземных пришельцев стала привлекать возможность использования природных богатств новых земель. Жажда легкой наживы повлекла за собой захватническую политику, войны и кровопролития. Смертоносное огнестрельное оружие, которым были вооружены иностранцы, наводило ужас на коренное население, не имевшее для своей защиты ничего, кроме копья, лука и стрел. Колонизация завоеванных территорий привела к эксплуатации их недр, использованию местного населения в качестве рабочей силы.

Вот тогда-то колонизаторам довелось вплотную столкнуться с болезнями, неизвестными ранее европейской медицине.

Болезни возникали вследствие воздействия на организм животного чуждых ему микробов, а также в результате контактов между животными, которых эти микробы поражали. Зачастую действие микробов вырабатывало у животных невосприимчивость к тем или иным инфекциям. Чувствительность к за-

раве или невосприимчивость к некоторым инфекциям были свойственны различным видам животных в определенном их состоянии. Одни инфекционные и паразитарные болезни были связаны с определенным географическим ландшафтом (природно-очаговые болезни), другие распространялись очень широко.

Естественно, что и человек в процессе своего развития подвергался всевозможным заболеваниям, вызываемым теми же причинами, что и болезни животных.

Зоны и степень распространения заразных и паразитарных болезней различны. Некоторые из них, например проказа, встречаются и на далеком Севере, и в теплых и жарких странах, но не носят массового характера. Другие же, такие, как чума, сыпной тиф, холера, зачастую вырастали в грандиозные эпидемии, уносившие неисчислимое множество людей. Широкое распространение болезней или, наоборот, их локализация связаны прежде всего с общим культурным уровнем и экономическим состоянием различных слоев населения, несоблюдением основных правил личной и коллективной гигиены, недостаточной степенью развития медицинской науки, слабой борьбой со знахарством и шарлатанством.

Болезни, с которыми колонизаторы столкнулись в тропических странах, получившие общее наименование «тропических», сразу же отразились на режиме жизни и работы европейцев в новых для них местах. Они были вынуждены, с одной стороны, приспособляться к незнакомым условиям жизни в жарких странах, требующим проведения различных гигиенических и профилактических мероприятий, и, с другой стороны, изучать болезни коренного населения, чтобы вести с ними борьбу и излечивать их, так как от этого зависела возможность использования рабочей силы. В первую очередь здесь пришлось встретиться с такими неизвестными в Европе болезнями, как желтая лихорадка, сонная болезнь, фрамбезия, некоторые глистные заболевания (анкилостомоз, шистозоматоз, филяриозы), а также тропическая малярия, острые кишечные заболевания, и многими другими.

Все это потребовало организации лечебных стационаров, больниц, научно-исследовательских институтов тропических болезней и т. п.

О том, как протекала борьба с тропическими болезнями, можно судить по системе мероприятий, проведенных в период строительства Панамского канала. Привезенные на строительство канала рабочие должны были трудиться в тяжелых климатиче-

ских условиях. Строители жестоко страдали от различных тропических болезней: желтая лихорадка гнездилась в самих больничных палатах, свирепствовала малярия, широко распространялись острозаразные кишечные и другие инфекционные болезни. Смертность на строительстве росла с каждым днем. Стала очевидной необходимость радикального улучшения охраны здоровья работающих на постройке канала.

Организация медицинского обслуживания строительных рабочих была возложена на доктора Горгаса, получившего большие полномочия. Он разработал ряд мероприятий по лечению и предупреждению наиболее распространенных болезней. Прежде всего необходимо было исследовать гигиенические условия, в которых жили и работали строители, а также установить причины возникновения заболеваний и гибели людей. Удалось выяснить, например, причину распространения желтой лихорадки в больницах. Для охраны больных от термитов ножки кроватей ставились в миски с водой. Оказалось, что в этой воде выводились кровососущие комары, которые и переносили вирус желтой лихорадки. Когда это обнаружилось, были приняты меры, препятствовавшие размножению комаров. Начали охранять водоемы бытового характера. В них запускали живородящих рыбок — гамбузий, которые поедали личинок комаров. Проводились и другие оздоровительные мероприятия, способствовавшие борьбе с комарами.

В результате все это привело к резкому снижению заболеваемости и смертности рабочих, что, в конечном счете, способствовало сооружению канала.

В 1914 году на церемонии торжественного открытия Панамского канала доктор Горгас произнес речь. Он высказал мысль о том, что наши потомки станут удивляться не столько технике такого великого сооружения, сколько тому, что удалось создать для европейцев условия жизни в тропиках, при которых смертность не превышала уровня смертности в крупнейших европейских городах.

Однако следует подчеркнуть, что систематически такие комплексы оздоровительных мероприятий проводились главным образом по отношению к белому населению, чтобы обеспечить ему возможность без большой опасности для здоровья хищнически эксплуатировать богатейшие недра колониальных стран. Местному же населению не оказывалось достаточной медицинской помощи.

Политика угнетения коренного населения, изоляция его в резервации, лишение общечеловеческих прав, нещадная эксплуатация привели к резкому уменьшению его численности.

Такая политика не могла не вызвать решительного протеста со стороны угнетенных народов, которые начали борьбу за улучшение условий жизни, против политики сегрегации и апартеида, за достижение национальной независимости. Все это вызывало беспокойство правящих кругов в метрополиях, терявших к тому же из-за высокой смертности дешевую рабочую силу.

Крупнейшие концерны стали основывать медицинские институты, организовывали научно-исследовательские экспедиции для изучения тропических болезней, проводили лечебную и профилактическую работу, привлекая к участию в ней коренных жителей. Однако оказываемая помощь не могла быть достаточно эффективной, так как условия жизни местного населения оставались по-прежнему исключительно тяжелыми.

В 1946 году, после окончания второй мировой войны, в системе Организации Объединенных Наций возникла Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). В нее, по данным на 1 января 1960 года, входит 88 государств. Советский Союз также состоит членом ВОЗ, считая, что цели этой организации направлены на благородное дело — избавление человечества от страданий.

3 мая 1960 г. в связи с проведением ВОЗ XIII Всемирной ассамблеи здравоохранения Н. С. Хрущев обратился с приветствием к ассамблее. «Советское правительство, — писал он, — придаст серьезное значение деятельности Всемирной организации здравоохранения, перед которой стоит благородная задача способствовать улучшению здоровья людей во всем мире.

В наше время при разумном использовании достижений человеческого гения в области науки, культуры и техники можно добиться значительных успехов в области здравоохранения...

Работникам здравоохранения по роду их деятельности хорошо известны страдания, испытываемые народами в результате войн. Им поэтому особенно должно быть понятно, что самым важным и неперенным условием полного осуществления задач Всемирной организации здравоохранения является установление прочного мира на земле»¹.

¹ «Письмо Председателю XIII Всемирной ассамблеи здравоохранения доктору Х. Б. Тэрботту» («Правда», 5. V, 1960).

Основная цель ВОЗ — помощь всем народам в достижении наиболее высокого уровня здоровья.

Эта организация занимается распространением медицинских знаний, сбором эпидемиологической информации, проведением специальных международных исследований по паразитарным и вирусным болезням, организацией центров здравоохранения в слаборазвитых странах, публикацией научных работ и т. д.

Потребности всего мира в медицинской помощи крайне велики: нужны многочисленные медицинские кадры, огромные средства на приобретение лекарств и улучшение гигиенических условий, минимально достаточное по калорийности питание полноценного биохимического состава. Осуществление такой программы в целом выходит за пределы экономических возможностей ВОЗ.

Для подъема здравоохранения слаборазвитые страны должны получать более эффективную экономическую помощь. Однако ведущие капиталистические державы сводят эту помощь по существу только к красивым словам, так как их «помощь» не является бескорыстной: она сопровождается особыми условиями и лишь в малой части идет на развитие культуры. Большая доля этой «помощи» тратится на вооружение, особенно в тех слаборазвитых государствах, которые вовлечены в военные блоки НАТО, СЕАТО, СЕНТО.

Капиталистические государства под видом «экономической помощи» сбывают этим странам потребительские товары, которые быстро раскупаются и которые снова приходится ввозить из производящих стран. При такой «помощи» экономически слабое государство остается слабым, а зависимость его от сильных стран увеличивается.

В отличие от капиталистических стран СССР оказывает помощь слаборазвитым государствам совершенно бескорыстно. Свою экономическую и техническую помощь Советский Союз и другие социалистические страны не связывают с какими-либо политическими требованиями, которые нарушали бы суверенитет и оскорбляли национальное достоинство народов слаборазвитых стран, как это делают империалистические государства.

Выступая с речью на торжественном митинге в связи с завершением визита в Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан, Н. С. Хрущев указал, что социалистические страны «на деле готовы помогать и помогают всем странам, ставшим на путь не-

зависимого развития, в укреплении их национальной государственности, в подъеме их экономики и культуры»².

Реальным осуществлением такой политики является сооружение металлургического комбината в Бхилаи, организация опытной образцовой государственной фермы в Индии, общественное строительство в Афганистане, сооружение Асуанской плотины в Египте и т. д.

Реальную помощь оказывает Советский Союз слаборазвитым странам и в области организации здравоохранения. В Индию, например, направлены опытные медицинские работники. Большую работу по улучшению медицинского обслуживания населения штата Саураштры провела, в частности, советский врач О. В. Макеева. В целях усовершенствования индийской системы охраны материнства и младенчества в Дели при Всеиндийском медицинском колледже создан научно-практический педиатрический центр, где работает группа советских специалистов. Союз Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР передал в дар этому центру физиотерапевтическую аппаратуру стоимостью в 100 000 рупий; в педиатрический центр безвозмездно поставляют дефицитные медикаменты, а также учебно-методическую и санитарно-просветительную литературу, наглядные пособия, кинофильмы и т. д.

В Камбодже сооружается госпиталь — дар Советского Союза. Оборудуемый по последнему слову медицинской науки, госпиталь рассчитан на 500 мест и может ежедневно обслуживать до 500 амбулаторных больных. Предусмотрено создание отделения радиотерапии, где впервые в Камбодже будут применяться изотопы.

В дар народу Бирмы в 1960 году будет передан строящийся Советским Союзом госпиталь в Таунджи на 200 коек.

Вот далеко не полные сведения о той большой помощи в области охраны здоровья, которую Советский Союз оказывает слаборазвитым странам.

Советский Союз выступил инициатором полного и всеобщего разоружения, причем не только поставил перед всем миром эту задачу, но и приступил к реальному ее осуществлению, сократив численность своих Вооруженных Сил. Если бы этому благородному примеру СССР последовали все страны и разоружение стало бы реальным фактором, для усиления экономической помощи могли бы быть высвобождены огромные средства.

² «Правда», 6. III. 1960.

Французский писатель Пьер Гаскар (род. в 1916 г.) широко известен своими книгами, пронизанными ненавистью к расизму и большой любовью к людям. П. Гаскар происходит из демократической среды. Служил в банке, затем был коммивояжером. Участвовал в боях против гитлеровцев в период второй мировой войны. После поражения Франции попал в лагерь военнопленных, за попытки к бегству был заключен в концентрационный лагерь в Западной Украине. Этот лагерь он описал в своей повести «Время мертвых», за которую в 1953 году получил во Франции Гонкуровскую премию. После освобождения Франции П. Гаскар вернулся на родину, стал журналистом и писателем. Его роман «Рифы», вышедший в 1958 году, считался во Франции лучшей книгой года.

Книги Гаскара, разоблачающие мифы о благах колониализма, которыми изобилует западная литература, поистине значительные произведения.

В 1956—1957 годах Гаскар по приглашению Всемирной организации здравоохранения совершил большое путешествие по странам Азии и Африки. Он посетил Индию, Таиланд, Сингапур, Индонезию, Филиппины, Эфиопию, Судан и Сомали. Результатом этой поездки явилась предлагаемая читателям книга «Путешествие к живым» (1958 г.).

Население стран, которые посетил Гаскар, подвержено тяжелым тропическим болезням, усугубляемым примитивными условиями жизни, недоеданием или голодом, бедностью или нищетой и другими спутниками или остатками наследия колониализма. В задачу Гаскара входило непосредственное ознакомление с условиями жизни коренного населения и с работой врачей и медицинских работников ВОЗ по лечению и профилактике наиболее распространенных тропических болезней.

Гаскар добросовестно разрешает поставленную перед ним задачу. Ко всему, что он видел во время своего путешествия, он относится не как к экзотическим музейным экспонатам, которыми приезжают любоваться пресыщенные жизнью и ищущие острых впечатлений туристы, верящие в якобы природное превосходство белого человека над «цветным», а как пытливый наблюдатель, не только живо отображающий картины природы, быта, труда и жизни народов Востока, но и вводящий читателя в

реальный «лабиринт человеческих страданий». Он знакомится с китайскими, индийскими, итальянскими, советскими, немецкими врачами и медицинскими работниками — борцами с проказой, малярией, туберкулезом, черной оспой, острыми кишечными заболеваниями и другими болезнями жарких стран.

Яркие, с интересом воспринимаемые страницы его книги «Путешествие к живым» не являются литературным монтажом. Их автор стремится уловить социальные, исторические и экономические причины всего того, что он видел, и в меру своих возможностей указать те пути, которые, по его мнению, могут привести к улучшению жизни и здоровья населения тропических стран.

Гаскар приходит к заключению, что одна только медицинская помощь не может вывести из «лабиринта человеческих страданий». Правда, порой высказывания его наивны: он считает, например, что временным применением мальтузианских рецептов можно снизить численность населения и тем самым улучшить его экономическое положение и, следовательно, состояние здоровья. В то же время Гаскар прямо утверждает, что не существует проблемы перенаселенности и что не надо упрекать людей в том, что их много. «Явное несоответствие между числом живущих на земле людей и ресурсами — временное», — пишет он. Писателю, конечно, чужды идеи о коренных политико-экономических изменениях в этих странах, но все же у него иногда проскальзывает мысль о несправедливости существующего положения. Нельзя согласиться с делением Гаскаром колониализма на «мягкий», в котором удачно сочетается «свое и чужое», и «жестокый, бесплодный». На деле сущность колониализма везде одна и та же: выкачивание природных богатств из чужой земли при эксплуатации коренного населения без всякой заботы об экономическом развитии колониальных и зависимых стран и о духовной культуре их народов.

Гаскар отлично видит религиозные и бытовые предрассудки людей, доходящие до фанатизма, и объясняет их тяжелой жизнью народа. Он считает, что для того, чтобы освободить народ от этих предрассудков, нужно в первую очередь преодолеть голод и безработицу. Однако работникам медицины не следует дожидаться, когда это произойдет; медико-санитарные мероприятия должны предшествовать изменениям социального характера.

Наглядно показывает Гаскар, как коммерческие интересы монополистов сводят на нет даже ту минимальную медицинскую

помощь, которую капиталистические страны оказывают населению слаборазвитых стран. В одной из деревень на медицинском пункте оказался большой запас дорогостоящего лекарства от трахомы, но его пришлось выбросить, так как все предельные сроки хранения этого лекарства уже истекли. Невольно возникает вопрос: в чем дело? Не хватило рук для срочного использования лекарства или же оно было доставлено в далекие тропики уже на исходе сроков хранения? Ведь часто коммерческая сторона сбыта является определяющей. П. Гаскар с гневом говорит о «несистематическом и не удовлетворяющем нужды снабжении порошковым молоком детей слаборазвитых стран». «Не разумнее ли было бы, — пишет он, — вместо порошкового молока давать правительствам слаборазвитых стран деньги на разведение скота и создание молочных ферм?» Это было бы абсолютно правильной мерой, но не входило в интересы монополистов, ставящих преграды развитию производства предметов питания на местах, с тем чтобы увеличить экспорт излишков продовольствия из метрополии.

Завоеватели оставили в покоренных странах следы своей «культуры». Это — католические церкви в бараках, где населению внушают, что богатым очень трудно попасть в «царство небесное», а все бедняки будут там, и поэтому «пока» они должны смиренно переносить любые тягости и невзгоды жизни «во имя Христа».

Гаскар рассказывает о вреде для населения и этой религии и древней религии аборигенов. Вот картина фанатичной приверженности местных жителей к религии. К берегам «священной» реки Ганг в пределах Бенареса ежегодно стекаются десятки тысяч паломников. Здесь совершаются ритуальные омовения, сюда стремятся старые, изможденные болезнями люди, чтобы умереть на «святой земле», быть после смерти там сожженными, дабы воскреснуть и стать бессмертными на небе. Больные и здоровые рядом пьют из реки грязную воду, которая является источником заразы. Колоссальный вред приносит религия, отвлекая народ от борьбы с невзгодами жизни, проповедуя теорию непротивления злу. Бесчинствующих на полях обезьян и других животных-вредителей, считающихся священными, в Индии никто не трогает, несмотря на то что они причиняют явный ущерб. Если ядовитая кобра заползет в жилье индийца, он не посмеет сам ее убить, правда, ничто не мешает ему использовать для этой цели «фараонову мышь», т. е. ихневмона. Этот

хищный зверек, «свободный от всяких религиозных обязательств», бросается на кобру и перегрызает ей шею.

Основные нужды населения тропических стран однотипны и отличаются лишь некоторыми деталями. Следовательно, и меры для подъема экономики в этих странах, для достижения их населением минимума благосостояния должны быть одинаковыми. Прежде всего необходимо, чтобы эти страны добились политической и экономической независимости. При этом условии и с помощью высокоразвитых стран могут быть навсегда ликвидированы такие бичи человечества, как голод, нищета, безработица и неграмотность. Решение проблем снабжения продовольствием, жилищного строительства, благоустройства деревень, здравоохранения и образования позволит народам слаборазвитых стран навсегда избавиться от тяжелых болезней и страданий.

Народы Азии и Африки хорошо понимают необходимость избавления от цепей колониализма, веками сковывавших их развитие. Начался новый поворот в истории человечества. Индия, Индонезия, Бирма, Камбоджа, Тунис, Цейлон, Марокко, Гана, Гвинея и другие страны покончили с господством колонизаторов. Народы не освободившихся еще от колониальной зависимости стран завоевывают национальную независимость и возможность самостоятельного национального развития. Однако от юридической самостоятельности страны до приобретения ею экономической независимости — путь долгий, особенно при явном или скрытом противодействии прежней метрополии, которой не так легко отказаться от вошедшей в плоть и кровь привычной эксплуатации своей бывшей колонии.

В своей книге Гаскар показывает разницу между странами, завоевавшими независимость, и странами, находящимися под ярмом капиталистического рабства.

Правительства Индии и Индонезии ведут большую работу по преодолению тяжелого наследства, доставшегося этим странам от колонизаторов. В частности, проводятся активные мероприятия по ликвидации широко распространенных заболеваний, строятся больницы, поликлиники, санатории, медицинские учебные заведения и т. д.

В речи, произнесенной после поездки в Индонезию, Н. С. Хрущев отмечал: «Индонезийскому народу еще многое надо сделать для того, чтобы преодолеть отсталость своей страны — это тяжелое наследие колониализма. 350 лет колонизаторы угнетали Индонезию, эксплуатировали ее народ... В результате стра-

на не имеет развитой промышленности, в сельском хозяйстве отсутствует механизация, население нуждается во многих жизненно важных продуктах и товарах. Предстоит большая работа по ликвидации неграмотности значительной части населения.

Теперь Индонезия независимая страна, ее народ набирает силы, развиваются экономика и культура. Нам было приятно это видеть, и мы радовались успехам индонезийцев»³.

Правдиво написанная книга П. Гаскара привлечет внимание читателей и заставит их задуматься над вопросами о «судьбах народов», о пробуждении их стремлений к независимости, о развитии их культуры. Пусть читатель согласится не со всеми мыслями автора, но несомненно одно: искренние симпатии Гаскара на стороне народов, томящихся под гнетом колониальной эксплуатации. Книга «Путешествие к живым», несмотря на описание самых тяжелых недугов человечества, не внушает безысходного пессимизма. Она дает яркое представление о жизни народов, перед которыми встает теперь заря новой жизни.

Трудящиеся и угнетенные всего мира, сбрасывающие вековой гнет, видят воплощение своих надежд в социалистическом государстве, возникшем на одной шестой части территории Земли. Блестящие научные достижения Советского Союза в освоении космоса, полное перерождение основ труда и производства, бурное развитие народного хозяйства и культуры — социалистической по содержанию и национальной по форме — все это дает народам мира уверенность в том, что в общемировом соревновании победа будет за мирной трудовой жизнью без страха перед завтрашним днем.

Эта уверенность крепнет в сердцах миллионов жаждущих такой жизни людей, которые видят у себя на родине посланца мира Н. С. Хрущева и слышат его простое, доходящее до сердца, вдохновенное слово.

³ «Правда», 6. III. 1960.

Академик *Е. Н. Павловский*

Как и почему я поехал — объясню потом. Опуская всякие предисловия, я переносюсь сейчас в глубь Азии с той же стремительностью, с какой проделал это в начале своего путешествия. Первый этап путешествия оказался и самым отдаленным. Затем мне пришлось продвигаться по земле точно так же, как продвигаются вверх по реке путники, которых еще недавно увлекало вниз головокружительное течение.

Я попытаюсь передать то, что мне было суждено познать: непреодолимую глубину человеческих страданий и в то же время неисчерпаемые силы, которыми исполнены сегодня далекие народы, только что завоевавшие свободу.

Не буду говорить о моем отъезде. Скорее речь пойдет об одном из тех жизненных поворотов, которые одновременно и самым непонятным образом позволяют глубже познать мир и самого себя.

Ф И Л И П П И Н Ы

Остров Лусон

М

анила, 15 октября
1956 года. Я ровно ни-
чего не знал о Филип-
пинах. Ни случайный

разговор с путешественником, ни прочитанная книга или услышанный рассказ, дающие нам обычно известные представления о мире, не переносили меня мысленно в эту страну, которая в силу самой своей отдаленности казалась мне абстракцией. Филиппинцы относятся к тем далеким народам, а Филиппины — к тем окраинным территориям, о жизни которых нам известно не многим больше, чем географам средних веков. Если бы я тогда задумался над причиной своего невежества, то, без сомнения, объяснил бы его тем, что об этой стране

вообще мало что известно. Подобное толкование оправдало бы меня, но неосведомленность моя от этого не потеряла бы своей непреложности. В нашем западном мире, где все поставлено на деловую ногу, нас не столько информируют, сколько создают впечатление, будто информируют. Со временем мы начинаем принимать свое невежество за результат разумного отбора полезных сведений и полагаем, что несведущи лишь в том, чем можно легко пренебречь.

Плачевные результаты такого заблуждения обнаруживаются во время путешествий, в особенности когда приближаешься к странам, преданным забвению. Вот тогда-то и начинаешь сознавать, что многое упущено. И тебе уже не терпится добраться до горизонтов этой страны, которая в твоём воображении пока ещё бесцветна и лишена определенного лица. Но сегодня я, наконец, убедился, что, как и любая другая страна на земле, Филиппины не бесцветны.

При ослепительном, отраженном морем свете я вижу, как на меня наплывают черные острова. Контуры островов так резко вырисовываются на фоне неба, что, несмотря на неподвижность воды и воздуха, вид их кажется вызывающим. Подобное впечатление возникает потому, что я высаживаюсь в том месте, где архипелаг круто вздымается над морем. Далее берег опускается и уходит под воду; страна, прилепившаяся на краю этого склона, вечно зависит от милости стихии. Если смотреть с корабля, то видишь черные скалы, лишь на мгновение загораживающие от глаз открытую ветрам, исхоженную вдоль и поперек землю. Эти черные скалы — та вершина, с которой филиппинский народ в течение веков вглядывался в лик грядущей истории. Попадая под владычество то одних, то других иноземцев, этот народ был обречен на нескончаемое и тщетное ожидание. Здесь он воздвиг свою столицу — город пассивного бдения.

Манила, 17 октября. Сначала как-то трудно убедить себя, что Филиппины — страна азиатского материка. Берега архипелага, поросшие кокосовыми пальмами, слегка склонившимися под напором муссонов, напоминают Полинезию. То же можно сказать и о лицах оби-

тателей Филиппин, за исключением тех случаев, когда встречаются типы, очень сходные с жителями Центральной Америки. Впрочем, Старый Свет проглядывает в строгом стиле испанских церквей и старинных общественных зданий. А рядом, на углу площади, распахнуты двери кафе, словно перенесенного сюда из Техаса. Здесь звучит резкая синкопированная музыка, продаются газированные напитки и стоят, облокотившись на стойку, немногословные посетители.

Там, где Тихий океан смешивает свои воды с водами Китайского моря, азиатский континент разбросал более семи тысяч островов: разбросал — и пустил по течению. История подтверждает такое впечатление. Более четырехсот лет Филиппины швыряло в ее волнах.

Я не намерен распространяться о колонизаторских происках Испании, а позднее — Соединенных Штатов. Несмотря на несправедливость и жестокость колониализма, ему удавалось в некоторых случаях сочетать «свое и чужое» — национальные традиции страны и влияние, привнесенное с Запада.

За три с лишним века оккупации Испания не создала на Филиппинах ничего, кроме нескольких церквей. Ей не удалось навязать жителям островов ни своей культуры, ни своего образа мыслей, ни своего искусства даже в какой-либо видоизмененной форме, как это имело место в Латинской Америке. Американцы, сменившие в конце прошлого века испанцев, тоже не оказали серьезного влияния на жизнь Филиппин.

Однако я не собираюсь делать выводы из этой исторической ситуации — довольно распространенной, но не столь простой, как кажется. Пока я ограничусь лишь таким элементарным определением: Филиппины — независимая страна с населением около двадцати двух миллионов, демократическая по своему укладу и слабо-развитая экономически.

Сегодня все мое внимание приковано к одному из главных последствий слабого развития экономики — к здоровью, вернее, к его отсутствию. Своим путешествием я обязан Всемирной организации здравоохранения. Моим глазам откроются язвы мира. И мне хотелось бы приблизиться к ним с чистым сердцем — с

сердцем справедливым. Я с опаской отношусь к своим порывам. Я знаю, что существует горькая благотворительность, великодушие, которое повергает в бездну отчаяния, убийственное сострадание, доброта, приправленная желчью; мне известна эта призрачная любовь к ближнему, жалость, вечно жаждущая изобличения. Иногда я боюсь попасть в число тех, кто в тайниках души вовсе не прочь поглазеть на несправедливости и, узрев лик голода, проказы или безумия, все свалить прежде всего на злого боженьку.

Рождение человека в Маниле

Манила, 19 октября. Самое скверное в Маниле — ее климат, влажный и жаркий. Непрекращающаяся испарина раздражает и угнетает, вам некуда от нее деться. Воздух окутывает человека, словно ватная стена: в него можно завернуться, но нельзя пробить; горячий туман застилает все кругом.

Землетрясения, которые случаются здесь по несколько раз в год, и бомбежки последней войны наполовину разрушили город. Рядом с руинами зданий, построенных еще испанцами, и обезглавленными церквями возвышаются слепящие своей белизной новые дома американцев. Дома эти возникают где попало — посреди огромного пустыря, на краю нечетко спланированной площади, на незастроенных, обжигаемых солнцем участках, каких немало в городе. В Маниле отсутствует настоящий центр, нет основных магистралей. Не имея определенных границ, город расползся во все стороны со своими пустошами, трущобами, бидонвиями, американскими барами, роскошными гостиницами, ярко раскрашенными бензоколонками, мексиканскими церквями, китайским кладбищем, пестреющим множеством зелено-голубых фаянсовых фигурок. По шумным улицам беспорядочно движется плохо регулируемый транспорт; мчатся «джипы» с кузовами самой неожиданной формы и окраски — своеобразные городские такси, и на каждом витиеватыми буквами выведено

название романса: «Oh, darling!» или «Honey moon». Все это налетает друг на друга, разъезжается в разные стороны, лишает вас ощущения места.

В ресторанах, с виду экзотических, подают американские блюда; в ресторанах американского типа, напротив, подают испанские или китайские блюда, а чаще — кушанья, лишенные всякой национальной принадлежности. Повсюду звучит американский жаргон, сплошь да рядом состоящий из сокращений. Прохожий не может ступить шагу без того, чтобы ему не предложили женщину — женщину без имени в этом городе, как и она — безликом, темном и душном, где бессонница путает часы ночи.

Однако я отдаю себе отчет в том, что слишком упрощенно воспринимаю этот климат, этот город, эту страну. Я еще не понимаю ее, но говорю себе, что теперь это понимание стало для меня необходимостью. Неспособность воспринять жизнь во всех ее возможных формах свидетельствует лишь о недостатке веры в человечество. Как неустойчиво мое душевное равновесие, если оно покоится лишь на думах об одной стране, одном континенте, где я родился, на привычном для меня образе жизни. Неужели я окажусь одним из тех слабых людей, которые могут спокойно дышать только в привычной им атмосфере, а очутившись вне родной стихии, испытывают нечто вроде духовной астмы?

Манила, 20 октября. Я посетил больницу, оборудованную в бывшей испанской тюрьме. Это родильный дом. Дозорные дорожки, проходящие под высокими стенами, обжигает солнце. Комнаты, узенькие окна которых едва пропускают свет, несмотря на духоту, оказываются местом, где можно найти спасение от жары. Кровати в этих комнатах стоят почти вплотную. На постелях с низкими изголовьями женщины обливаются потом, одни — расслабленные после родов, другие — прислушиваясь к схваткам.

Здесь, глядя на этих женщин, я снова открываю для себя, что каждое рождение человека — подлинное событие, подводящее итог всей рассеянной по земле жизни. Пусть я знаю, что в этот миг тут и там миллионы женщин, невидимых, терпеливых, распухших от

криков, рожают детей. Сейчас мне кажется, что за дверью этой темной и душной больницы ожидается появление первого человека.

Это хорошо, что свое путешествие я открываю рождением человека и через него утверждением единства всего человеческого бытия. Мы позабыли о том, что каждое человеческое существо — неповторимо. Ведь я был склонен погрязнуть в собственном невежестве и намеревался лишь в общих чертах познакомиться с этим народом, необычность которого почти раздражала меня.

Самый большой грех по отношению к людям — ограничивать свои сведения о них лишь арифметическим подсчетом. Нам известно количество человеческих существ, и мы готовы оповестить о нем со всем жаром, на который только способны. Но цифры звучат отвлеченно, попробуйте-ка их согреть!

Жители Азии, Америки, Африки и Европы — все они единственны в своем роде. Однако чем в большем отдалении от нас обитает тот или иной народ, тем труднее нам понять его жизнь. Но люди рождаются, и в каждом человеке заложена первоизданная ценность. Теперь нам предстоит вновь открыть эту ценность, это чудо, эту надежду, это внезапное и всякий раз новое озарение — открыть во всех уголках земли. Надо отказаться от бездушных слов, которые мы не умеем согреть, и говорить уже не о рождаемости, а о возрождении.

Наик, 22 октября. Одна из самых важных задач санитарии в странах слабого экономического развития состоит в том, чтобы убедить людей в пагубности родового обычая рожать детей дома. Ведь при этом о гигиене не может быть и речи, и матери и новорожденные часто подвергаются инфекции.

На Филиппинах роженицы обращаются к местным повивальным бабкам — так называемым «хило». По большей части эти хило — женщины на возрасте. Из поколения в поколение передают они свое искусство. Оно заключается прежде всего в сноровке, которой могли бы позавидовать иные акушерки, а затем в знании множества обрядов, связанных с местными поверьями. Одни из этих обрядов всего лишь смешны, другие же — опасны для жизни.

То, что хило запрещают беременным есть мелкие фрукты круглой формы, боясь как бы у ребенка не образовались нарывы, или же требуют, чтобы будущие матери снимали ожерелья, дабы пуповина в их чреве не завязалась узлом, не столь существенно и не влечет за собой никаких серьезных отклонений. Однако соблюдение некоторых обрядов, приуроченных к моменту родов, может иметь серьезнейшие последствия. Не беда, если во время родов отец несколько раз сбегает с лестницы, чтобы побудить ребенка покинуть чрево матери; пусть даже хило массирует яйцом желудок роженицы. Но недопустимо то, что она со всей силой давит на живот матери, использует нестерильное лезвие бритвы для перерезания пуповины и посыпает пеплом пупок новорожденного. Каждое мгновение на земле повторяется что-нибудь в этом роде. Сотни миллионов человеческих существ, населяющих обездоленные страны, начинают познавать тяжесть жизни сразу — с рождения в скверных условиях.

Всемирная организация здравоохранения и некоторые правительства решили пропагандировать среди народов этих стран элементарные методы приема родов; заменив устарелую практику, упомянутые методы позволяют обеспечить соблюдение правил гигиены и тем самым прекратить случаи различных осложнений у рожениц и новорожденных.

Для того чтобы провести в жизнь подобную реформу, потребуются кадры профессиональных акушеров, а пока их подготовят, следует прибегнуть к помощи местных повитух — их навыками пренебрегать не приходится. Здесь, на Филиппинах, вплотную занялись важным делом обращения хило в новую веру. Я намеренно употребил выражение «обращение в новую веру», потому что та медленная разъяснительная работа, которая должна помочь хило позабыть об установившихся у них традициях и найти в гигиенической практике опору для новых, пусть даже культовых, представлений, напоминает именно «обращение». Если хочешь привлечь на свою сторону простые души, все должно идти как по заведенному ритуалу. Хило доверена металлическая коробка с необходимым для акушерки инструментарием.

Сначала женщина стерилизует инструменты в кипящей воде. У нее нет часов, необходимых для того, чтобы определить продолжительность стерилизации. Но это не препятствие. В таком случае инструкторши рекомендуют, глядя на кипящую воду, трижды перебрать четки или выкурить три сигареты — кому что нравится. По окончании этой процедуры, прежде чем дотронуться до стерильных инструментов, хило, разумеется, должна тщательно, со щеткой вымыть руки. Нет, здесь это далеко не разумеется! Щетка и мыло, врученные повитухе с указанием их назначения, относятся к предметам медицины, и хило не моет руки, а священнодействует.

Затем обряды следуют один за другим. Хило раскладывает клеенку, открывает флакон очищенного спирта. Я оглядываюсь. Через городскую площадь, на которую выходят окна маленького диспансера, едут тележки, груженные сахарным тростником. Нестерпимая жара. В открытую дверь стараются заглянуть ребятишки. Я слышу голос инструкторши, что-то рассказывающей своей ученице. Звучный тагалог (один из малайских языков, на котором говорят на острове Лусон) прерывается продолжительными паузами, во время которых слышно лишь усердное пыхтенье. Позвякивают инструменты. Я смотрю на хило: в руках у нее набитая опилками кукла.

— Следующая, — говорит инструкторша.

Подходит другая хило — пожилая женщина с морщинистым лицом. На ней праздничное платье. Корсаж сшит из желтой материи, напоминающей накрахмаленный тюль. Рукава, расходясь от плеча, развеваются, как два крыла. Хило водворяет куклу из опилок в искусственное чрево, завязывает льняную пуповину, ставит кипятить воду, закуривает сигарету.

На сегодняшний день две тысячи филиппинских хило стали вполне надежными акушерками. Правда, некоторые из них торопятся использовать выданные им стерилизаторы вместо кастрюль, но для большинства приобщение к таинствам гигиены явилось толчком и к обретению чувства достоинства.

Хотя многие хило и неграмотны, тем не менее они стали как бы государственными служащими. В тех до-

мах, куда их зовут, чтобы принять роды, хило просят отца записать в специальную книгу свое имя, имя жены, имя новорожденного, дату рождения. В тех случаях когда отец не умеет писать, призывают на помощь кого-нибудь из соседей. Чтобы впоследствии легче было разобраться в подобных записях, рядом с именами и датами хило рисуют условные значки. Дату символизирует солнце с лучами, ребенка — зигзаг, напоминающий тельце в утробе матери. Одни хило для украшения возле адреса, рядом с простым треугольником, означаящим дом, рисуют дерево. Другие дорисовывают ребенку крылышки — тревожный символ в этой стране, где столько детей умирает в раннем возрасте.

Небо Таклобана

24 октября. Мы покидаем остров Лусон и направляемся на юг. Тайфун — о приближении его вот уже несколько дней сообщают метеосводки, в которых он именуется «Люси», — вынуждает нас приземлиться и провести ночь на острове Себу. Дождь, дождь без конца. По затопленным улицам мелькают бесчисленные двуколки — единственный вид городского транспорта. В центре пустыря стоит большая бетонная церковь, освещенная яркими огоньками свечей. Народу собралось так много, что некоторые верующие опустились на колени прямо на улице, у входа в церковь. В шуме вечернего ливня слышатся звуки молитвенных песнопений. Едем дальше. Позади, на фоне серого города, еще долго светится церковь, напоминая охваченную пожаром ригу.

Утром мы прибываем на соседний остров Лейте. К умытому, но уже снова знойному небу поднимаются облака, белые, как дым паровоза. Именно здесь Китайское море смешивает свои воды с водами Тихого океана, отсюда открывается широкий горизонт приключений — свободная морская гладь, путь к Гаваям — последним островам мира. Высаживаемся в Таклобане, расположенном в маленькой бухте в северной части острова.

В этот небольшой городок не доходит дыхание открытого моря; тут царит жгучая скука. Иногда сюда заглядывают торговые суда — за копррой. Другие пароходы, поменьше, курсируют между островами архипелага. Эти старые, грязные суденышки заволакивают морской канал надоедливym дымом. Порой они не возвращаются, затонув во время тайфуна вместе с пассажирами и их грузом: ручными корзинами с кокосовыми орехами, утоляющими жажду. Об этих кораблекрушениях говорить не принято. Тайфун пролетает, светлеет промытое небо, жизнь продолжается...

Таклобан, 26 октября. Мы остановились в единственном терпимом отеле города (всего их здесь три или четыре). Название громкое — «Гранд Отель». На Филиппинах испанскими остались только имена, фамилии, цифры и некоторые вывески. Население изъясняется на примитивном английском языке и диалекте своего острова, а иногда также на тагалогe, являющемся наряду с английским официальным языком этой двуязычной страны. В «Гранд Отеле» воздух не кондиционирован — не в пример большинству гостиниц Манилы. Тут вполне можно задохнуться. В душевой я обнаруживаю огромного черного паука. Чтобы избежать бессонницы, мне остается искать пристанище в Клубе летчиков, открытом в ночное время.

Анита, одна из официанток бара, где мы лакомимся крупными жареными креветками, предостерегает меня:

— В Клубе летчиков люди часто дерутся боло.

Боло — это длинный нож, которым филиппинские крестьяне пользуются для рассекания кокосовых орехов. Слова Аниты возбуждают во мне тревожное любопытство — то, что вернее всего способно толкнуть на безрассудство.

Не проходит и часа с тех пор, как мы сидим в зале Клуба летчиков, а завсегдатаи уже затеяли драку и пускают в ход табуретки. Едва успевают вынести раненого, как молоденькие девушки — платные партнерши — принимаются танцевать друг с другом. Мужчины еще смотрят исподлобья. Зажжены все лампы, на проигрыватель поставлена самая веселая пластинка, как на пароходе в тревожный момент, когда грозит крушение.

Наконец, появляются двое полицейских. Они стоят у стены, на самом верху лестницы, и, заложив руки за портупеи, не выпуская из рта сигарет, с чванным видом принимают угощение, которое хозяин заведения торопится им преподнести. Это кока-кола, безалкогольный напиток; его пьют повсюду на Филиппинах. Очевидно, этот напиток пришелся филиппинцам по вкусу, а может быть, они стремятся приобщиться к современной цивилизации?

Позже мы с девушками спускаемся на пустынную набережную. Воздух недвижим. С минуты на минуту должен отойти почтовый пароход на Манилу. Под лампами, не защищенными плафонами, на циновках устроилось несколько пассажиров. На затихшей палубе слышится чей-то кашель. Освещенный, почти пустой пароход, напоминающий своей белизной больницу, душная ночь и мы на пристани затерянного острова в обществе незнакомых девушек — все это очень похоже на приключения, о которых мы столько читали в книгах и которые так часто видели в кино. И вдруг я открываю, какая в этом пустота! Мне жаль тех, кому нравится бороздить моря, скитаться по континентам из конца в конец, преодолевать дальние расстояния, открывать случайные двери, драться по ночам, просыпаться, не помня, где заснул, а при отъезде цинично усмехаться уголками губ и щурить свои выцветшие глаза — равнодушные глаза вечного странника. Я не люблю приключений, освещенных кораблей, черной воды, незнакомых девиц на пристани, у меня нет той жажды необычного, которая иногда мучит людей, как бессонница. Я ищу медленно постигаемую сокровенную правду о человеке.

Таклобан, 27 октября. Эта «сокровенная правда о человеке» открывается мне с наступлением дня. Я прогуливаюсь по городу в обществе командированного сюда представителя Всемирной организации здравоохранения: ему захотелось показать мне красоты и язвы острова. Вдоль мутной и грязной реки протянулся целый квартал домов из серого дерева, поставленных на сваи. Повсюду следы наводнения: вынесенные на берег отбросы, зловонная тина. На острове Лейте выпа-

дает два с половиной метра осадков в год — подобное можно наблюдать только в Англии. Это сильные теплые ливни, после которых поднимаются тяжелые испарения. Серые дома у реки выходят на своего рода причал, к которому не пристает ни одно судно. Лежа плашмя на мостках этого причала, женщины моют в реке темнозеленые овощи.

Единственное место, где оживают яркие краски, это базар, расположенный в центре торгового квартала. Здесь продают фрукты, рыбу, овощи и большие, валяющиеся прямо на земле корни ямса — пищу бедняков. Деликатесом являются утиные яйца, высиженные до того момента, когда утенок готов пробить клювом скорлупу. Такое яйцо варят в кипятке и затем едят эту своеобразную начинку, выплевывая косточки и перья.

За прилавками стоят старухи, морщинистые, как индианки. У некоторых во рту сигары, зажатые губами возле самого огонька. Поодаль мужчины развлекаются игрой, напоминающей триктрак. Пезо переходят из рук в руки. Пезо равен половине доллара. Два пезо — дневной прожиточный минимум семьи. Поэтому исход игры представляет значительный интерес для филиппинской бедноты.

Петушинные бои — национальная страсть на Филиппинах. Сеансы петушинных боев сопровождаются обычно многочисленными пари. Птиц этих холят, выкармливают зерном и даже мясом, каждую неделю купают. Выражаясь фигурально, боевой петух в бедном доме — единственный член семьи, на которого возлагаются серьезные надежды. Став чемпионом, он приносит крупные выигрыши.

Нам сообщили, что сегодня в Пало, в нескольких километрах от Таклобана, состоятся петушинные бои. Мы являемся в Пало. Арена представляет собой большой круг, по краям которого возвышаются расположенные амфитеатром скамьи. Перед входом, возле торговых фруктами, видим участников боя. Петухи со связанными лапками лежат прямо на земле, как на птичьем базаре. Время от времени они хлопают крыльями, и в горячем воздухе вздымаются столбы пыли.

Все скамьи вокруг арены заняты. Зрители выкрикивают ставки, бьют по рукам, размахивают кредитками; по разгоряченным лицам стекает пот. На арену, прижимая петухов к груди, выходят двое мужчин. Чтобы раззадорить своих питомцев, хозяева пощипывают губами их шеи, но это скорее похоже на ласку. Потом натравливают петухов друг на друга, сначала придерживая, до тех пор, пока перья на шее у птиц не начнут топорщиться, и, наконец, выпускают из рук. Взлетает туча пыли, люди кричат все громче, наклоняются вперед, чтобы лучше видеть; сверкают остро отточенные наконечники, закрепленные на шпорах. В воздух летят перья. Петух еще прыгает, роняя крупные капли крови, потом падает и медленно вытягивает лапки. Победителя уносят. Хозяин подбирает мертвого петуха. Из чувства благоговения филиппинец не съест своего любимца, хотя, быть может, завтра у него будет пусто в желудке...

Моллюски острова Лейте

Пало, 28 октября. В Пало обосновалась бригада Всемирной организации здравоохранения. Год тому назад здесь начали планомерную борьбу с одним из распространенных заболеваний на острове — билгарциозом.

В бригаду, возглавляемую индийским врачом и его филиппинским коллегой, входят инженер по сантехнике — боливиец и несколько человек вспомогательного персонала из местных жителей.

В обществе этих врачей, гигиенистов и биологов мне предстоит открыть еще не известные для меня стороны жизни острова Лейте. Довольно своеобразный метод: познавать страну и народ, начиная изучение с самых страшных болезней. Однако я уже успел убедиться в преимуществах подобного метода: болезни никого не минуют, поэтому истина о бытии человека, а следовательно, и целого народа, — это также и клиническая истина.

Мы сплошь да рядом не замечаем, что наши путешествия в основном сводятся к любованию пейзажем. Я люблю пальмы на фоне неба, блеск струящихся рек, горизонты, озаряемые неведомым мне доселе светом, но для меня неразделимы небо и дыхание человека, и в самой девственной и даже в самой суровой природе я неизменно ищу гармонию.

Здесь, на этом острове, гармонию нарушает несчастье. Необходимо очистить, восстановить в правах одну из стихий природы — воду. Она кишит паразитами. Вот иллюстрация к только что высказанной мною мысли — о связи человека с природой: народ страдает от болезней, но «заражена» и природа.

Запад больше не знает катастрофических эпидемий. Представьте себе постоянное, ежедневно преследующее вас проклятие — проклятие неотвратимое. Любой другой бич природы настигает вас со стороны; от него можно как-то укрыться. При эндемиях же (я имею в виду самые страшные) болезнь витает в воздухе, живет в воде, она притаилась в поглощаемой вами пище, на людях, с которыми вы общаетесь, иногда на самой почве. Болезнь заключена в нас. Она может вспыхнуть в любой момент. Человек носит в себе свою собственную смерть. Это хуже того, что предначертано ему природой: из смертного он превращается в обреченного на смерть. Не он движется к смерти, а смерть к нему.

Билгарциоз, поражающий около пятидесяти процентов жителей острова, приносит не смерть, а страдание, общее истощение организма, «утомление жизнью».

Весь ход болезни пока неясен. Я убежден лишь в том, что билгарциоз влияет не только на физическое, но и на моральное состояние человека. В этих еще почти девственных странах, где человек, одолеваемый тысячами примитивных забот, совсем беззащитен перед угрозой болезней, билгарциоз скручивает свою жертву и предопределяет ее судьбу.

Все несчастья, которые только могут обрушиться на человека, в известной мере приходят извне. Наша болезнь, даже если ею больны и другие, все равно принадлежит только каждому из нас. Она — наше прощ-

лое, она проникает в глубины нашего существа, определяет состояние нашего духа, мрачное и столь же непередаваемое, как сон. В этом настоящий ад. Худшее в аду то, что мы в нем одиноки.

Меня могут упрекнуть за то, что я начинаю описывать признаки болезни, не осветив сначала материальную сторону дела. Удалось подсчитать, во что обходится эта болезнь отдельным странам. В расчеты входили расходы на лечение, а также убытки, вызванные недоиспользованием рабочей силы. Однако эти расчеты, к сожалению, далеко не точны. По Филиппинам они еще не собраны, поскольку здесь контроль за использованием рабочей силы, занятой главным образом в сельском хозяйстве, невозможен, а некоторые болезни носят скрытый характер и не влекут за собой полной потери трудоспособности. К числу таких болезней относится и билгарциоз. Он калечит жизнь человека, повергает его в состояние маразма и делает бесполезным для общества. Билгарциоз, который филиппинцы называют также «болезнью пухлого живота», так как он проявляется здесь в форме кишечного заболевания, возникает в результате попадания в организм крошечной личинки, живущей в воде. Во время купания она незаметно проникает через кожу — для этого достаточно опустить в воду руку или ногу; ткань, прикрывающая тело, не представляет для личинки никакого препятствия.

Личинка начинает перемещаться по кровеносным сосудам через легкие и сердце. Выживает она в том случае, если ей удастся добраться до кишечника. Там она превращается в червячка длиной до 15 миллиметров. Пройдя печень, червячок окончательно обосновывается в кишечнике и откладывает на его стенках яички. Эти яички и являются причиной заболевания: попав в печень, они вызывают ее увеличение и даже цирроз и одновременно — изъязвление кишок. Внутри человеческого организма яички в личинку не превращаются. Такое превращение происходит в пресной воде.

В этой стране, изобилующей дождями и не знающей, что такое гигиена, яички, выброшенные в большом количестве естественным путем, без труда попа-

дают в свою родную стихию — воду. Маленькая личинка, развившаяся в воде из яйца, плавает в поисках моллюска билгарциоза, который станет ее гнездом, ее наседкой, ее материнской грудью. Если личинка не находит моллюска в течение двух дней, она погибает. Но воды Лейте кишат этими черными, величиной с пшеничное зерно существами. Личинка проникает в печень моллюска и развивается в ней, а покинув свое убежище, плавает в воде, пока снова не попадет через кожу в организм человека или животного.

Я намеренно так подробно описал процесс заражения билгарциозом. Болезни, возбуждаемые паразитами и уже совсем не встречающиеся в Европе, представляются мне одним из самых изначальных проклятий человечества. Корни его уходят к первобытным временам. Человек еще во власти природы. Царство животного мира берет над ним верх, и научная реальность оборачивается самыми мрачными мифами: на определенной стадии билгарциоза червь поселяется в сердце человека.

Я уже говорил о развитии болезни. Это дает возможность ясно представить себе всю глубину несчастья, постигающего филиппинцев. Нам кажется, что болезни, которые переносим мы, жители Европы, зарождаются в нас самих. Проникновение в организм микробов или вируса воспринимается нами как нечто отвлеченное и случайное. Болезни же, распространенные в Африке и Азии, вызываются паразитами, и человек здесь уже не властен над природой. В тело человека проникают черви еще при его жизни.

Опасность заболевания билгарциозом нависла над всеми жителями Лейте, за исключением горожан и горцев. Вода повсюду: на рисовых полях, в полноводных реках и болотах. Болезнь, поразившая тридцать три миллиона человек в районе Тихого океана и от двухсот до трехсот тысяч на Филиппинах, не может исчезнуть сама собой. Надо разорвать одно из звеньев в цепи заражения и прежде всего ополчиться на вместилище зла — моллюска. Предполагалось обезвреживать воду медным купоросом. Но на это уйдет только для острова Лейте более чем полмиллиарда франков в год.

Филиппинское государство в настоящий момент не может пойти на такие расходы. Кроме того, вода свободна, она повсюду. Для того чтобы обезвредить ее, следует вначале обуздать, направить по каналам, изменить всю гидрографию острова. Решить такую задачу значило бы добиться более рациональной ирригации, а это в свою очередь будет способствовать увеличению урожайности. Вот еще пример тесной связи между природой и человеком: здоровье и процветание зависят от приручения природы человеком. Плуг и кирка являются первыми средствами изгнания духов.

Поскольку пока еще нет возможности обезвредить воды при помощи химикалий, инженер-боливиец, представитель Всемирной организации здравоохранения, и его филиппинский коллега довольствуются тем, что заставляют местных жителей вырывать по берегам каналов и рек траву, за которую цепляются моллюски, учат людей строить уборные.

Когда я приехал в эту часть света, мне не терпелось увидеть, как у населения пробуждается политическое сознание. А вместо этого я вынужден вместе с ним вновь переживать детство человечества. В сопровождении гидов я прогуливаюсь по «barrios» (так на Филиппинах называются деревни). Мои спутники терпеливо расспрашивают жителей. Мы наклоняемся над лужами стоячей воды, обследуем отхожие места. И тут я постигаю, как трудно европейцу снизойти до истины.

Феи Пало

30 октября. На острове Лейте земля, как правило, принадлежит крупным помещикам. Многочисленные арендаторы владеют участками менее двух гектаров. В год на долю арендатора остается восемьсот килограммов риса, а для семьи в пять человек его требуется по меньшей мере тысяча килограммов. Остальные обитатели острова, живущие случайным заработком и рыбной ловлей, еще беднее. Не считая бананов и плодов папайи, фрукты — редкость. Молока и мяса мало.

Я прослушиваю эту информацию, пока наша машина еще идет вдоль берега. Море бросает металлический отблеск на узкую полосу черного песка, лежащую за рядом кокосовых пальм. Изредка встречаются дома рыбаков, возле них — рахитичные ребятишки со вздутыми животами и в слишком коротких рубашонках.

Вот девочка тянет за собой на веревке дохлую кошку.

Листва кокосовых пальм поблескивает на фоне синего неба. Внизу густо зеленеют незнакомые нам растения с широкими темными листьями. По другую сторону дороги — тусклая зелень рисовых полей.

Я начинаю понимать, что в этих краях рис является роскошью для большинства тех, кто его выращивает. Крестьяне Лейте продают часть урожая, чтобы приобрести более дешевые продукты. Они менее питательны, но их можно больше съесть — в результате создается иллюзия сытости. Тем самым люди обрекают себя на истощение из-за недоедания или, вернее, из-за плохого питания.

Известно, что первое выражение обозначает питание, недостаточное в количественном отношении, второе — в качественном. Чаще всего голод — это плохое питание, он нем, не вызывает острых болей, не порождает трагического выражения лица. Человеку почти всегда удастся набить желудок корнями, листьями, вареными зёрнами, разогреть его пряными приправами, которые, к счастью, богаты витаминами. Тем не менее нехватка белков в пище вызывает медленное истощение; о нем не всякий догадывается. Недоедание же скорее удел очень маленьких детей. Они не принимают или не в состоянии переварить неполноценную пищу, позволяющую взрослым обманывать свой желудок. Если, несмотря на крайнее похудание и истощение, они все же выживут, им тоже придется впоследствии питаться корнями, листьями, зёрнами — иллюзией. В этом переходе от недоедания к плохому питанию, в перманентном голодании — вся жизнь. Я сказал — жизнь. Сегодня на нашей земле это не одна жизнь, а сотни миллионов жизней.

В первой деревне, где мы остановились, в доме, представляющем собой легкую бамбуковую постройку

на сваях, я увидел ребенка лет двенадцати, который, протянув вперед руки, ощупью искал дверь.

— Слепой, — поясняет врач-индиец. — Видит только при очень ярком свете. Недостаток витамина «А».

С помощью переводчика я расспрашиваю мать. Да, у нее есть еще дети. Болеют ли они? Но прежде всего, как она распознает, больны они или здоровы?

— Когда они падают, — отвечает женщина. — Когда дети валяются на землю, значит, они больны. С цыплятами бывает то же самое.

Плохое или недостаточное питание большинства жителей Лейте осложняет решение проблем санитарии. Для человека с организмом, ослабленным или изнуренным лишениями (а разве туберкулез, поражающий здесь от тридцати до сорока процентов населения, не является следствием лишений?), билгарциоз становится причиной преждевременной смерти. Истощенному больному противопоказано лечение единственным лекарством, которым мы располагаем, — его способен вынести только сильный организм. Я говорю о фуадине — в его состав входит в основном сурьма. Кроме того, лекарство это слишком дорого (одна коробка стоит пятнадцать песо, т. е. три тысячи франков), чтобы население Филиппин могло им пользоваться. Вот оно — постоянное переплетение проблем! Представители Всемирной организации здравоохранения, призванные найти средства пресечения болезни, — происхождение, пути распространения и последствия ее уже известны — сразу же оказываются перед лицом сложной ситуации, созданной историческими, географическими, экономическими и религиозными особенностями. Эти люди вновь и вновь сталкиваются с тем, что я открываю впервые: прежде чем врачевать человека, следовало бы «лечить жизнь». Подсказывать властям, какие экономические меры следует принять, чтобы дать возможность филиппинцам лучше питаться, не входит в поставленную перед нами задачу. Нет сомнения, что такие меры можно изыскать. Столкнувшись с тем фактом, что владельцы больших поместий в две тысячи гектаров собирают четыреста тысяч кокосовых орехов в год, я предаюсь, по примеру Толстого, мечте о разделе земли.

Представителям Международной организации здравоохранения некогда предаваться мечтаниям. Они изыскивают средства борьбы с болезнью и одновременно обучают население правилам санитарии. Прежде всего следует проникнуть в мир легенд, однако отнюдь не стремясь разрушить его. Безусловно, в этот мир можно и должно внести свет...

2 ноября. Какой свет? Мы научились остерегаться тех, кто считает своим долгом просвещать народы. Даже при самых чистых намерениях такие люди воздвигали между собой и просвещаемыми народами высокую стену, которую никакое человеколюбие не в силах было преодолеть. В наши дни любое сотрудничество должно проводиться с умом. По моему мнению, следует сначала понять точку зрения окружающих, проверяя преимущества собственных добродетелей и верований на опыте тех людей, чьи верования кажутся нам особенно чуждыми. Так мы и поступаем на Филиппинах.

В тех деревнях, где представители Всемирной организации здравоохранения проводят обследование, они прежде всего изучают широко распространенные здесь легенды и сказания. Чувствуя себя на земле одинокими, жители этих отдаленных островов населили небо. Они поделили его на несколько этажей. Наверху пребывают божества и католические святые, ниже — над самыми вершинами деревьев, — словно молчаливые, грустные птицы, парят феи. Их называют «епсantos». Одни из них черные, другие — белые. Но я не знаю, какой из этих двух цветов означает «порчу», жестокость, смерть. Возможно, что белый цвет. Здесь приходится отречься от привычных нам ассоциаций. Черный цвет может олицетворять радость, а белый — угрозу и кошмар.

Густой шатер из листьев простирается над нашими головами. Мы идем по жесткой, блеклой траве, рискуя на каждом шагу наступить на кобру. Знать — это еще далеко не все. Мы должны проникнуть во тьму религиозных представлений.

Пока мы гуляем, выступающий в роли гида крестьянин показывает нам деревья, в листьях которых живут феи. Мы заходим в дом к «herbilario» — знаха-

рю, лечащему травами. Хотя он слеп, перед ним на столе горит масляная лампа. Знахарь рассказывает нам об «aswangos». Это люди, которыми овладели бесы. Ваш сосед или соседка, день за днем ведущие на ваших глазах столь же будничную и примитивную жизнь, как и вы, ночью вдруг оборачивается животным и исчезает из деревни. Теперь это существо несет людям страдания и смерть. Там, где живет оборотень, на потолке не заводится паутина — вот единственный признак, который позволяет проверить преследующие вас подозрения по отношению к ближнему.

Люди здесь живут в атмосфере вечных подозрений. Зло таится повсюду — в воздухе, на деревьях, в траве. Под каждым листом подстерегает «сглаз» и неприятности. Никогда ничего нельзя знать наверняка. Человек окружен мраком неведения. День — не что иное, как уловка ночи; свет — всего лишь маска, которой прикрывается оборотень.

Можно сказать, что в здешних местах масляная лампочка слепого знахаря — единственный символ знания. Все остальное — тревожно. И мы должны проникнуться тревогой, преследующей по пятам этих людей.

Вся мифология поднята на борьбу со «злыми духами». Ведь если безнадежные болезни на острове вызваны кознями фей и оборотней, то существует нечто, противостоящее этому злу. Подобная уверенность дает какое-то утешение. Мифы — инстинктивная самозащита изолированной личности; в болезни она видит мистическую связь человека с природой.

В деревне Пало, напоминающей вместе со своей большой иезуитской церковью мексиканскую деревню, некоторых больных начали лечить препаратом фаудина. Больные выздоровели. Жителей деревни охватила паника: мучившие их болезни, в которых они отчасти винили злых духов, внезапно предстали перед ними в своей простой материальной сущности. Оказалось, что болезни можно одолеть лекарством. Но лекарства мало, оно дорого стоит, принимать его в известных случаях опасно, врачи не решаются прописывать его больным с ослабленным организмом. Те же, кто может принимать лекарство, боятся, чувствуя себя одинокими жертвами

отчаянной несправедливости. Они считали, что их преследует нечистая сила, а оказалось, что они просто больны тяжелой болезнью и в небе нет духов, а на земле есть врачи, и приходится платить за снадобья.

Конечно, все это вовсе не означает, что до тех пор, пока не будет найдена некая панацея, эти народы следует предоставить феям. Речь идет не столько о том, чтобы просветить этих людей, сколько о том, чтобы в один прекрасный день извлечь их из бездны мрака.

Песня деревни Багаюпи

5 ноября. Странные дни пережил я на этом острове, истомленном мучительным зноем. Все произошло так стремительно. В Париже шел дождь. Для меня это время — начало ежегодно возобновляющейся поры душевного уныния.

В деревне Багаюпи на острове Лейте бригада Всемирной организации здравоохранения не остается в стороне от мероприятий по развитию страны. За последнее время по инициативе правительства агрономы, градостроители и медицинские работники пытаются создать деревенские комитеты, с помощью которых надеются несколько улучшить условия жизни населения.

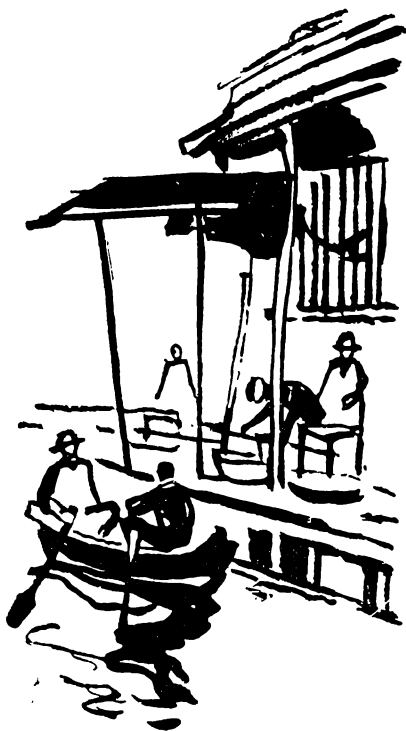
Рост сельскохозяйственного производства, контроль за водными источниками, строгое наблюдение за ассенизацией в деревнях — все это лучше, чем лекарства и химическая очистка воды, помогло бы справиться с билгарциозом. Здесь требования медицины непосредственно срастаются с политическими требованиями.

Частые удары по старой бутылке, заменяющей гонг, сзывают жителей деревни на собрание. Я присутствую при открытом голосовании. Решается вопрос об изгнании из деревни одичавших свиней. Затем начинается оживленная дискуссия о том, что детям не в чем ходить в школу. Я смотрю на этих мужчин и женщин, которые впервые собрались здесь все вместе. Они стесняются присутствия влиятельных лиц деревни и иностранцев

и, опасаясь вопросов, иногда прячутся за спины сидящих впереди односельчан.

Высказаться вслух, впервые в жизни поведать, что у тебя на душе, — все равно что утратить своего рода целомудрие, — шаг, над которым приходится призадуматься. После этого, даже если будешь молчать вечно, жизнь все равно не станет прежней. Человек будет ждать ответа, попытается задать новый вопрос, в котором пойдет еще дальше, и осознает свое несчастье... Эти бедные люди с симпатичными лицами еще никогда не говорили о своем несчастье. Теперь они заговорят, они уже говорят, правда, пока еще неумело. Они не могут оторвать глаз от своих рук, то сжимают, то разжимают пальцы... Но пусть так, — все равно вы чувствуете, как рассеивается мрак векового молчания.

Под конец, чтобы немного разрядить атмосферу, присутствующим предлагают спеть. Я приготовился услышать народную песню, хор. Однако фольклор острова, по-видимому, не слишком богат. Люди нерешительно переглядываются. И вот робко встает какая-то девушка. На ней обтрепанное, жалкое платье. Заунывным голосом, фальшивя, она затягивает избитую американскую песенку «Darling don't let me cry». Душный вечер в глухой деревне, бесконечные споры на животрепещущие темы — о свиньях и отбросах, унылый напев банальной песенки, безучастные лица, запах бедности, надтреснутый звук импровизированного гонга — все это создает впечатление, которому не подберешь названия. Впрочем, неправда, название есть, трудное название. Я ищу его. Можно было бы сказать «человек», «надежда», «истина», но нет, не то!.. Может быть, все три слова вместе и вдобавок еще что-то? Хотелось бы мне знать, как это называется, когда наступает вечер, такой, как сегодня, и ты чувствуешь, что начинается нечто небывалое?

ТАИЛАНД

Утро Таиланда

М

жду Бангкоком и Кон-
кеном, 10 ноября. Ста-
рушка Азия. Едем и
вдыхаем запах истощен-

ной земли. После Бангкока потянулись рисовые поля. Наступила ночь, взошла луна, и из окна вагона можно было видеть поблескивающие на черной земле лужи. Затем пошли холмы, поросшие густой растительностью, и непроходимые лесные чащи. Сегодня утром снова показались рисовые поля. Куда ни глянешь — всюду, иногда до самого горизонта, тянутся затопленные водой квадраты — поля невысокого риса, напоминающего сорную траву. Земля затоплена желтой водой. Буйвол тянет почти потонувший плуг, который

напоминает показавшийся из грунта якорь. За плугом по колено в воде бредет человек. Каждый его шаг — кусок пашни, вырванный у первозданной хляби. Вырастить рис — значит жить. Скоро рис созреет. Нег в жизни этих людей зернышка таинственней и бесценней, чем маленькое зернышко риса, возвращенного столь тяжелым многодневным трудом. Оно твердо, как камень, как оникс. Это зернышко — плод, рожденный от встречи земли Азии с водой. Тысячелетиями сотни миллионов людей — от рождения и до самой смерти — не знали ничего, кроме риса. Они терпеливо растили его, словно просеивали сквозь пальцы песок пустыни.

Я видел, как по узким каналам, пересекающим Бангкок, под мостами, по которым снует оживленная толпа, непрерывно скользят вместительные баржи, доверху наполненные рисом. При резких толчках тяжелая баржа накрывается, и быстрые струйки риса сыпаются в темную воду. Иногда на огромные белые горы зерна садятся птицы. Рис повсюду — в лодках, на грузовиках, прямо на земле около лавок, в вагонах поездов; он — олицетворение Азии: больше риса — больше людей. В других местах жизнь зависит от многих продуктов земли, от богатства ее недр, от уровня развития техники. Здесь же зависимость прямая, элементарная. Однако не надо забывать, что в основе ее — человеческое терпение.

Терпение и буддизм... Наш поезд ползет вдоль одной из деревень. Еще едва рассвело, а буддийские монахи уже обходят дома, собирая пожертвования — рис. Оранжевый цвет их одежд ослепительно ярок на фоне мягких красок не успевшего стряхнуть с себя дрему утра.

На земле нет другой страны, в жизни которой религия занимала бы такое важное место. Почти все мужчины Таиланда, особенно жители деревень, проводят определенное время при храмах в качестве послушников, а потом и монахов. Они облачаются в оранжевое одеяние, представляющее собой обыкновенный кусок материи, обмотанный вокруг голого тела, и, далекие от покинутого ими мира, тратят многие месяцы и даже годы на молитвы и сбор подаяний.

Каждый житель раз в неделю либо раз в день, в зависимости от состоятельности или щедрости, кормит монахов. Это нельзя рассматривать как паразитизм. Любой человек может раз в жизни воспользоваться таким обычаем, тем более что монахи несут в народ получаемые в храмах знания. Пусть несколько своеобразные, знания эти в какой-то мере способствуют культурному развитию народа.

Не знаю, чему это приписать — то ли многочисленным монахам в лучезарных одеяниях, спокойно и мечтательно прохаживающимся по деревенским улицам, то ли благодушным торговцам, стоящим у дверей китайских лавок, то ли безоблачному утру, но я ощущаю здесь атмосферу мира и счастья. Как хорошо, что день начинается так: ведь я еду в Конкен, где мне предстоит видеть прокаженных.

Почему прокаженных? В Таиланде проказа — болезнь не самая распространенная. Она не смертельна. В наши дни проказа излечима. Кишечные болезни, малярия (несмотря на то что в результате активной деятельности органов здравоохранения число заболеваний сокращено вдвое) наряду с туберкулезом и авитаминозом — вот самые трудные проблемы. Смертность, вызываемая этими заболеваниями, еще очень велика: лишь сорок четыре процента детей достигает пятнадцатилетнего возраста (в странах Запада — девяносто три процента); восемнадцать процентов доживает до шестидесяти лет (против семидесяти процентов на Западе). Так почему же тогда меня интересует проказа, встречающаяся лишь среди незначительной части населения? Потому что проказа — болезнь, о которой сложены легенды, это социальное зло, влекущее за собой изоляцию зараженных, заболевание, которое, подобно всем другим, нуждается в лечении и профилактике, но, кроме того, еще и тревожит сознание. Проказа возвращает нас к древней евангельской притче о поцелуе прокаженного.

Само слово «прокаженный» ассоциируется с беспроектным мраком, вселяет ужас. Люди пытаются изгнать это слово из своего лексикона, заменив выражением «больной проказой». Тем не менее я продолжаю писать

«прокаженные». И позволяю себе это не потому, что не понимаю значения этого печального слова, а потому, что вкладываю в него ровно столько, сколько оно означает. До последнего времени больных проказой подвергали пожизненной изоляции в лепрозориях, а людей, соглашавшихся за ними ухаживать, считали подвижниками, приносящими себя в жертву во имя человеколюбия. Таким образом, прокаженные невольно становились поставщиками святости: служение им обеспечивало место в раю. Ставят ли люди перед собой такую цель сегодня? Не наступило ли время, когда рай, прежде достигавшийся ценой человеческой жизни, должен стать доступным лишь живым людям в их земном существовании?

Не знаю, почему я говорю о рае. Быть может, под впечатлением тихого тайландского утра... Сойдя с поезда, мы проходим по базарной площади городка Конкен.

Здесь все напоминает Китай: его границы уже совсем близко. С давних пор китайцы переселялись в эти края. В Таиланде насчитывается свыше трех миллионов китайцев.

В Конкене мне предстояло встретиться с испанцем и тайландцем, работающими над новым методом лечения проказы. Испанский врач живет на краю города в большом деревянном доме, притаившемся в тени обступивших его деревьев. Молоденькая босоногая служанка проводит нас через длинную комнату; в глубине ее стоит алтарь для отправления мессы, бедный алтарь, похожий на старинный, слишком высокий туалетный стол, с которого сняли флаконы, оставив лишь два деревянных подсвечника. Над алтарем возвышается крест. Снаружи — яркое утро, а здесь — неожиданная тень.

Испанский врач торопливо выходит к нам, бормоча извинения и на ходу приглаживая черные волосы. По-видимому, ему нет и тридцати. Он худощав, не очень высок, носит короткие усики. Его внешний вид, подвижность успокаивают меня. Он задает мне вопросы. Нет, я ничего не знаю о проказе, почти ничего, только то, о чем повествует притча.

— Неважно. Все очень просто. В течение двух недель любой может узнать о ней столько же, сколько знаю я. Мы поедем туда вместе.

И снова утро. Мне вспоминаются другие утра, похожие на это. Я всегда стремился побольше узнать о болезнях, которыми страдают люди. Я посещал больницы. Врачи назначали мне свидания по утрам. Обычно больницы — это строения, расположенные вдали от жилья, среди больших парков, засаженных деревьями, названия которых я никогда не слышал. Все было спокойно. Болезни, уподобившиеся ссылке. Утро. Мне говорили: «Начнем наш обход. Я буду объяснять». Отворялась первая дверь, и внезапно я чувствовал, что того мира, в котором я только что находился, больше не существует. Я попадал в другой мир, в другое время, в нем звучал другой язык, царила другая тишина. Это был мир страданий, заточивший в темницу свежее утро.

Сегодня я испытываю то же самое. Стены лепрозория возвышаются вблизи Конкена. Медицинский персонал располагает здесь своими лабораториями, палатами для врачебного осмотра. Проказа вызывает снижение процента гемоглобина — белокровие. Тайландские сестры милосердия размазывают между двумя стеклянными пластинками каплю крови, сравнивают результаты. На столе лежит кирпич. Он яркого розовато-коричневого цвета: такой бывает окраска первого пятна на теле больного проказой. Цвет кирпича служит критерием, напоминает о веках позора, возрождает миф о проказе. Долгое время, иногда годы, человек носит болезнь в себе, не испытывая никаких страданий, и вдруг, внезапно, на его теле появляется розовато-коричневое первородное пятно, которое постепенно расползается. С этого момента все кончено, человек отдан во власть болезни. Он осужден на проклятие, никогда уже не обрести ему прежней чистоты. Не иначе, как все силы неба и ада потребовались для того, чтобы по земле ходили люди, покрытые пятнами проказы.

Теперь я должен вновь проделать аналогичный путь. Мне предстоит открыть проказу и одновременно тех, кто ею страдает.

12 ноября. В лепрозории я пробыл недолго. Это селение с серыми дощатыми домиками барачного типа; больные живут в них семьями и поодиночке. Бараки окружены широкими лужайками, по которым уныло бродят больные. Здесь все мрачно, беспросветно. Выздоровление приходит нескоро. Это один из последних лепрозориев. Испанский врач и его тайландский коллега стоят за закрытие всех учреждений подобного типа. Эта идея родилась как результат многочисленных наблюдений и эпидемиологических обследований, широко применяемых в работе Всемирной организации здравоохранения. Разумеется, речь идет не о переписи всех прокаженных Таиланда, а о сборе конкретных данных, касающихся того, что сейчас называется санитарным, экономическим и социальным «контекстом» проказы. Главная цель этого мероприятия — выработать метод лечения больных сульфонами. Сульфоны излечивают проказу, но действуют медленно. «Побеление» пятен зачастую начинается лишь к концу второго года лечения, проводимого почти ежедневно. Кроме того, лечение сульфонами часто сопровождается сильными обострениями, воспалениями кожи и снижением процента гемоглобина. Проводить лечение этими лекарствами можно только под наблюдением врача. Оригинальность нового метода борьбы с проказой, предложенного испанским и тайландским медиками, заключается в отказе от госпитализации больных и в переходе к лечению их в домашних условиях. Это потребует создания медицинских бригад, в обязанности которых входило бы систематическое снабжение деревень лекарствами и наблюдение за больными, проходящими курс лечения. В ряде случаев положение осложняется тем, что деревни находятся друг от друга на большом расстоянии и сплошь да рядом лишены удобных дорог. Чтобы обойти эти трудности, предполагается основать добровольные общины прокаженных поблизости от крупных дорожных магистралей. Создание таких общин позволило бы освоить пустующие земли, содей-

ствовало бы трудоустройству людей, обреченных болезнью на безработицу, и тем самым дало бы возможность прокаженным чувствовать себя полноценными членами общества. Сейчас этот проект проверяется на практике. Кажется, она дает убедительные результаты.

Мы едем в облаке красной пыли по тряской дороге, напоминающей гофрированное железо. Спидометр джипа, за рулем которого сидит испанский врач, показывает скорость до ста километров в час: при такой скорости не очень трясет.

Машина летит вперед. Подъезжая к шатким деревянным мосткам, перекинутым через ручейки, бороздящие тайландские поля, наш водитель крепче сжимает баранку, прищуривается, как целящийся охотник.

— Проскочим лишь на большой скорости — иначе можно провалиться.

На голове врача берет цвета хаки, украшенный двумя металлическими звездочками, — походный головной убор испанских офицеров. Мой спутник редко с ним расстается. Мне не очень нравится этот символ. Подобные условные значки, символизирующие подвижничество, не внушают мне доверия. Солдат здравоохранения? А что если бы я оказался на месте этого человека? Смог бы я с пакетом медикаментов, привязанным к шее, переплывать реки, когда нет мостов, часами идти пешком, чтобы добраться до деревни, к которой не ведет ни одна проезжая дорога? Я внушаю себе, что, если бы человеку запрещали иногда мечтать о подвиге, дело бы не продвинулось ни на шаг.

Шоссе сменилось узкими тропами, занесенными песком. Очевидно, это русла речек, которые образуются в сезон дождей. Джип буксует, его заносит на поворотах. Вторая машина, где сидят тайландский врач и санитары, едет следом за нами. Обе машины оставляют за собой огромную тучу пыли, издали, вероятно, напоминающую клубы дыма.

Мы останавливаемся в поле, недалеко от поднятого на сваях строения. Сквозь бамбуковые стены можно заглянуть внутрь. Это деревенская школа. К нам выходят два учителя и приветствуют нас согласно местному обычаю — склонив голову над руками, сложенными

ладонями вместе. Это буддийское приветствие — знак уважения, молчаливый поклон. Гостеприимна страна, в которой уже одно присутствие чужих священно... Мы отвечаем тем же приветствием. Затем учителя приглашают нас в школу. Начинается обследование.

Первое опознание проказы не так уж сложно; для этого требуется немного: булавка, щетка и вода. Влажной щеткой промывают кожу на том месте, где предполагается наличие пятна. Как правило, первое пятно появляется около поясницы. Булавкой проверяют чувствительность кожи. Частичная потеря чувствительности проявляется уже на ранней стадии заболевания. Припоминаю характерные случаи — с каждым днем их становится все больше и больше. В Конкене, например, неделю тому назад девушка готовила на плите обед, случайно коснулась рукой раскаленного чугуна, но боли от ожога не почувствовала. До этого момента девушка не знала, что больна проказой.

Если у человека обнаружат пятна или потерю чувствительности, следует проверить процент гемоглобина в крови. Затем у больного берут срез кожи. Микроскоп поможет найти бактерии. До появления язв на коже бактерии, представляющие собой красные палочки, ничем не отличающиеся от палочек Коха, скопляются в ушных раковинах. Проказа и туберкулез — болезни родственные. Существует легкая форма заболевания, так называемая туберкулезная проказа. По утверждению некоторых ученых, ее можно обнаружить у человека, которому сделали прививку от туберкулеза. Такой человек обладает иммунитетом к настоящей, большой проказе. А именно эта форма заболевания является самой страшной. Если больного оставить без медицинской помощи, то вскоре у него по ходу нервных стволов образуются эритемы, бугорки, начнут прощупываться «четки». Вчера, когда мне предложили осмотреть больного, я прощупал такие «четки». С этого момента пальцы больного начинают западать: по выражению врачей, «больной показывает коготки». Затем появляется новый симптом — «антониево лицо» (по имени римского императора Антония); лицо больного теряет подвижность, застывает. Потом появляются

язвы. Постепенно ими покрывается все тело. К пальцам рук и ног перестает поступать кровь, и они безболезненно отваливаются, не оставляя ран. Лицо приобретает львиное выражение. Волосы на голове и теле выпадают. Половые органы атрофируются. У мужчин набухают груди. У женщин прекращаются месячные. Голос больного становится хриплым. Что добавить еще?

Второй подобной болезни, которая так свободно и безраздельно распоряжалась бы человеческим организмом, не существует. Ни одна болезнь, кроме проказы, не перекраивает подобным образом человеческое тело, не обесцвечивает и не перекрашивает его, не лишает признаков пола, не меняет черт лица. Но проказа не только разрушает — она и творит: на последних стадиях своего развития она превращает больного в образец негритянского или полинезийского искусства, в тотем, дошедший до наших дней. Проказа как бы вновь воспроизводит кошмар первобытных времен. Она обращается с человеческим телом, как какой-нибудь скульптор-варвар: отламывает палец, потом другой, третий, добавляет бугорки, отпечатывает узоры на коже, расплющивает нос, проваливает щеки, чудовищно меняет форму ушных раковин. Это страшное творчество длится долго. Одни язвы засыхают, другие появляются. Прокаженный испытывает пронзительную, острую боль. От проказы не умирают. Ослабевший, преисполненный отвращения к себе, больной до конца дней своих остается источником заразы.

Трудно поверить, что эти маленькие тайландские школьницы, проходящие сейчас перед нами, когда-нибудь могут превратиться в подобные чудовища!.. Кругом светло, спокойно, над полями тишина солнечного утра. Сквозь бамбуковые стены в школу проскальзывают тонкие солнечные лучи. Маленькие школьницы недоверчиво бросают быстрые взгляды....

Зажатая между пальцами булавка совершает прогулку по коже девочек.

— Колет?

— Да.

— Колет?.. Колет?

Девочка уже сама не знает, колет или нет, она со-

средоточенно сморщила лицо — боится ошибиться. А может быть, это недовольство? Что за глупая игра с булавкой! Я подумал, не лучше ли было бы это делать не нам, иностранцам, а местным жителям. У нас чужие лица, мы слишком много разговариваем, суедемся. Нам никак не удастся соразмерить свои движения и поступки с установившимся здесь ритмом жизни. Что бы мы ни делали, все будет неуместно, непривычно для них. Однако скоро нас здесь не будет. На смену нам придут тайландские врачи.

— Посмотрите сюда, на это пятно, — обращается ко мне испанский врач, указывая на более светлое место на спине девочки. — Пока еще ничего определенного, но все же меня беспокоит...

Школьницу спрашивают, откуда она. Девочка называет деревню. Об этой деревне врач-испанец еще ни разу не слышал. Следует в ней побывать. Не гнездится ли там проказа?

Мы усаживаем девочку в джип. Она указывает нам дорогу. Останавливаемся в деревушке, состоящей из бамбуковых домов и хижин. Кругом тенистые деревья. У края деревушки буддийский монастырь. Монахи сидят на корточках в большой со всех сторон открытой комнате. С ними беседует их наставник.

Деревушка выглядит бедно. Повсюду разлита тишина и как бы вечерняя истома, хотя день еще в самом разгаре. Женщины выходят на порог своих хижин и останавливаются, вяло опустив руки. На утомленные лица падают пряди волос — женщины не откидывают их. Рты у всех полуоткрыты. Мужчины смотрят, руки их висят вдоль туловища. Около домов валяются глиняные черепки, солома.

Наконец, нам удастся найти старосту деревни. Он собирает часть жителей. Из лачуги выходит мужчина и как безумный начинает вертеться, потом приседает на корточки и медленно качает головой не то от душевной, не то от телесной муки. Его оставляют сидеть в стороне. Начинается обследование.

Прокаженные? Староста называет имена, указывает пальцем на отдельных жителей: на женщину с почерневшими от бетеля зубами, сующую ребенку сморщен-

ную грудь, — ребенок, если он еще не болен, непременно заболит проказой; на безразличного ко всему происходящему мужчину с львиным лицом, который, сидя на земле, обстригивает ветку; на женщину помоложе... Во многих деревнях Таиланда прокаженных не изгоняют из общества, а лишь избегают соприкасаться с ними. Это повседневная, хотя и относительная изоляция. Но кто знает, на каком расстоянии от себе подобных человек становится одиноким?

Болезнь, которая повсюду вселяет в людей ужас и издавна считается проклятием, здесь и для здоровых и для больных — всего лишь одна из жестоких случайностей жизни, каких немало. Здесь проказа — повседневная реальность. Эта болезнь бытует среди людей, прочно занимает свое место, и редко кому удастся ее потеснить. Она равнозначна туберкулезу, вдовству женщин и мужчин, смерти детей, тела которых закатывают в циновки. Она предпочтительнее, чем голод. Тут та или другая болезнь — не случайность, не неожиданность, как в других местах: она гнездится в самой жизни. Доказано, что человек, полноценно питающийся, избавленный от слишком тяжких забот, занимающийся общественным трудом, знающий радости и надежды, почти никогда не заражается проказой или постепенно излечивается от нее.

Мы не провели в деревне и часа, а уже обнаружили пять или шесть больных. Вызвавшая подозрение девочка исчезла. Безумный мужчина поднялся на ноги и снова завертелся на одном месте перед своей лачугой. Скоро полдень. Внезапно жара усилилась. Большие деревья застыли. Врачи продолжали обследовать жителей. Санитары заполняли учетные карточки, раздавали больным таблетки сульфона. Обслуживаемый этой медицинской бригадой район увеличился еще на одну деревню. С этого дня бригада будет являться сюда раз в две недели, чтобы проводить курс лечения больных. На первый взгляд он может показаться очень простым: больному дают проглотить таблетки. Но попробуйте внушить людям, никогда не видавшим лекарств, что таблетки, которые они от вас получают, не излечивают от всех болезней сразу. Многие больные, получая на

руки большое количество таблеток, норовят проглотить их за один прием, чтобы скорее вылечиться, некоторые же прибегают к этому препарату, чтобы избавиться от головной боли. Недавно один из прокаженных скончался — отравился лекарствами. Поэтому медицинские работники стараются вместо таблеток применять внутримышечные вливания сульфонов в дробных дозах. От этого систематическое посещение деревень не становится менее необходимым. Работа членов бригады изнурительна и не лишена героизма. Им приходится переплывать реки, совершать бесконечные переходы, вязнуть с машинами в трясине. Однако подобный героизм скоро отойдет в область истории. Недалеко то время, когда предоставление медицинской помощи народам перейдет в руки местных врачей. Используя опыт, накопленный их предшественниками, они смогут работать самостоятельно. Таиланд располагает достаточно большим числом врачей и среднего медицинского персонала.

Вчера вечером, когда на землю спустились мягкие сумерки, нам вздумалось поехать в одну из деревень неподалеку от Конкена. Никаких дел в этой деревушке у нас не было. Мы прогуливались по узким улицам вдоль бамбуковых заборов под сумеречной сенью деревьев. У порогов сидели люди с присущим жителям Азии видом благоразумных, послушно отдыхающих детей. Посреди деревни, рядом с буддийским храмом, в бараке разместился диспансер. В то время он уже был пуст, но двери остались открытыми. Мы вошли. Врач-испанец осмотрел помещение, заглянул в шкафы. Один из них оказался набитым одинаковыми коробочками. Это был ауреомицин, предназначенный для лечения трахомы, случаи которой часты в стране. Ауреомицин — один из самых дорогостоящих антибиотиков. В шкафу хранился запас этого лекарства на сумму в несколько тысяч франков — настоящее сокровище в такой нищей деревне! Испанский врач прочел на коробках дату, определяющую срок годности препарата. Оказалось, что срок этот истек более года тому назад. Теперь лекарство оставалось только выбросить.

Хочется кричать от сознания бессмысленности того,

с чем приходится сталкиваться! Вот пример, характеризующий нашу эпоху, ее бюрократическую слепоту. Описанный факт — не что иное, как один из тупиков, в которых то и дело застревает политика международной помощи. Высота принципов, на которых зиждется эта помощь, не подлежит сомнению. Иное дело — методы работы международных медицинских организаций. Временами все идет так, словно мы живем в мире, который не расшатывают бедность и нищета; временами все идет так, как будто в мире не существует далеких путей и дальних стран, где на иссохшей земле люди изнывают от голода и болезней.

Медицинских работников, лечащих проказу и являющихся звеном между больными и нами, не хватает. Где их взять? Бывало, из двадцати стран мира больные стекались к небольшим клочкам земли, обнесенным стенами и застроенным бараками. Теперь все изменилось. Врачи хотят, чтобы прокаженные жили свободно.

— Свобода уже сама по себе лекарство, — сказал мне врач-испанец, когда мы покидали деревню. — Представьте себе двоих страдающих проказой людей, у которых болезнь находится на одинаковой стадии развития. Для излечения того, кто будет заточен в лепрозории, потребуется восемь бутылочек сульфона. Тому же, кто будет лечиться на свободе, достаточно и четырех. Причина медленного выздоровления кроется не в самом заточении, а в его условиях. Ведь в лепрозориях больные бездеятельны, предоставлены своей болезни, у них нарушаются биологические функции. Свобода означает для них возможность находиться вместе с другими людьми.

Пригород проказы

15 ноября. Сегодня мы остались в Конкене. Я работаю в лаборатории, присутствую при консультациях. Оба врача рассказывают мне о своем методе лечения прокаженных. А как же инфекция? Разве не опасно

оставлять больных в кругу родных, в толпе? В толпе не опасно, заразиться проказой можно лишь при систематическом соприкосновении с больным. Однако в семье контакт неизбежен. Значит, пока еще риск есть. Современные способы лечения позволяют ограничить этот риск. Но все же непрестанная угроза появления ужасного призрака висит над людьми.

Вот перед нами две девочки лет двух-трех. Врач-испанец приподнимает на руках одну, потом другую:

— Посмотрите..

У одной пятна на ногах, у другой — на верхней части груди. Девочек заразил их отец. Он был изолирован от семьи для прохождения курса лечения большими дозами сульфонов. В воскресенье этот человек пришел домой повидаться с родными. Он играл с дочками, носил их на руках, прижимал к груди. Болезнь его находилась в то время в стадии сильного обострения. Это довольно часто наблюдается в течение некоторого времени при лечении сульфонами. Проказа буквально набросилась на детей. Сейчас их лечат, и скоро они будут здоровы. Подобные заражения не оставляют тяжелых последствий. Но все же близкие родственники лечащегося на свободе больного, даже если у них на теле нет пятен и не проявляются другие симптомы заболевания, находятся под наблюдением врача, а иногда и проходят лечение сульфонами. Средства, предупреждающего заболевание проказой, пока не существует.

17 ноября. Возле самого Конкена медицинская бригада создала деревню прокаженных. Это первый опыт подобного рода, проведенный в Таиланде. Правительство выделило больным землю. Они поделили ее между собой, организовав своего рода сельскохозяйственный кооператив. Это селение ничем не отличается от любой другой деревни. Правда, в нем меньше тени, поэтому климат кажется более жарким.

Урожай в этой общине распределяется по труду. Старосты нет. Мужчины входят в комитет, который большинством голосов принимает решения по всем вопросам, касающимся общины. Дети больных посещают школу в Конкене — ту же, в которой учатся дети, проживающие в городе. Жители деревни ходят в Конкен

за покупками. Эта деревня, подобно многим другим, превратилась в пригород. Буддийские монахи сюда не наведываются, зато другие религии не преминули занять свои места. Католический храм и протестантская церковь расположились в деревне по соседству — два жалких раскаленных солнцем барака под толевыми крышами. Я противник этих церквей и не хотел бы их видеть здесь. Если уж мы подаем людям надежду, зачем приплетать сюда бога? Его место — среди счастливых людей, пресытившихся радостью. Бог еще может пригодиться, когда счастливый человек начнет падать духом... Я не признаю бога для голодных и прокаженных.

Мы проходим по деревне. Дома расположены рядами, построены из бамбука и зачастую лучше, чем в соседних деревнях. А вот один из них просто сплетен из ветвей. Листья засохли и внутрь пробивается свет. На пороге — ребенок. У него на руке зияет глубокая рана.

— Родители мальчика бедствуют, — объясняет врач-испанец. Он осматривает руку ребенка. — Укус собаки. — Дает указание сопровождающему нас санитару, и мы идем дальше.

Вот магазин. Это всего лишь лоток, приютившийся под навесом барака. Здесь продают продукты и другие товары. Выставлены флаконы и коробочки — в них кремы для лица. «Придает необыкновенную бархатистость коже», — заверяет одна из этикеток. Я представил себе лица больных проказой женщин, только что встреченных мною в деревне, — эти сморщенные полупарализованные лица с шелушащейся кожей. Как нелепа здесь эта косметическая реклама! И как нелепо, что есть больные, которые отказываются от работы!

Солнце уже клонится к закату, но небо по-прежнему ясно. Жители деревни, мужчины и женщины с обожженными лицами, — люди вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня — возвращаются с полей. Возле меня врач-испанец беседует с одним из прокаженных о бале, который должен состояться в ближайшее время в деревне. Мой спутник говорит плохо по-тайландски. Санитар выступает в роли переводчика. Желая

ему помочь, врач напевает и, вытянув ладони, воспроизводит движения народного танца.

— Не знаете, как он называется? Это их национальный танец.

Нет, я не знаю. Я думаю о другом. Я всегда опасуюсь, как бы слишком упрощенная истина не заслонила от меня мир. Идет ли речь о счастье или несчастье, я постоянно подвергаю сомнению мое представление о реальном положении вещей, стремясь подметить крошечную мрачную деталь в беспечной радости и едва заметный просвет в безысходном горе.

И это становится для меня новым толчком к уходу, к блужданию по трудным путям в стремлении к иллюзорной цели; порой какая-нибудь сомнительная или просто странная деталь, встретившаяся мне на этом пути, укажет на то, что в моей жизни окончание путешествия никогда не станет конечной остановкой, а лишь привалом, местом, откуда можно повернуть и направо и налево, где одна истина принимает эстафету у другой: я смотрю на бредущего за нами ребенка, искусанного собакой, сынишку прокаженного.

Не послужило ли причиной к такому внезапному бегству в собственные мысли, бегству в вечное сомнение мое знакомство с общиной прокаженных, организованной в качестве опыта в этой деревне? Я только что говорил о надежде. Сейчас распространилась мания рассматривать надежду как сумму индивидуальных надежд. Я понял, сколько в этом заложено произвола. Деревни для прокаженных не нужны, даже если они уже созданы и процветают. Не нужно, чтобы общество, даже временно, вводило в закон исключения. Я считаю, что независимо от характера болезни надо лечить людей среди людей. В этом заключается интерес опыта, проводимого правительством Таиланда и Всемирной организацией здравоохранения. Проказа приходит в нашу жизнь, больные появляются среди нас, здоровых. Их лечат, не отрывая от повседневных занятий и привычного образа жизни. Они выздоравливают и растворяются в безымянной толпе, лица их теряются в непрерывном потоке лиц, но мы знаем, что жизнь этих людей вырвана у смерти.

ИНДОНЕЗИЯ

Дождь в Джакарте

Д

жакарта, 20 ноября.
Вчера вечером мы при-
были в Джакарту. Тем-
нело. На западе вспыш-

ки молний освещали огромные чернильно-синие тучи. Перед посадкой мы пролетели над Суматрой. Надвигался муссон. Вся покрытая растительностью, с воздуха напоминающей темно-зеленый мох, Суматра, казалось, не имела ни конца, ни края.

В Джакарте парит. Время от времени город омы-
вают дожди. По-видимому, дождь доставляет прохо-
жим радость: они не ищут, где бы укрыться. Вот едут
рикши, с невозмутимым видом нажимая на педали своих
велосипедов; рубашки у рикш прилипли к телу, мокрые

волосы придают им вид утопленников. Полуголые ребята выбегают из домов прямо под струи дождя. На берегах пересекающих город каналов с желтой, загрязненной отбросами водой совершают обряд омовения мужчины и женщины: первые — почти раздевшись, вторые — завернувшись в мокрый узорчатый шелк. Подавляющее большинство жителей страны — мусульмане. Тем не менее на внешнем виде города влияние Востока не сказывается. Повсюду — низкие дома, широкие многокилометровые проспекты разбегаются во всех направлениях. Голландцы предназначали город для торговых целей. Тяжелые двускатные крыши с коньками наверху, как в Амстердаме, вздымаются к небу, которое, несмотря на тучи, источает палящий зной. На краю города, у моря, раскинулась старая Батавия. С постройкой порта по последнему слову техники она опустела и сейчас напоминает старинный голландский эстамп, при изготовлении которого несколько злоупотребили охрой.

Во всем городе, обычно многолюдном и деятельном, сейчас ощущается некоторая скованность. То ли тут сказывается муссон, то ли другие причины — судить не берусь. Хотя я и пробыл в Индонезии всего один день, но уже знаю или, вернее, чувствую, что она сейчас переживает чудесное и трудное время второго дня независимости. Индонезия свободна, но ей предстоит завоевать и другую — экономическую свободу. Это нелегкая задача!

Прежде всего в стране неравномерная плотность населения. Она слишком велика на Яве, насчитывающей более пятидесяти миллионов жителей, в то время как остальные тридцать миллионов индонезийцев рассеяны по обширным просторам Суматры, Калимантана и других островов, которые освоены далеко не полностью. Это осложняет использование значительной части природных ресурсов, а ведь правительство в год тратит десять миллиардов франков на ввоз риса. Не считая рафинадных заводов и нескольких текстильных фабрик, промышленных предприятий мало. И наконец, в стране остро ощущается нехватка в образованных людях — 90% индонезийцев неграмотны. Недостает ин-

женеров, учителей, административного персонала. Что касается врачей...

Будет небесполезно сопоставить здесь некоторые цифры. В Индонезии имеется около тысячи двухсот врачей. Почти при таком же количестве жителей в Японии их — девяносто тысяч, а в Голландии, где насчитывается десять миллионов человек, — одиннадцать тысяч. Следовательно, в Индонезии один врач приходится на семьдесят тысяч жителей, тогда как в Голландии — менее чем на тысячу. Даже Индия, которая еще так бедна медицинским персоналом, обеспечена врачами в десять раз лучше Индонезии. Такое отставание может быть ликвидировано не раньше чем через двадцать лет. Для этого предстоит подготовить около восьмидесяти тысяч врачей — я уже не говорю о прочем медицинском персонале: акушерках, фармацевтах, сиделках. Даже если в Индонезии вдруг чудом окажется сотня медицинских школ с необходимым для них преподавательским составом, положение изменится не сразу. Откуда взять учеников в стране, где еще так мало детей получают начальное образование? Будущие индонезийские врачи (и это относится ко всем новым национальным кадрам) — в какой-то мере еще не родившееся поколение. Врачи Индонезии — поколение завтрашнего дня, которое получит школы, а позднее и медицинские факультеты.

В Индонезии не решены те же проблемы санитарии, что и в большинстве других стран Юго-Восточной Азии. Недоедание и плохие бытовые условия, оставшиеся в наследство от колониализма, способствуют заболеванию туберкулезом. Он очень распространен в стране. Часты случаи кишечных заболеваний, чему способствуют главным образом климатические условия. Малярия по-прежнему бич Индонезии. Фрамбезия, вызывающая страшные язвы на коже и деформацию костей, встречается в Индонезии чаще, чем где бы то ни было. Наконец, здесь есть и проказа, которой, надо признать, болеет лишь незначительная часть индонезийцев. Очевидно, население отличается слабым здоровьем. Мне называют две цифры, которые поражают меня больше, чем цифры, свидетельствующие о смертности:

в Индонезии средний вес мужчины — менее пятидесяти, а женщины — менее сорока килограммов.

Я боюсь поддаться чувству раздражения, назревающему во мне последние недели, по мере того как день за днем я наблюдаю трагедию человеческих страданий. Я веду расследование по делу, в котором виновные мной еще не найдены, накапливаю убийственные улики с таким грустным и бесполезным рвением, которому порою дивлюсь и сам. Я опускаю все то, что составляет содержание жизни этих людей, кроме болезней и голода: не упоминаю о танцах по вечерам, о пении женщин у колодца, о солнечных восходах, приносящих на миг забвение смерти, о легкости смеха, так же как и о любви, которая еженощно на краткий миг уносит людей за пределы несчастья, в ту обетованную страну, где двое существуют лишь друг для друга. Но я говорю себе, что человеческое счастье не должно основываться на таких ежедневных подачках. Пусть беднякам и достается мелкая монета случайного счастья, — мы не можем на нее рассчитывать. Мне кажется, что только справедливость к людям на земле — и лишь она одна — сможет когда-нибудь прийти на смену этой упорной и оскорбительной жалости.

Комары Семаранга

23 ноября. Мы оставили Джакарту купаться под теплым ливнем. За каких-нибудь несколько часов самолет доставил нас в Семаранг, расположенный в центре Явы. Блеск моря слепит глаза. Неподалеку от Бандунга высится большой вулкан, напоминающий башню или храм. Он уже не заволакивает дымом голубого неба, его склоны густо заросли ярко-зелеными лесами, которые кишат змеями...

Город Семаранг стоит на равнине, несколько отступившей от моря. Это столица малярии, вернее, одна из ее столиц, — ведь малярией болеет около одной пятой человечества, то есть пятьсот миллионов человек. Всемирная организация здравоохранения с помощью вла-

стей Индонезии проводит здесь опыт борьбы с малярией. И вот я становлюсь очевидцем этой борьбы. Кончится тем, что я полюблю свою миссию, даже ее трудности. Меня терзает изнурительная жара, ослепительный свет, масса сгорчений, но зато я вижу жизнь своими глазами. Вернувшись в Париж, я снова стану жить в ненужной спешке, оглушенный разговорами и встречами, буду волноваться, кокетничать со своей совестью, испытывать суетные радости тщеславия... Несмотря на приступы хандры, я счастлив, что нахожусь здесь. Я вижу все своими глазами и убеждаюсь в том, что объективное сознание существует. Для того мы и родились на свет, чтобы мыслить. Но жгучая и жалкая истина существует независимо от нашего сознания.

Нас принимает немецкий врач и работающий с ним индеец-энтомолог. По существующим правилам каждое правительство обязано прикомандировать к врачам Всемирной организации здравоохранения своего специалиста. Но у индонезийского правительства недостает врачей.

Гостиница, где мы остановились, называется «Белью». Такое название можно встретить в любом городе земного шара. Гостиница расположена в двух километрах от Семаранга, на поросшей лесом возвышенности, рядом с несколькими виллами. С тех пор как мы в ней поселились, нам приходится возвращаться сюда сразу после полудня, в час, когда из-за жары работать становится невыносимо трудно. В Семаранге, как почти на всей Яве, рабочий день заканчивается в два часа. Сезон дождей здесь еще не наступил. Вечера стоят безоблачные и очень длинные. С заходом солнца мы усаживаемся на террасе. Внизу перед нами глухо шумит город. Еще немного — и он засветится огнями. За городом — море, — отсюда его не видно. Как хорошо было бы ощутить легкое дуновение ветерка, пахнущего морем! Но оно скрылось куда-то, оставив нас изнывать в темном пекле.

— Их час настал, — говорит немецкий врач. — Но не беспокойтесь, сюда они не добираются.

«Они» — это слово составляет почти единственную тему наших бесед. Мы только и говорим о комарах, и

если врач вспоминает Волюнь, где мы с ним, несомненно, встречались несколько лет назад (тогда он был врачом вермахта, а я находился в исправительном лагере для военнопленных), то это опять же в связи с комарами, которых так много на болотах Припяти.

Индиец-энтомолог, работающий теперь с немцем, тоже не думает ни о чем другом, кроме комаров. Что касается его молодой жены, такой строгой и таинственной в своем длинном сари, то она сохраняет скромную, почти покорную позу индийских женщин и никогда не принимает участия в разговорах. По правде говоря, комар, называемый «*anopheles sundaicus*», вполне заслуживает того внимания, какое мы ему уделяем. В прибрежной равнине, по другую сторону города, как раз в том месте, где в дневное время поднимающийся с моря туман слегка застилает раскаленное небо, малярией болеет половина населения. Детская смертность огромна. Сельское хозяйство приходит в упадок. Дома полны больных, которых треплет малярия. Остальное время эти несчастные люди живут в состоянии апатии.

Едва наступает темнота, как в воздух проникает неуловимая опасность. Малярия населяет ночь невидимыми шипами, легким гудением. Человек почти не ощущает укуса — как будто ему на кожу упал крошечный лепесток. Позднее образуется небольшой ожог. Укус малярийного комара может быть смертельным. Малярия убивает главным образом детей, а также тех, кто, попав в малярийный район, не успевает приобрести естественного иммунитета. Именно так малярия уничтожила целые народы. Появившись неведомо откуда, болезнь настигала здоровых людей. Выживало лишь несколько человек. Они продолжали жить в очаге заболевания и уже никогда не болели.

В районе Семаранга имеется три вида комаров. Самый опасный из них — «*sundaicus*». Комары этого вида гнездятся в основном в солоноватой воде вдоль побережья. С наступлением вечера насекомые начинают летать вблизи жилищ. Некоторые комары способны пролетать по многу километров, «*sundaicus*» же — не более четырех. Потребность в крови, предпочтительнее

человеческой, испытывают только самки: она необходима им, чтобы оплодотворенные яички созрели. Самцы довольствуются цветами. Впрочем, у самок не такой уж большой аппетит — полагают, что они питаются лишь раз в два дня.

Индиец-энтомолог говорит не умолкая. Я слушаю его с интересом. Меня всегда занимали тайны животного мира. На сей раз причина моего интереса совсем иная. Ведь воздух, которым мы сейчас дышим, несет в себе смерть, он исполнен зла...

Так состоялась моя первая встреча с этой болезнью, о которой известно слишком много и в то же время слишком мало. Мы усиленно применяем меры предосторожности: противомоскитные сетки, профилактические лекарства. Самая распространенная мера борьбы с малярией — дезинсекция жилища путем опрыскивания. Применение других мер, например уничтожение личинок в водоемах, менее действенно и обходится дороже. Поэтому, ведя показательную борьбу с малярией, Всемирная организация здравоохранения использует для опрыскивания такие средства, как ДДТ, НСН или диэldrин (dieldrine).

Раствор жидкости, которым обрабатывают помещение, высыхает, оставляя на стенах тонкую пленку. Она не теряет своего действия в течение нескольких месяцев. Для применения этой меры необходимо предварительно изучить поведение комара в жилище, а затем создать бригады для опрыскивания; нужна также некоторая техническая подготовительная работа. В странах со слабой экономикой такая работа связана с рядом трудностей: плохие дороги, нехватка обученных рабочих. Но эти препятствия преодолимы. Следовательно, реальная возможность избавления от малярии существует. Но одно странное обстоятельство недавно поставило все наши планы под сомнение. Жидкость, истребляющая всех насекомых, перестала убивать комаров. Оказалось, что не только греческие «sacharovi» и «Superpietus», не только панамский «albimanus», но и «sundaicus» Явы не поддались действию всесильного ДДТ. Когда об этом стало известно, в двадцати странах земного шара угасла великая надежда. Непригодность химикатов, истреб-

ляющих насекомых, для борьбы с комарами обрекает на страдания миллионы человеческих существ.

Что же произошло? Сначала думали, что комар перестал реагировать на ДДТ. Но дело обстоит иначе. У каждого вида насекомых несколько представителей являются носителями наследственных свойств, ген, которые делают их устойчивыми против препаратов, истребляющих этих насекомых. Они выживают, в то время как им подобные погибают, спариваются и продолжают свой род, который улучшается и становится еще более жизнестойким. Через пять-семь лет создается некий подвид малярийного комара, абсолютно защищенный от действия препарата.

Таким образом, врачи и комары оказываются участниками своеобразных гонок. Если по прошествии пяти-семи лет комары окажутся у финиша первыми, на земле снова будет свирепствовать малярия, которая опустошит целые районы, разорит и ослабит крупные страны. Возможно, однако, что через пять-семь лет врачам удастся излечить тех, кто вновь подвергнется укусу комара.

Комар становится заразным только в том случае, если он укусит больного, находящегося в пароксизме малярии. Через двенадцать дней после этого в организме насекомого развиваются кровепаразиты малярии; теперь комар оказывается носителем инфекции и передает болезнь другим людям. А затем эти вновь заболевшие люди заражают уже других комаров, которые сосут их кровь, и те тоже в свою очередь становятся переносчиками зла. Так образуется непрерывная цепь, замкнутый круг.

К счастью для человеческого рода, не все комары могут быть носителями инфекции малярии, а лишь некоторые их виды. Один из таких видов встречается даже в Париже, в Булонском лесу. Если в Багателе поселить несколько сотен больных малярией, страшная эпидемия могла бы истребить население Нейи.

При благоприятном (несмертельном) исходе заболевание приобретает хроническую форму, и больной перестает быть носителем инфекции. У людей, страдающих хронической малярией, болезнь может быть обнаружена

только при исследовании. Признаком заболевания является увеличенная селезенка. Врачи называют это селезеночным симптомом.

Я пытаюсь кратко изложить то, о чем мне рассказывали в течение целого дня в лаборатории и пока мы прогуливались по деревням. Запоздалое обучение, заставившее меня осознать собственное невежество! Что поделать, — чтобы приблизиться к людям, надо прежде всего смириться.

Ложь Банденгана

25 ноября. Утро мы провели в рыбацкой деревушке Банденган. Большие квадраты парусов — серых с черными штрихами — медленно плывут к пристани. Выступающие из воды носы лодок расписаны завитками, каждый из которых формой своей напоминает огромный глаз. Море уже отступает, и днища лодок вязнут в иле. Рыбаки спрыгивают в воду — она им по самую грудь — и, напрягаясь изо всех сил, толкают свои суденышки к берегу. Серое море заполнилось рыбаками: шагая по груди в воде, они несут на плечах тяжелые парусники.

Банденган — рыба. Деревня приняла название рыбы, которой она живет. Здесь ее не только ловят, но и разводят. Вдоль побережья много искусственных водоемов. Их засевают икрой, собранной у Сулавеси. Этим промыслом, который якобы занесен индийцами, занимаются не менее восьмисот лет. В течение восьмисот лет тысячи людей (на сегодняшний день двести пятьдесят тысяч) живут рыбой, во всяком случае ее хватает, чтобы есть досыта. Вот уже восемьсот лет, как в Банденгане свирепствует малярия, — ее распространению, без сомнения, способствует наличие водоемов, в которых развиваются личинки комаров.

Написав это, я как будто противоречу самому себе — признаю справедливость нашего жизненного устройства. Восемьсот лет жизнь продолжается вопреки малярии. С прошлым покончено. На расстоянии

история всегда похожа на божье благословение. Но нет же! С прошлым не покончено. В нем есть что-то незавершенное, в нем что-то «не так». Его мертвые умерли, не дожив своего века; его годы не были полноценными. Лгут столетия. Тишина, исходящая от них, не дышит миром. Здесь все было несправедливо. Восемьсот лет тянулось это существование, которому не должно быть места на земле.

«Rapas tes», или «то жарко, то холодно», — как называют здесь малярию — по-прежнему дает себя знать. Круглый год в школьных журналах читаем: «Отсутствует из-за малярии». Детская смертность превышает пятнадцать процентов. Каждый человек ежемесячно проводит два-три дня дома в бреду, стуча зубами и обливаясь потом. Когда смерть начинает чересчур вольно хозяйничать в деревне, мэр Банденгана берет шляпу, обертывает чресла праздничным батиком — куском разрисованной от руки материи, из которой индонезийцы делают себе нечто вроде юбок, — и отправляется к губернатору провинции. Он возвращается с запасом хинина и бесплатно раздает его населению. Но люди не очень любят хинин. В Банденган дважды присылали бригаду для опрыскивания жилищ раствором ДДТ. После первого такого посещения комары исчезли. Потом они вернулись. Бригада опрыскивателей — тоже. Но на этот раз комары не улетели. Малярийный комар «sundaicus» перестал поддаваться действию ДДТ. Теперь предполагается заменить этот препарат диэдрином. Можно также рекомендовать жителям Банденгана профилактические средства от малярии. Следует принять и уже принимаются срочные меры. Если нельзя уничтожить комаров, нужно попытаться ликвидировать источник зла. Он — в человеке. Как в три года истребить комаров?! За это время люди, заболевшие малярией, успели бы выздороветь. Вот проблема, над которой следует поломать голову.

27 ноября. Вечер в Семаранге. Я впал в уныние. Зато врач и индиец-энтомолог сохраняют полное присутствие духа. Они пичкают себя противомаларийными лекарствами, спят за белыми сетками, разрабатывают планы, бегают по деревням. Я расстаюсь с ними и от-

правляюсь в Семаранг. С наступлением темноты у входа в город собирается большой базар. Просторная площадь застроена палатками, ярко освещенными ацетиленовыми фонарями; здесь продается одежда, ткани, домашняя утварь. Часто товары свалены прямо на земле у ног торговцев.

Из ресторанов, устроенных под открытым небом, в неподвижном вечернем воздухе распространяются запахи жира и пряностей. Сидя на корточках среди тысячи причудливых предметов, прорицатели, дабы привлечь внимание прохожих, «взглядом» удерживают кинжал в вертикальном положении — на острие.

Целый угол на базаре отведен медицине, медицине без дипломов, которой чаще всего занимаются индийцы. У них есть кое-какой настоящий инструментарий: аппарат для измерения давления крови или электроды для испытания рефлексов. Это придает им солидность. Не стесняясь толкущихся вокруг зевак, они занимаются промыванием глаз, лечением зубов. Яркий свет ацетилена обостряет черты запрокинутых лиц пациентов. Больные — горожане, одетые в современное платье, но бедно. У них смысленный вид. Быть может, некоторые из них умеют читать. Без особого воодушевления отдают они себя в руки шарлатанов.

В толпе никто громко не разговаривает, не смеется. Индонезия серьезна. С выражением загадочного терпения на лицах люди медленно прохаживаются, широко расставив ноги и вывернув ладони наружу. Загадочного! Опять эти заранее сложившиеся представления об Азии. Что загадочного в ожидании?

Завтра я покину Семаранг. В последний раз брожу по его вечерним улицам...

Свет Явы

Боробудур, 28 ноября. Этот знаменитый храм индийского буддизма возвышается на полпути между Семарангом и Джокьякартой, куда мы держим путь. Нас захватил в дороге дождь, принесенный муссоном. С

многоэтажной высоты пустого внутри храма, взгромоздившего свои серые камни среди чистого поля, взгляду открывается голая, наводящая невыразимую тоску местность. Ничто, кроме нескольких пальм, не напоминает о том, что мы в тропиках. Тихие зеленые или желтые поля; синие дали; где-то далеко туманная пелена дождя уже минует перевал холмов. Все это утвердилось на века, в каком-то безумии неподвижности, подобно тому как вечны такие же синие пейзажи на некоторых картинах итальянских мастеров. И это Азия, с ее голодом, с ее неподвижностью, с ее религией смерти и волей к жизни, с ее силой. Азия — слово, звучащее в наших устах, как свисток металлургического завода, слово, разожженное и разгорающееся.

В Джокьякарте мы остаемся недолго. Серый многолюдный город расположился вокруг белого дворца султана. Я прошу врача-индонезийца проводить нас куда-нибудь к южному побережью.

Я грежу о путешествии в дождь, мечтаю заблудиться в этой затопленной дождем стране и открыть в ее теплом тумане, в ее тишине еще одну истину. Мне дана полная свобода для наблюдений. Почему бы ею не воспользоваться? Я говорю себе иногда, что истина всегда приходит последней. Мы пускаемся в путь и долго едем наугад. Дождь не перестает.

Дремота одолевает меня, наплывает сновидение... Я остерегаюсь связывать сон с действительностью и не решаюсь его толковать, тем не менее я видел сон. В моей жизни еще не было случая, когда я не мог бы убедиться в том, что сон неразрывно связан с действительностью, является ее продолжением, отзвуком, и что, засыпая, мы слышим, как в соседней комнате притаилось вечное эхо наших шагов. Сегодня я вижу тяжелый сон, словно на меня обрушилось неведомое горе. Я чувствую себя несчастным.

На следующий день мы продолжаем свой путь, то и дело останавливаясь, чтобы задать вопросы крестьянам. Похоже, что они лучше питаются, но их дети больны. И здесь малярия.

По приезде в город мы наносим визит немецкому врачу, возглавляющему здесь небольшую больницу.

Индонезийское правительство вынуждено обращаться к иностранным врачам; это, как правило, немцы. Им предлагают довольно выгодные условия. Однако ограниченность средств не позволяет приглашать достаточное количество врачей со стороны: государство пока еще бедно. Экономические условия в стране таковы, что врачебная помощь должна предоставляться бесплатно. Только люди зажиточных классов — а это лишь незначительная часть населения — могут представить собой платную клиентуру для врачей. В этом заключается одна из серьезных проблем, встающих перед странами слабого экономического развития. Их население не приносит еще таких доходов, которые обеспечили бы содержание медицинского персонала. Более того, даже если бы Индонезия и располагала достаточными финансовыми возможностями для привлечения иностранных врачей, она столкнулась бы с другой проблемой: в развитых странах не нашлось бы необходимого резерва специалистов.

Принимающий нас немецкий врач — живой, даже несколько беспокойный, высокий молодой блондин с умным взглядом. Он один руководит больницей на двести коек. Электрического освещения в больнице нет. Сам врач спит на походной кровати. Собственно говоря, он почти не спит. На него одного приходится пятьсот тысяч жителей. Но люди приходят в больницу лишь в исключительных случаях, они привыкли приспособиваться к своим болезням. Люди слишком бедны, их чересчур много на этой неплодородной земле. Следовало бы переселить часть из них на неосвоенные земли соседних островов или построить промышленные предприятия. Туберкулез и малярия — хозяева здешних мест. Обычные противомаларийные средства — например, пириметамин — часто оказываются бесильными.

По мнению немецкого врача, в известных случаях в результате недоедания или просто плохого питания желудок выделяет соки, нейтрализующие положительное действие этих лекарств. Остается только хинин, но он «девитаминизирует» организм. А жителям здешних мест и так не хватает витаминов.

Детская смертность? Немецкий врач жестом показывает, что сдается, — у него нет времени ее учитывать.

Врач провожает нас к машине. По-прежнему льет сильный дождь. Ноги вязнут в грязи. В теплом предвечернем тумане городок кажется еще более серым.

— Я попытался сажать банановые пальмы, чтобы немного оживить этот сад, — объясняет нам немецкий врач, указывая на огороженный участок, где блестят лужицы желтой воды. — Напрасная затея: они не желают расти. Можно подумать, что и они больны...

Мы возвращаемся в Джокьякарту.

Похороны в Суродаби

30 ноября. Мы вторично пересекли остров и очутились на его северном берегу, у лагун, в которых рыбаки Явы разводят рыбу. Над морем сгущаются тучи. В Индонезии они предвещают первый дождь, приносимый муссоном. Ежегодно дождь начинает лить в один и тот же день, лишь иногда на день раньше или позже. Здесь небо сдерживает свои обещания. Не то, что жизнь.

Жители Суродаби, деревни, приютившейся между деревьями, рассчитывали получить со своих полей рис, а собирают урожай маниоки. Риса для посева не хватило. Мы остановили машину у поля. Я впервые вижу маниоку. Крестьяне стаскивают в одно место коричневые корни с твердой белой сердцевинкой. Их едят вареными. Маниока не столько утоляет голод, сколько притупляет его.

Вот уже десять лет, с самого ухода голландцев, рис является символом независимости. Его стали сажать повсюду. Затем начались трудности с ирригацией, не хватало рабочих рук и семян. Поэтому маниока пока еще вытесняет рис. Сегодня каждый житель Суродаби получает лишь полторы тысячи калорий в день, тогда как известно, что человек, потребляющий менее двух тысяч калорий, недоедает. В большинстве разви-

тых стран земного шара ежедневный рацион колеблется в пределах трех тысяч калорий.

В Индонезии редко удается получить такие точные цифры. Здесь никто специально не занимается собиранием статистических данных. Сведения о питании жителей Суродаби были собраны индонезийским врачом, руководившим в этом районе борьбой с фрамбезией.

До приезда в Азию я никогда не слышал об этом заболевании. Если бы мне даже и рассказали о нем раньше, знания мои оставались бы относительными. Эти страдания нужно видеть, их нельзя не увидеть. Вначале у больного вздувается кожа, потом она лопается, и по всему телу расползаются язвы. Эти язвы не затягиваются. Они ярко-красного цвета, будто раздавленные ягоды. Вот почему фрамбезию называют также «малинницей». Это — невенерический сифилис, поражающий не половые органы, а главным образом поверхностные ткани. Со временем он вызывает довольно серьезные деформации костей. Классический персонаж яванского театра, зародившегося еще десять веков назад, хромот, берцовая кость его искривлена и покрыта узлами. Это фрамбезия. Ею заражаются от простого прикосновения, иногда бывает достаточно пройти босиком по тому месту, где ходил больной.

Эта болезнь, обрушивающаяся прежде всего на детей, угрожает жизни человека не меньше, чем проказа. Она вызывает упадок сил, делает человека физически неполноценным и неспособным к нормальной жизни. Болезнь легко передается, что является серьезной угрозой. К счастью, фрамбезию излечивает простое лечебное средство — пенициллин. Во многих случаях достаточно одного укола пенициллина. Вот почему Всемирная организация здравоохранения и индонезийское правительство наметили ряд мероприятий, которые помогли бы ликвидировать фрамбезию по всей Индонезии. В настоящее время приблизительно шесть миллионов индонезийцев проходят лечение. В стране продолжается работа по выявлению больных. К сожалению, выявление это проходит медленно ввиду нехватки медицинского персонала.

Вот они, жертвы фрамбезии. Идет врачебный осмотр. На ступне больного язва. Это круглая ранка, немного напоминающая дырку в пятке чулка, сквозь которую видно тело. Язвы поднимаются по ноге, добираются до поясницы, спины. Ни нагноения, ни крови: раны обладают свежестью клейма. Нет сомнения, что со временем к этому можно привыкнуть. Человек проявляет по отношению к собственному телу братское терпение. Это не покорность судьбе и не твердость духа — скорее компромисс. Маленькая ранка, причиняющая легкую боль, то затихающую, то обостряющуюся, — эта физическая аномалия становится привычной.

Санитары делают уколы пенициллина собравшимся вокруг нас жителям деревни. Десять секунд — и человек уходит излеченным. Такое мгновенное изгнание «духов» меня зачаровывает. Это почти чудо, сотворенное руками человеческими. И тем не менее в настоящий момент еще столько людей, тело которых усеяно ранами! Знаю, близок день, когда Всемирная организация здравоохранения совместно с индонезийским правительством воплотят свою программу в жизнь. Фрамбезия исчезнет, и люди забудут об этой библейской болезни. Ну, а другие беды?

Староста деревни только что повторил мне: в Сюробади каждому человеку недостает сорока четырех килограммов риса в год.

— Да этот ребенок уже не стоит на ногах!

Показывая нам сына, мать прислонила его к себе. Чтобы мальчик не упал, она поддерживает его под мышки. Немного приподнятое, прислоненное спиной к коленям матери, тело его неловко изогнулось. Мальчик гол. Щуплые ручки и ножки, большая голова делают его похожим на зародыш. Живот вздут. Ребенок выпятил его с какой-то мрачной дерзостью и глядит на нас исподлобья сонными глазами.

Женщину расспрашивают. Санитары передают друг другу один из ее ответов. Он долетает до моих ушей: сегодня утром умер ее второй ребенок, тоже мальчик. Женщина говорит об этом без видимого страдания, без слез. Есть в здешних краях что-то, что пригупляет горе, его ранящее жало. Ребенок умер. Должно быть, га-

кие случаи в деревне не редкость. Утреннее солнце пробивается сквозь бамбуковые стены хижины, мальчик продолжает лежать на циновке и безмолвно смотреть на нас. Вот он снова прикрывает глаза, чтобы, может быть, никогда больше их не открыть. Или же вновь открывает, чтобы не закрыть. Так или иначе, он во власти ночи. Эта ночь, нависшая над детством! Держась за руки, дети бредут по узкому обрывистому краю жизни, бледные и голодные, трагические и наивные. Они дзигутся к смерти, а люди скажут, что бог прибрал их.

— Умершему ребенку было четыре года, — говорит мне один из санитаров. — Может быть, вы хотите узнать что-нибудь еще? Я могу расспросить женщину.

Нет, я больше ничего не хочу знать. Наверное, мне скажут, что этот мальчик тоже умрет. Не ст фрамбезии, покрывшей язвами его спину и конечности. Против фрамбезии поможет пенициллин, а недостаток пенициллина возместится терпением. Но нет лекарства против голода, терпеть голод — смертельно опасно.

Я узнаю его вкус: нам принесли сырой арахис и кокосовые орехи с рассеченной скорлупой — для утоления жажды. Знойно. Дождь не заставит себя ждать. Должно быть, голод на Яве и есть этот изнуряющий пот, эти продолжительные приливы крови. Вокруг меня разговор продолжается:

— Не хотите ли присутствовать при погребении?

Женщина с бесстрастным лицом по-прежнему здесь. Ее ребенку сделали укол. Он перестал плакать... Желая ли я присутствовать при погребении? Это предложение приводит меня в замешательство. Может быть, оно исходит от женщины или ее близких? Древние законы гостеприимства повелевают, чтобы гостю преподносили подарки — лучшие фрукты или какую-нибудь вещь, изготовленную в деревне. Но у жителей этой деревни ничего нет, кроме кокосовых орехов и арахиса; нет ничего и у этой женщины. Все, что они могут мне предложить, это присутствовать при погребении. Так я убеждаю себя, но, по-видимому, ошибаюсь. Вокруг меня слишком много говорят...

Я смотрю на часы. Мне пора. Сегодня предстоит насыщенный день, впереди еще длинный путь. Шест-

вие больных продолжается. Бич божий? Господне наказание? Нет, это только так кажется. Клеймо фрамбезии еще простительно. Подлинное клеймо первородного греха — это голод. Голод, оставшийся в наследство от голландских колонизаторов. Суматра, Калимантан. Что за бескрайние просторы — земли, которые можно удобрить, засеять; какие богатства рудных ископаемых! Во времена голландской оккупации вся жизнь была сосредоточена на Яве, острове, разбитом на квадраты полей, покрытом сетью дорог, застроенном городами. Сегодня индонезийский народ уже задыхается на этом перенаселенном острове, где или совсем нет дождя, или, наоборот, он льет без конца.

Пора двигаться дальше. Мы проходим по деревне, чтобы снова выйти на дорогу, где оставили свои машины. Гробик из веток уже готов, мы подходим как раз в тот момент, когда люди поднимают его с земли. Похоже, что он не тяжелее корзины. И не оборачиваясь, мы знаем, что похоронная процессия следует за нами. Когда мы выходим из деревни, начинается дождь, частый и теплый. Он возвещает новый сезон, более пасмурный, быть может, более мягкий. От земли исходит резкий запах. Никто не ускоряет шага. Вот и кладбище. Могила уже выкопана. Над другой свежей могилой раскрыт зонтик, чтобы рыхлую землю не размыв дождем.

Мы уже не разговариваем между собой. По нашим лицам стекают ручьи, рубашки прилипли к спине. Мы медленно бредем под теплым потоком. Я замечаю, что спутники мои стали как-то собраннее, а на мою душу снизошло удивительное спокойствие... Не знаю, в какой момент, — тогда ли, когда мы отдавали последний долг маленькому покойнику, или тогда, когда брели под шумящими струями, — пришла к нам, вошла в нас уверенность, что для этой страны, для этого народа наступает, наконец, новая пора.

МАЛАЙЯ

Подозреваемые Сингапура

Сингапур, 2 декабря. Наше судно направляется в открытое море. Серые волны. Вдали —

черные острова, несколько пароходов на якоре. Все неподвижно в это душное облачное утро. За портом протянулись в ряд высокие фасады зданий. Английские банки Сингапура продолжают смотреть на море, хотя после войны моря Азии с каждым днем становятся для них все более недоступными. Порт сократил перевозки.

Тем не менее в учреждениях по-прежнему гудят вентиляторы и работают английские служащие без пиджаков и в белых брюках. В окрестностях города перед дачными домиками малайские садовники ценой огромных

усилий продолжают поддерживать порядок на английских лужайках, которым угрожают буйные поросли кустарника. В городе китайские лавочники, как и прежде, выставляют товары, завезенные из всех стран мира, а бородатые индийцы разворачивают перед глазами прохожих бумажные ткани Калькутты и шелка Бенареса.

Я увидел здесь то, что и ожидал увидеть: искусственный город, живописный и исполненный своеобразного достоинства, город, поставляющий великолепные сюжеты для космополитических романов, — город, который сегодня заслоняет от меня страну. Вчерашний вечер мы провели, как все путешественники: побывали в одном из китайских дансингов. Они здесь попадают на каждом шагу.

Разумеется, я остановился в Сингапуре не для того, чтобы освежить впечатления, навеянные прочитанными книгами, и еще менее — из желания познакомиться с Малайей. Я знал, что здесь мне ее не увидеть. Я остановился в Сингапуре для изучения проблемы карантина. Иногда международные организации, как, впрочем, и я сам, вкладывают в это слово более широкий смысл, чем принято. В двух словах, карантин означает международную санитарную регламентацию. Обеспечение этой регламентации — сложный вопрос, вокруг которого беспрестанно возникают споры. Нередко при решении проблемы карантина ущемляется свобода личности во имя ее собственной безопасности и обязанностей по отношению к коллективу. При этом даже самые демократические страны запирают свои границы и усложняют законы, нередко отождествляя болезнь с преступлением.

Сингапур — один из четырех информационных карантинных пунктов, которыми располагает Всемирная организация здравоохранения. Три других пункта находятся в Женеве, Вашингтоне и Александрии. Кроме того, Сингапур — один из немногих портов мира, в котором имеется лазарет. Он расположен на островке, в глубине рейда. Катер с развевающимся желтым флажком карантина везет нас туда. Сначала нам предстоит провести санитарную инспекцию на судне, ставшем на якорь в открытом море. Цель инспекции — про-

верить «Отчет о состоянии здоровья» на судне, содержащий сведения об инфекционных заболеваниях среди пассажиров и экипажа, и ради предосторожности на пару дней отправить часть пассажиров в лазарет.

Когда мы пришвартовались к судну, по его борту уже выстроились большие баржи со скамьями. Судно прибыло из Гонконга. Пассажиры — китайцы, по виду довольно бедные, иммигрирующие в Малайю или возвращающиеся домой после кратковременного пребывания на родине. На палубе еще остались следы бивака. Пассажиров оттеснили в проходы, где они ждут своей очереди. Покорный народ. Правда, бедность всегда покорна. Вот они подходят к нам по одному. Врач-китаец проверяет справку о прививке, потом осматривает пассажира — справки нередко бывают фиктивными. Как будто никаких признаков болезни не замечено. Впрочем, этот ребенок болен ветрянкой. И внезапно у врача и санитаров возникает подозрение, которое пропадает не сразу: а что, если у ребенка оспа?

— Кого вы намерены отправить в лазарет?

— Да как обычно, всех пассажиров третьего класса, — отвечает врач.

Такая дискриминация меня возмущает. Разве доверять можно только справкам о прививке, предъявленным пассажирами первого и второго класса?

— Да. Бедняки зачастую еще не понимают значения прививки. Отправляясь за границу, они нередко добывают фиктивные справки у врачей, лишенных чувства профессиональной ответственности. А бывает и так, что человек, предпринимающий путешествие, платит другому, менее боязливому; тот называет себя именем заплатившего и, сделав прививку, передает справку «клиенту».

Мы сопровождаем пассажиров третьего класса до лазарета. Узкий и гористый остров, на котором он расположен, утопает в зелени. Большие деревья дают много тени. В этот час за оградой безлюдно, но не мертвенно, повсюду изобилует растительность, незнакомая европейцу. Здесь мне суждено открыть страну.

Сонсем рядом, по другую сторону узкого пролива, еще остров — там хоронят умерших в карантине. На

острове не видно ни строений, ни единой живой души, — одни зеленые заросли, деревья да могилы. Смерть здесь тоже подвергается карантину.

Каждому человеку, покинувшему баржу и ступившему на берег, сестры прививают оспу. Затем мужчин, женщин и детей — всех вместе, построив рядами, ведут в большие бараки. Вдоль стен бараков вытянулись деревянные нары, уже потемневшие от времени. Здесь люди будут спать. Моим глазам вновь представляются концентрационные лагеря военных лет, я снова ощущаю их запах. По другую сторону ограды видны прогуливающиеся вокруг лужайки мужчины — любители опиума: в карантине их отучают от курения. Они явились сюда добровольно, не то что эти несчастные, на лицах которых уже сейчас лежит тень усталости.

Я напускаюсь на китайского врача. Улыбаясь, он успокаивает меня. Да, все, что происходит на карантинном пункте, может показаться произволом, даже жестокостью. Он это признает. Принятые здесь меры нарушают дух международной санитарной регламентации. Лишение людей свободы на два дня — злоупотребление, достойное средневековья. Насильственные прививки, при наличии соответствующей справки, в конце концов, — посягательство на свободу личности. Чаще всего так поступают лишь с одной категорией представителей человеческого рода — с эмигрантами. Именно эту неимущую часть человечества случайности истории перемещают терпеливыми толпами из одной страны в другую. Подозреваемые. Они «подозрительны» — своей бедностью, своими старыми верованиями, заставляющими их держаться в стороне от мира, в котором человеку предоставлены права и свободы. Подозреваемые — мутный поток, до того как он вольется в реку, его следует отфильтровать. Страшная логика. Драма не в том, что на свете существуют лагеря, а в том, что существует логика, укоренившаяся лагерная логика, по своему «доказывающая» необходимость лагерей.

Всемирную организацию здравоохранения, комиссии, которым поручено вырабатывать международный санитарный регламент, встревожил такой произвол. Но приходится принимать все требуемые меры, чтобы опас-

ные эпидемические болезни — холера, чума, тиф, возвратный тиф, оспа и желтая лихорадка — не перебрасывались из одной страны в другую.

Международная организация здравоохранения выработала санитарные законы, установила прививки, обязательные для путешественников, выпустила книжку, своего рода санитарный паспорт, в котором врач должен отмечать проведение этих прививок. Но отдельные страны, поддавшись чувству страха перед бедствиями, из-за которых они не раз несли тяжелые утраты, начали перестраховываться. Они не ограничиваются уже установленными правилами. Поводов для этого у них более чем достаточно. Кто осмелится заявить, что они не основательны? Меня возмущает существование карантинного пункта в Сингапуре. Но врач-китаец, улыбаясь, напоминает: «Мы — в Азии». В Азии, полной жизни и кишашей микробами смерти. Там, где вечно тлеет, а иногда возгорается жарким пламенем огонь самых страшных проклятий, когда-либо обрушивавшихся на человечество. Из Сингапура наблюдают шествие болезней по азиатскому материку, по его архипелагам. Здесь принимают сообщения об эпидемиях; отсюда посылают сигналы тревоги.

Покидаем карантинный пункт. Мне стыдно чувствовать себя свободным. Возвращаемся в информационное бюро карантинной Всемирной организации здравоохранения — спокойный дом под деревьями. Внутри звонят телефоны, потрескивают телезаписывающие аппараты. Тревожные уведомления рассылаются в порты, аэродромы; другие порты, другие аэродромы обращаются в бюро за сведениями. Телеграммы зашифрованы особым кодом: «Kwado—Doaqi—Qwaih—Veacu».

Мне переводят: «Чума в Уттар-Прадеше» (я буду там на будущей неделе). Подробности пока неизвестны. Однако новость уже несется по волнам. На картах появляется флажок. «Холера в Читтагонге в Пакистане, больных — четверо, умерших — четверо». «Оспа в районе Моджокерто, в Индонезии. Больных — двадцать, умер — один». Болезни и смерть бродят по Азии, объезжаются в какой-нибудь деревне, пересекают целые районы, пробираются через реки и горы и подступают

к границам. Там укрепляют оборону. Иногда болезни удается преодолеть преграду, но все равно ей далеко не уйти. Врага преследуют по пятам и окружают.

Информация поступает сюда по телеграфу из всех уголков Азии, затем сводки передаются по радио всему миру. Пятнадцать радиостанций и две радиотелефонные станции повторяют их через равные промежутки времени. Еженедельно из сводок составляется бюллетень, его печатают и самолетом рассылают по всем санитарным службам мира. Сведения касаются шести карантинных болезней, а также полиомиелита и гриппа, если они грозят вырасти в международные бедствия.

Работа эпидемиологических служб информации предполагает участие всех стран без исключения. Однако нельзя сказать, чтобы она велась постоянно... Некоторые страны не решаются сообщать об эпидемиях, свирепствующих на их территориях, потому, что примитивность заболеваний может свидетельствовать об известной культурной отсталости. Другие опасаются бросить тень на то представление о своей стране, которое они пытаются создать. Во всех других случаях информационные эпидемиологические органы функционируют вполне надежно.

Знакомясь с недавними сводками, я воссоздаю роковое путешествие безвестного английского коммивояжера, умершего от оспы несколько недель тому назад в Калькутте. Он приехал в Азию продавать духи, в Бангкоке у него начался жар. Бедняга нашел в себе силы продолжать путь и добрался до Калькутты. Оказалось, что высокая температура вызвана оспой. Через два дня больной умер. Тогда по всей Азии началось расследование, длившееся два месяца. Надо было тщательно восстановить маршрут коммивояжера, чтобы определить то место, где он заразился. В расследовании приняли участие сотни людей. Этот одинокий человек прожил безвестную жизнь. После смерти он начал как бы новое существование, загадав загадку всему миру.

Ни в одном городе, в который он заезжал, уже в течение многих месяцев не было зарегистрировано ни одного случая оспы. Где же он ею заразился? Больше того, выезжая из Англии, коммивояжер сделал себе при-

вивку. В Лондоне проверили партию вакцины — она оказалась вполне доброкачественной.

Потом я прочел историю американского туриста. Завершив путешествие по Азии, он прибыл в Неаполь. Здесь у него поднялась температура. Оспа. Больной выжил, но заразил несколько человек; некоторые из них умерли. Вскоре вся Италия забила тревогу; были мобилизованы санитары, сотням тысяч людей привили оспу. Повсюду, где проезжал американский турист, проводились опросы, расширенные санитарные мероприятия.

Эти истории — истории нашего времени. Человек больше не одинок. Хотим мы того или нет — за нами следят, наблюдают. Каждый член общества может стать своего рода носителем социальной вины, возможность этого современный мир усматривает в любом из нас.

Расследование из-за двух безвестных людей, страх, подозрение, даже гнев — точно так же реагировало бы человечество на преступление. Но заражение и есть преступление, и международные санитарные правила, собственно говоря, являются основами морального кодекса. Правда, кодекс этот еще не получил достаточно разностороннего развития. В Сингапуре по-прежнему имеется карантинный лазарет; Индия обязывает прибывающих из Южной Америки или из некоторых районов Африки делать прививку от желтой лихорадки, хотя в Индии никогда не было зарегистрировано ни одного случая этой болезни. У Сингапура есть веские основания не верить справкам эмигрантов о прививках. В Индии масса насекомых, способных стать переносчиками желтой лихорадки, и обезьян, могущих служить источником распространения этой болезни. Эпидемия желтой лихорадки в Индии была бы катастрофой... Страх — плохая основа для истинной морали.

В одних случаях — избыток страха, в других — его явно недостаточно. Совсем недавно целые страны избавились от малярии. В большинстве случаев комар — передатчик малярии — не исчез, но, перестав встречать зараженных людей, не может заразиться сам и распространять болезнь. Если хоть один больной малярией из-за границы попадет в страну — эпидемия может во-

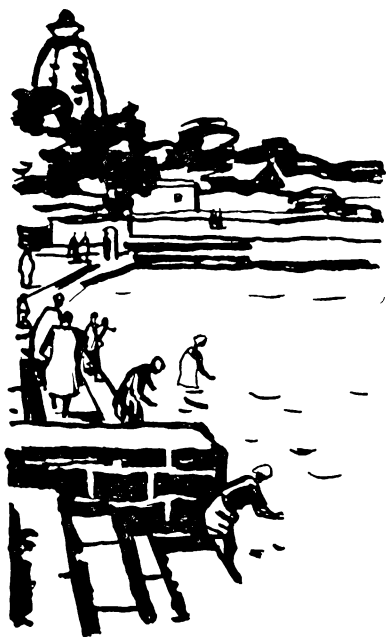
зобновиться. Проводить ли контроль на границах? Применять ли карантинные меры? Заставлять ли всех вновь прибывших принимать лекарства? Как далеки мы еще от морали, о которой я говорил выше!

Во всяком случае, я усматриваю эту мораль в санитарной информации. Обмен санитарными сведениями осуществляется вне зависимости от политических событий... Здесь было бы соблазнительно предаться идеалистическим мечтаниям, усматривая в механизме этих международных обменов предвосхищение будущих международных соглашений, которые и в других вопросах придут на смену современному протекционизму.

Мы снова в городе. Прошел дождь, малайцы и китайцы бегут, перепрыгивая через лужи, несколько англичан в белых костюмах прогуливаются без дела. У дверей ресторанов зажигаются красные фонарики. Последняя трапеза, завтра мы уезжаем. Я рассказываю своим китайским спутникам о Пекине. Их лица свегают. Сингапур вызывает у них тоску по родине. Отсюда даже Малайя далека.

— Пора домой, — говорит через некоторое время китайский врач, с которым я сегодня посетил судно. — По ночам меня обычно вызывают. С судов поступают радиосигналы: у них на борту вечно кто-нибудь тяжело болен или ранен. В таких случаях необходимо им отвечать, давать советы санитару или судовому врачу. Я держу с ними связь по радио, даже руковожу операциями, если их можно провести имеющимися на борту инструментами. Бывает, что суда находятся слишком далеко от какого-нибудь порта, а больные не могут ждать.

Ночь, одинокое судно в Китайском море или в Индийском океане; пассажиры снуют взад и вперед по освещенным коридорам, и тут же больной, которому угрожает смерть... Сингапур, с его мрачным космополитизмом, с его ненадежной малайской судьбой, со слишком ловкими торговцами, слишком важными англичанами, с серым морем, — Сингапур стал для меня вдруг лишь тревожным ночным разговором, городом мужчин, которые бодрствуют в ночи, ожидая зова с моря.

И Н Д И Я

Надежда Индии

Д

ели, 4 декабря. Какая радость ступить, наконец, на долгожданную, желанную землю Индии! После палящих зноем запыленных стран Азии ясная зимняя погода Севера обещает передышку. Я уже слышал о бедах Индии, рассказывали мне также о ее надеждах и успехах. Беды те же, что и в других странах Азии, там, где я только что побывал. Но перспективы на будущее у этой страны, по-моему, более ясные.

Планировка города рациональна: прямые проспекты, широкие проезды, продуманная архитектура домов, строгие газоны. От всего этого слегка веет холодом, своего рода строгой официальнойностью. Индиец в тюмба-

не, едущий в запряженной ослом тележке вдоль бульвара, в глубине которого возвышается Дворец правительства, нарушает общую картину и производит впечатление чуть ли не экзотической фигуры. Здесь (во всяком случае в центре города) мы в Индии, сдержанной, немного торжественной, в сердце знойной страны, полной контрастов, сияющей и трагичной.

Завтрак у раджкумари Амрит Каур, соратницы Ганди. В настоящее время она — министр здравоохранения Индии. В углу комнаты служанка, присев на корточки, сучит нить. Подают вегетарианские блюда — видимо, согласно принципам гандизма. Мы беседуем о нуждах Индии. Санитарное положение страны определить трудно. Многие статистические данные отсутствуют. Перечень распространенных здесь болезней нескончаем. Жизни людей постоянно угрожает смерть. Туберкулезом болеет около трех миллионов человек в год, а умирает от него пятьсот тысяч. Двадцать миллионов больны малярией. Часты случаи самых опасных желудочно-кишечных заболеваний, в том числе амебных инфекций. На севере трахома иногда поражает восемьдесят процентов населения. От времени до времени страшные опустошения приносит холера. Эпидемии чумы — явление постоянное. В стране более двух миллионов прокаженных. А борется с этими болезнями всего семьдесят тысяч врачей, в распоряжении которых десять тысяч больниц или диспансеров — всего сто двадцать пять тысяч коек, то есть одна койка более чем на три тысячи жителей. Знакомство с условиями жизни в стране помогает уяснить смысл приведенных цифр. В Индии население недоедает, зачастую лишено питьевой воды, страдает от плохих санитарных условий и трудного климата, а потому смертность здесь несравненно больше, чем в других странах.

Что касается медицинского персонала, то было бы неверно исходить из соотношения количества жителей и врачей. Трудности жизни в деревнях, отсутствие удобств, одиночество, на которое обрекается человек, нищета обитателей, не позволяющая рассчитывать на платную клиентуру, — все это заставляет врачей обоживаться в больших городах. Таким образом, огром-

ные территории оказываются лишенными всякого медицинского обслуживания.

Наконец, к обычным обязанностям врача прибавляется еще одна: убеждать больных, зачастую оценивающих болезнь с религиозной точки зрения, в необходимости лечения. Туберкулез в глазах наиболее отсталых индийцев — позорная болезнь; ее стараются скрыть от посторонних. Оспа рассматривается как знак милости богини Кали и привлекает к постели больного восхищенных соседей, которые в свою очередь становятся носителями вируса. Целые деревни отказываются от прививок, чтобы не оскорбить богиню.

Здесь все приходится создавать заново — и в материальном, и в психологическом отношении. Прежде всего следует подготовить большое количество врачей. Новый пятилетний план предусматривает подготовку еще двенадцати с половиной тысяч медицинских работников. Предусмотрены и другие меры, которые облегчат труд уже существующих врачебных кадров.

В Индии, как и везде, даже самые «случайные» болезни, например холера или чума, находятся в определенной зависимости от экономического положения страны. Конечно, оно постепенно улучшается. В новом плане Индия уделяет больше внимания индустриализации, которая принесет стране необходимые промышленные товары и материалы, обеспечит работой огромную армию еще не занятых трудом людей.

До наступления той поры, когда станут явственными результаты индустриализации, средства к существованию людей должны обеспечивать сельское хозяйство. Но для того чтобы облегчить проведение индустриализации, пришлось урезать расходы по сельскому хозяйству на двадцать два процента. Предполагается, что такое сокращение ассигнований будет восполнено благодаря организации общинного землепользования. К внедрению общинного землепользования призывает в так называемом «Общинном проекте» правящая партия Индии, которая таким образом надеется повысить сельскохозяйственное производство, улучшить условия жизни населения, а также всячески способствовать распространению культуры и санитарных навыков.

Молодой министр С. К. Де, один из наиболее близких сотрудников пандита Неру, подробно рассказывает мне об этой политике, инициатором которой он является. Мы беседуем во Дворце правительства, в мрачном и людном месте, вестибюль которого напоминает храм. Министр одет в национальный индийский костюм. С. К. Де не лишен обаяния, может быть, чуть-чуть искусственного, хотя ему, безусловно, далеко до удивительного очарования Неру или Чжоу Эн-лая.

Политика общинного землепользования предполагает слить воедино хозяйства примерно шестидесяти тысяч крестьян — жителей многих деревень. В каждой такой зоне создается прежде всего центр обучения кадров, своего рода генеральный штаб. В него входят молодые люди разных специальностей — работники сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения. Они вербуют, а затем обучают тех, кто впоследствии будет управлять сельскими общинами. Однако слово «управлять» здесь не совсем подходит. Следовало бы сказать «воодушевлять». Каждый молодой человек, прошедший такую школу, попытается пробудить от векового сна порученные ему деревни, поднять дух инициативы и творчества. Хорошо осведомленные о нуждах населения, знакомые с сельским хозяйством, санитарией, медициной, они призывают жителей деревни и местные власти к участию в реформах. Члены штаба будут одновременно и инициаторами, и советчиками, и финансистами. Они объединяют мужское население (индийские крестьянки все еще не участвуют в общественной жизни) и вместе с мэрами и работниками муниципалитета изучают положение вещей на месте.

В настоящее время Индия должна выработать свои законы жизни. Нищета велика, она повсюду, земля полна ею. Но какова бы ни была эта трагическая сила, надежда все же существует, а вместе с ней и возможность преодолеть трудности. Прежде всего надо пробудить энергию в людях, прозябавших ранее в нищете. Всегда найдутся грязные улицы, которые необходимо замостить, каналы и колодцы, которые следует прорыть, целинные земли, которые неплохо вспахать. Возьмем пример с китайцев. Первой и последней на-

деждой человека являются его руки. А в Индии много человеческих рук. Речь идет о том, чтобы народ, который всегда умирал с голоду, возродился в труде.

Политика внедрения общинного землепользования (или, если принять более точный перевод английского понятия, политика развития общинного землепользования) главным образом, как мне кажется, является мероприятием психологического порядка. Основное заключается в том, чтобы, пробудив в населении чувство ответственности, поставить его перед лицом новых фактов. До настоящего времени невозделываемые земли, гнилая вода, мухи и бедность считались как бы неизбежным злом. Теперь же они должны стать случайными, ненормальными, нетерпимыми явлениями. Нужно, чтобы человек, очнувшись от векового сна, возмутился при виде убожества своего бытия.

Когда ответственный за введение общинного землепользования убедится в том, что население вверенных ему деревень охотно и по доброй воле откликается на различные новшества, правительство предоставляет ему материальную помощь. «Ваша работа—наш цемент» — так можно определить принцип, которым руководствуются государственные власти в своих взаимоотношениях с сельскими общинами.

Но дело не ограничивается только «работой» и «цементом», одними канавами, колодцами, постройкой школ, распахкой целины. Есть дела более деликатные и, быть может, более важные, связанные с привлечением каждого человека к участию в общественной жизни. Несмотря на нищету и голод, в Индии существует общество — прочное, основанное на естественных законах. Однако до настоящего времени общество это было изолировано от остального мира. Культура народа определяется не столько индивидуальным своеобразием каждого из его представителей, сколько тесным общением различных групп людей. Каким бы ни было индийское общество — феодальным или колониальным, оно строилось на иерархических началах. Но какой может быть иерархическая лестница, ступени которой не связаны между собой? Политика внедрения общинных начал устанавливает связь государства с крестьянами через

ответственных за деревенские группы. Сейчас главное, чтобы этот механизм работал исправно: деревня должна своевременно узнавать о том, что существуют лучшие семена, которые можно получить в том или ином месте, а народным властям следует вовремя обеспечивать подобные нужды. Необходимо—это уже по моей части,—чтобы поступали сведения о рождаемости, смертности, и чтобы было известно, от каких болезней страдает население. Политика общинного землепользования помогает организовать информацию с мест. Это прогресс, значение которого мы понимаем не сразу. Скоро мы будем знать, чем болеют люди в различных частях страны, а от знать до лечить — всего один шаг. И шаг этот будет сделан.

Глаза Уттар-Прадеша

7 декабря. На заре мы выезжаем из Дели и едем по холодной, еще тяжелой пыли. Я весь в ожидании встречи с индийской деревней. Позади высятся минареты и купола мусульманской части города. Всего остального глаз не улавливает. По мере того как мы удаляемся, город все шире открывается нашему взору. Мы держим путь на Пенджаб — район, который я представляю себе более гористым, чем этот, более зеленым, более «диким». В Дели живописные рестораны. В одном из них, куда мы зашли вечером, подают жареных цыплят, покрытых тонким слоем красной краски. В мощеном полу кухни открывается дыра, в которой алеют горящие угли. Повара опускают туда длинные железные вертела с цыплятами и вращают их в руках, обмотанных тряпками. Блики огня пляшут на покрытых потом лицах. Повара смеются, ускоряют движения, отдергивают руки — играют с огнем. Веселенький ад!

Становится совсем светло. По обочинам дороги тянутся вереницы мужчин и женщин. Куда они направляются? Люди закутаны в куски хлопчатобумажной ткани, у некоторых мужчин из-под ткани выглядывают брьюки. Никто из идущих не несет с собой инструмен-

тов. Кое-кто держит в руке узелок. И тем не менее все шагают в одном направлении — упорно, степенно, а подчас и торопливо. Наша машина обгоняет пешеходов, покрывает их тучей пыли. Солнечные лучи бьют в лицо, слепят глаза.

Мы так и не добрались до Пенджаба — свернули и остановились в небольшом городке. Это было обусловлено: я прибыл сюда осматривать глаза.

Удивительные сюрпризы преподносит мне судьба с тех пор, как я покинул Францию! На обыкновенную географию наслаивается другая — география человеческая. Мне недостаточно знать, что тот или иной человек отличается от меня цветом кожи, говорит на другом языке, живет другой мыслью, поклоняется иным богам, ест руками коричневую или зеленую пищу, по-своему ходит и любит; я жажду заглянуть к нему внутрь, увидеть его болезни. Мне необходимо познать омуты и водопады текущих в нем потоков, зной лихорадки, загрязненность крови, густые тени пальм, выросшие на сердце, всю слепоту животворящей природы, самую смерть, поступи которой внимают в ночи, как шуму близкого прибоя. Мало того, что я кружу в этом лабиринте стран, надо еще, чтобы я проник в лабиринт человеческих страданий. И тут я ощущаю свою беспомощность — мое путешествие превратилось в приобщение к святым тайнам.

В данный момент меня интересуют глаза. В это теплое утро все освещено ярким светом. А там, где мы сейчас находимся, — в Уттар-Прадеше, — трахома: ею страдают около пятидесяти процентов детей до семи лет, семьдесят восемь процентов детей в возрасте от семи до пятнадцати лет и восемьдесят процентов взрослых. Из пятидесяти взрослых, подвергнутых исследованию, у сорока двух плохое зрение, а восемь человек, как выражаются окулисты, «практически и офтальмологически слепы».

Трахома — инфекционное заболевание глаз, распространенное главным образом в жарких странах. Болезнь эта вызывает тяжелые поражения слизистых оболочек, век, роговицы и сопровождается серьезными осложнениями — гнойным конъюнктивитом, отеками.

Бывают случаи, когда трахома проходит сама собой, оставляя страшные следы; порой же дело кончается слепотой. Я прекрасно понимаю, что такое определение с научной точки зрения весьма несовершенно. Но вот, перейдя голое поле, я попадаю в деревню, вижу детей, взрослых; мы выворачиваем им веки, встречаем взгляд их изъязвленных глаз — и я начинаю понимать, что значит трахома. Это белый с голубым отливом налет, покрывающий радужную оболочку, под цвет рога или перламутра, это взгляд, теряющийся в поисках нужного направления, это белые глаза под гноящимися веками, обрамленными с внутренней стороны нарывчиками...

Мы посещаем несколько школ. Пока школ этих еще очень мало в Индии, хотя правительство стремится увеличить их число. Как прекрасно, что с каждым годом все больше индийских детей сможет учиться читать! Но здесь, в Уттар-Прадеше, они глядят в книгу глазами, изъеденными болезнями.

Мы переезжаем с одного места на другое. По-прежнему ослепительно ярко светит солнце. Пейзаж как бы окрашен светлой охрой — похоже, что это бугры ссохшейся глины, поросшие выгоревшей травой. Деревни окрашены в тот же цвет, что и земля. У домов сушатся лепешки навоза — запасы топлива. Мне чудится, что здесь трахома витает в воздухе, что она растворена в этом пейзаже. Нет, я кажется, говорю что-то не то...

Югославский врач-офтальмолог служит нам гидом. Совместно с индийскими врачами он руководит мероприятиями по выполнению проекта, выработанного правительством с помощью Международной организации здравоохранения. Изучается план борьбы с трахомой. Больница и институт офтальмологии при местном университете используются для научных исследований и лечения. Намечено установить точную статистику случаев и причин заболевания трахомой в Уттар-Прадеше и Пенджабе и одновременно перейти к эффективной борьбе с этой болезнью. Некоторые антибиотики, в частности ауреомициновая мазь, излечивают трахому. Лечение болезни длительно. Однако подобные массовые мероприятия требуют тщательной подготовки. Здесь в этом отношении предприняты лишь первые шаги...

Напрасно я смутился, когда высказал мысль, будто трахома тут витает в воздухе. Это жестокая правда здешней жизни. По раскинувшейся вокруг оголенной земле часто гуляют ветры. Они разносят кремнезем. Пыль забивается в рот и в глаза — опасная пыль. Если рассмотреть ее под микроскопом, можно заметить, что она состоит из твердых частиц, отточенных и заостренных — из своеобразных кристаллических шипов. Они ранят слизистую оболочку глаз. Эти мельчайшие ранки открывают дорогу инфекции. А тут еще и дым от очагов в домах — печей здесь не знают. Женщины вытирают воспаленные глаза краем сари. Если ребенок, сидящий на руках у матери, заплачет, она вытрет ему слезы тем же куском материи. Таким образом трахома переходит от матери к ребенку, от ребенка — ко всем членам семьи. Здесь принято подводить глаза каджалом — специально приготовленной сажей. Мужчины, женщины, дети — все норовят приукрасить себя с помощью сажи. Одной и той же палочкой каджала пользуются все члены семьи. Но разве некоторые врачи не утверждают, что каджал обладает антисептическими свойствами? А другие не говорят, что дым костра в домах безвреден? В этих местах у одних глаза белые, у других — красные, а третьи — ослепли. Глаза слепых не слезятся: трахома разрушает слезные железы. Тут ни слепота, ни смерть не вызывают слез.

Истина — суровая, как эта земля на ветру, — заключается в том, что люди, живущие здесь, страшно бедны, а трахома — извечный спутник нищеты. Вода здесь — редкость, а мыло — чудо. Инфекция везде. Люди трут глаза. Целый день мы ходим по деревням. Кругом мухи. Они садятся мне на глаза: они привыкли к гноящимся глазам. В тени землянок электрический фонарик врача освещает зрачок. Мужчина ли, женщина или ребенок — все послушно запрокидывают головы. В этот момент вокруг нас царит полная тишина. Я наклоняюсь. Тонкий луч света — наше внимание, наша дружба, напоминает поиски чего-то сокровенного.

Мы уезжаем. Здесь я видел главным образом глаза, сотни глаз, — собрал огромный урожай пораженного пятнами винограда. Что же надо делать? Прежде всего

принять меры против болезни и, как я уже сказал, побольше узнать о ней. Затем разослать по деревням лечебные бригады. Но в Индии еще недостает медицинского персонала. И потом нельзя забывать о жизни, об условиях жизни. Нужно поднять экономику этой страны, обучить ее народ правилам гигиены.

Встреча с чумой

10 декабря. Вот мы и покидаем Дели. Я провел много времени в его старых кварталах, отгороженных от новой части города большими воротами. Сейчас пора свадеб. На одной из узких улочек низкорослых лошадок украшают серебряными лентами. Это готовятся свадебные поезда: они повезут женихов к их нареченным. С наступлением вечера они проедут по городу, сопровождаемые шумными эскортами. Обычно впереди едет жених, важно восседая на лошади, за ним следует группа друзей с фонарями; повсюду гомон, нестройные трубные звуки... Смешная и трогательная пышность.

Ясное звездное небо поднимается над строгим городом и над этим кварталом, где по узким улочкам, освещенным мерцающими огнями, текут два потока людей в белых одеяниях. Как в такие минуты тянет к вере! Как хочется верить в иллюзию, когда в жизни нет ничего, кроме темных городов, осыпанных дрожащими огоньками, ничего, кроме единственной доступной иллюзии — сновидения!

Мы въезжаем в Лакхнау — сердце гандистской Индии. Город шумный и довольно банальный. Останавливаемся в большом отеле с хорошей вентиляцией. Вокруг отеля — зеленый парк. Время от времени сюда заглядывают бродячие фокусники, заклинатели змей. Прибегают двое детей. Они танцуют, выпрашивают две-три аны (ана — $\frac{1}{16}$ часть рупии). Худенькие тела и лица детей запорошены пеплом. Отныне и до тех пор, пока Ганг будет поблизости, нам не избавиться от пепла. Он летает в воздухе, смешивается с пылью, придает блеклый вид зелени, затягивает дымкой зеркальную

гладь реки. Мне кажется, что я уже никогда не ступлю на твердую почву, что навсегда обречен ходить по пеплу.

Я приехал в Лакхнау, чтобы увидеть чуму — болезнь, симптомы которой точно описаны, болезнь, знакомую врачам, болезнь, лишенную тайн, болезнь, с которой можно бороться.

В Лакхнау нас встретил индийский врач — санитарный инспектор, контролирующий обширную территорию. Он следит за появлением не только чумы, но и других болезней. Врач этот будет сопровождать нас в путешествии по всему району. Чума здесь еще остается болезнью эндемического порядка. Недавно сигнализировали о нескольких случаях заболевания. Мы выезжаем завтра.

Наступает вечер. Каждые две секунды до нас доносятся пронзительный вопль, напоминающий звук флейты. Это работают в полях насосы ирригационной системы. На бескрайних просторах Индии каждую ночь раздается эта монотонная песня.

11 декабря. Я не знаю, как называется деревня. Она похожа на любую другую индийскую деревню. К ней ведет плохая немощеная дорога. По обеим сторонам дороги — белесая земля, во многих местах оставшаяся необработанной, вдали синеют горы Непала. Вся деревня состоит из низеньких белых и желтых домишек. У одного ее края стоят три дерева, у другого — еще три, а вокруг — равнины и равнины. На немощеных, покрытых колдобинами улицах безлюдно; пыль заглушает наши шаги. Мы выбираем дом попросторнее и заходим. Нас встречает староста деревни. Разжигают очаг, бросают в огонь ветви земляного ореха. Подпаленные стручки опадают. Мы разламываем скорлупу, грызем арахис и слушаем. Человек рассказывает, что жители деревни вернулись домой всего несколько дней тому назад: они уходили, когда тут объявилась чума. Всего несколько дней, как спущено красное знамя, которое около трех месяцев алело над рыжими крышами, извещаая о посещении страшной гостии.

В нескольких сотнях метров от деревни можно разглядеть шалаши, в которых «спасались» жители дерев-

ни. Шалаши не стали разрушать: они могут еще пригодиться. А дальше тянется равнина, залитая резким светом индийской зимы. Время от времени ветер поднимает далеко на дороге столбы пыли.

Почти три месяца обитатели деревни жили в чистом поле и смотрели на равнину. Когда начались муссоны, равнина подернулась сумеречной дымкой, а теперь зимнее солнце открыло всю ее необозримую даль — до той самой граи, где синеют горы Непала. Но равнина не прислала людям помощи. Пришлось дожидаться, пока болезнь утихнет сама собой. Люди отдали в ее распоряжение все, чем владели, открыли все дома. В ветреные ночи было слышно, как в деревне скрипят и хлопают двери. Несчастные изгнанники тешили себя мыслью, что там, наконец, появилось живое существо. Потому что самое худшее — безликий враг, самое страшное — отдать деревню пустоте, пустыне, тишине, в которой иногда по целым неделям не слышно скрипа открываемых дверей.

Теперь люди снова вселились в свои дома. Опыт подсказал, что опасность миновала. Впрочем, на этот раз болезнь не слишком свирепствовала: недосчитались только юной Рампьяри. С ее смерти все и началось...

В районе Утгар-Прадеша чума — обычное явление. Ее называют «махамари», большая смерть. Конечно, болезнь эта не самая ненасытная, но зато самая капризная. Часто она уходит, потом снова неожиданно возвращается, убивает десять человек здесь, двадцать — в другой деревне, но щадит вас. И тогда человеку кажется, что чума прошла стороной. А потом наступает день, и...

Вначале мор нападает на крыс — этих неистребимых тварей, насмешку над человечеством. Ведь крысы обитают повсюду, они вечно ютятся в темных уголках, поближе к человеку в его счастье, в его славе. Их окраска — окраска земли. Когда они бегут — кажется, что бежит сама земля. И всегда где-нибудь неподалеку от человека блестит пара маленьких черных немигающих глаз.

Чума — прежде всего крысиная смерть. Крысы выползают из земли, из домов. Внезапно мрак начинает

извергать своих обитателей. Они — как немая беззвучно катящаяся, вечно колышущаяся волна. Вначале одна крыса, потом две, потом много крыс... Но это еще не значит, что надо спешно собирать вещи и переселяться в шалаши, поставленные в поле. Крысы дохнут повсюду, ежедневно в течение круглого года. Но приходит сентябрь, и людей охватывает тревога. Жители деревень считают серые трупы, спрашивают соседей, сколько дохлых крыс те обнаружили у себя. Сентябрь означает начало сезона чумы. Сезон этот заканчивается лишь в мае. Всего три месяца передышки в год. Но это самые жаркие, самые засушливые месяцы, время, когда не хватает воды, когда жизнь становится еще тяжелей. Люди избавляются от угрозы смерти, чтобы еще глубже познать страдания жизни.

В этом году крысиный мор начался еще в августе. Трупы этих тварей находили в домах на земляном полу, на улицах; они умирали на бегу и так и застывали, с поблекшими черными глазками, в которых еще тлела жизнь. Вскоре начали дохнуть маленькие серые и черные грызуны, ютящиеся обычно в соломенных крышах. Они падали вниз, их трупы валялись у стен, и даже бездомных собак не прельщало подобное пиршество.

И вот тогда умерла Рампьяри. Ей было пятнадцать лет. Она выросла в мусульманской семье (половина населения деревни — индусы, половина — мусульмане) и собиралась выйти замуж...

Мы грызем земляные орехи и спокойно выслушиваем трогательную историю Рампьяри. Опоэтизированная смерть! Опоэтизированная чума! Какое лицемерие с нашей стороны. Ежедневно девушка отправлялась шить свое приданое к бабушке, дом которой находился в середине деревни. Она усаживалась со своей работой в углу комнаты, возле очага без трубы, и дым выдал ей глаза.

Мы заходим в этот дом, затем в дом родителей девушки. Мучительный процесс эксгумации трупа. Я растроган. Мне стыдно.

Что такое смерть? Даже юная, даже обернутая в саван из легкого сари? Все и ничего. Я не для того сюда стремился; чтобы встретить смерть, которая шест-

вует одна, без свиты, не нужно было ехать так далеко. Смерть проходит в тени деревьев. Она садится за наш стол. Она постоянно встречается нам на улице. Ее лицо напоминает лицо прохожего или прохожей. Всю свою жизнь мы проводим бок о бок с ней. Даже когда я пишу, она здесь, в начертании букв. Я приехал сюда затем, чтобы найти смерть, которая мешает жить людям, найти смерть, грозящую истории, а не отдельному человеку. Я приехал сюда не ради того, чтобы узнать десять человеческих судеб, а для того, чтобы разоблачить зерно болезни.

И вот эта одна человеческая история, эта маленькая и самая трогательная история.

Однажды вечером Рампьяри, как всегда, собиралась домой. Поднявшись с места, она обнаружила под той самой низенькой скамеечкой, на которой просидела, работая всю вторую половину дня, издохшую крысу. Девушка не испугалась: последние дни повсюду валялись дохлые крысы, ее родители в своем доме, на другом конце деревни, собрали около тридцати трупов этих тварей. Так что какая-то одна крыса... Несколько дней спустя Рампьяри умерла.

Это была характерная для здешних мест бубонная чума. Обычно вначале поднимается температура. Затем начинается головная боль — голову как бы сжимает железный обруч; появляется рвота, распухают лимфатические узлы в пахах, больной теряет сознание, и наконец... Девушка не прожила и двух дней после появления первых симптомов. Она умерла в опустевшей деревне: все обитатели, охваченные страхом, покинули свои дома, выставив красный флаг эпидемии. В деревне задержались только родители покойной. Они поспешили похоронить дочь по мусульманскому обычаю, а затем сами ушли из деревни. Одежду девушки, в том числе злосчастное платье, которое она шила к свадьбе, сожгли перед домом, и ветер вскоре развеял жалкую кучку пепла. Жестокий, страшный пример: погибла сама чистота, юность, невинность.

Мы возвращаемся в центр деревни, дремлющей в своей бедности, тайной настороженности и подозрительности. Облепленные мухами стены освещены ярким

светом. Смуглые задрапированные женщины исчезают за низкими дверями. К нам пришел повидаться хаким—деревенский «врачеватель», старик с окладистой бородой. Он пытается лечить чуму отваром кактуса, но сам признает, что ничего этим не достигает. Старик показывает нам, как он щупает пульс: берется большим и указательным пальцами за кончик одного из пальцев больного. Я испытываю его способ, но ощущаю только биение собственной крови. Впрочем, разве не главное в этой медицине, основанной на догадках, прежде всего углубиться в себя?

В Индии очень много хакимов. Они врачуют травы. Некоторые из них слышали о действии антибиотиков и прописывают их вслепую. Наука невелика, но это все-таки наука. Поэтому сейчас правительство Индии разрабатывает проект обучения хакимов, которые со временем смогут оказывать помощь органам здравоохранения. Пока еще, перед лицом серьезных болезней, в частности чумы, хакимы бессильны. Чума, как и многие другие заболевания, является социальным бедствием, результатом экономической отсталости. Избавление от нее наступит лишь после того, как будет осуществлен обширный план борьбы за уничтожение этой отсталости. Такой план существует, но еще не хватает средств на повсеместное проведение его в жизнь.

Механизм распространения чумы довольно прост. Зараженные чумой блохи, живущие на крысах, покидают грызуна после его смерти, переселяются на людей и, кусая их, вносят в кровь инфекцию. Однако возможно, что крыса, которая до сего времени считалась рассадником болезни, — сама лишь промежуточное звено и, подобно человеку, жертва чумы. Лишь совсем недавно стало известно животное, которое, по-видимому, распространяет инфекции в этом районе. Один французский ученый, направленный Всемирной организацией здравоохранения в Индию, после долгих наблюдений «на месте» обратил внимание на мелкого грызуна, очень напоминающего тушканчика. Татера — так именуют грызуна — водится в основном на необработанных полях, поросших высокими травами. Чума начинается с нее. Почему именно с нее? Неизвестно.

В других частях света источником болезни являются другие мелкие грызуны. Татера распространена во всех странах от Ирана до Индии. Вместе с ней по земле идет чума. Неизвестно, умирает ли она сама от чумы. Трупы этих грызунов никогда не были найдены; по-видимому, их уносят стервятники. По всей вероятности, от гатеры блохи переселяются на других грызунов, в том числе на домашних крыс. Иногда посредники между татерой и человеком отсутствуют. Обработывая почву, крестьянин разрушает гнездо татеры. Грызун убегает, а оставшиеся в гнезде блохи перескакивают на крестьянина. Это происходит главным образом в течение трех жарких месяцев, когда чума, как правило, отступает. Блохи боятся засухи, чрезмерной жары и, вместо того чтобы оставаться на грызуне, вынужденном выйти на солнце в поисках пищи, ждут его в глубине норы. В другое время они остаются на татере или перескакивают на других грызунов.

Поэтому, начиная с сентября, люди остерегаются убивать крыс, чтобы зараженные блохи, покинув трупы, не перебрались на человека. Могут возразить, что это лишь отсрочка, поскольку зачумленные крысы подымают. Но подымают не все животные. Некоторые, защищенные природным или приобретенным иммунитетом, выживают, и их потомство наследует иммунитет. Следовательно, после эпидемии чумы наступает период, когда крысы уже не умирают или редко умирают от этой болезни. Иммунитет действует в течение жизни двух-трех поколений. Поскольку жизнь крысы длится приблизительно три-четыре года, можно думать, что для этих животных чума вновь становится смертельной примерно через десять лет после вспышки эпидемии. И тогда люди снова подвергаются опасности.

Здесь, в Уттар-Прадеше, роковой срок, кажется, приближается. Последняя большая эпидемия чумы разразилась в 1946—1947 годах. За истекшие десять лет наблюдались лишь небольшие вспышки болезни. То там, то тут она уносила несколько жертв и вызывала тревогу, как это произошло в той деревне, в которой мы побывали. Через несколько месяцев по долине может пройти «большая смерть». Какими средствами

борьбы с нею располагают люди? Если бубонную чуму захватить в самом начале и лечить антибиотиками, она уже не смертельна, хотя и продолжает оставаться серьезной опасностью. В стране, располагающей достаточными медицинскими кадрами, смертность от чумы была бы незначительной. Но здесь из-за отсутствия в большинстве деревень врачей и даже среднего медицинского персонала, а также вследствие плохого состояния дорог, затрудняющего своевременное прибытие санитарных бригад к месту эпидемии, болезнь представляет собой значительную силу. Поэтому важно защитить людей от заражения чумой. Для этого существуют три способа: уничтожение домашних грызунов, применение средств борьбы с блохами и прививки.

Несоблюдение гигиенических правил, а также плохое состояние жилищ способствуют тому, что в деревнях заводятся крысы. Культурный уровень населения в деревнях еще очень низок. Люди не умеют бороться с крысами при помощи ядов и мышеловок. Что же касается прививок, то они должны проводиться систематически, так как иммунитет сохраняется только в течение нескольких месяцев. Остаются химические средства истребления насекомых. Обращение с ними не сложно, и, не отказываясь от других форм борьбы, санитарная служба Индии в настоящее время использует главным образом ДДТ. Параллельно она совместно с органами, занимающимися внедрением коллективного землепользования, старается привить жителям деревень навыки гигиены. Самым действенным средством борьбы с чумой является общий прогресс.

Мы покидаем деревню. Машина долго едет вдоль канала. День стоит ясный, воздух почти холодный. Желтые поля безжизненны, молчаливы. Все так обычно, и трудно поверить, что здесь притаилась чума. Останавливаемся в одной из деревень. Жители заметили нас издали. Некоторые столпились у колодца. Они приветствуют нас и подходят ближе. У них покорный, почти виноватый вид. У четверых в руках глиняные горшки. Мы заглядываем: в горшках дохлые крысы. Одна из крыс еще не издохла. Я замечаю, что у нее посинели лапки. Врач подсчитывает число дохлых

крыс, найденных в деревне за последние дни. Пока особенно беспокоиться нечего, но, может быть, придется готовиться к проведению прививок. А сейчас врачи набирают пригоршнями ДДТ и раздают всем без исключения.

Люди, держащие горшки, стоят перед нами не двигаясь. Похоже, что они не очень встревожены. Они находятся в состоянии оцепенения, которое поддерживается в них от рождения несправедливостями жизни. Я вглядываюсь в худые, обросшие лица под небрежно намотанными, некогда белыми, а теперь серыми и обтрепанными тюрбанами. У людей мягкий, усталый взгляд, утомленный избытком света и жестокостью жизни. Эта нищета, эта усталость, эта покорность делают людей еще более беззащитными перед чумой.

Несмотря на нехватку врачей, недостаток средств, трудности сообщения, вспышки болезни могут быть значительно ослаблены. Если даже здесь и разразится эпидемия, на этот раз никто не умрет от чумы, или почти никто. Но угроза остается, люди по-прежнему будут считать дохлых крыс.

Мы входим в один из домов. Женщина с черной накидкой на голове скрывается в соседней комнате. Нас принимает мужчина, на первый взгляд довольно пожилой. Это староста деревни. Я спрашиваю, сколько ему лет. Оказывается — всего сорок три года. Бойтся ли он чумы? При этом вопросе мужчина отводит взгляд в сторону, изображает на лице подобие улыбки и неопределенно разводит руками:

— Когда-нибудь надо и умереть.

В этих местах привыкли к мысли о неизбежности смерти. Около двух лет назад в деревне умерли от чумы семь человек, в том числе и ребенок старосты. Сколько у него детей?

— Было десять. Теперь остался только один. Мальчик. Ему семь лет.

Жизнь, омраченная печалью... Если бы мы расспросили остальных жителей деревни, узнали бы то же самое, другими были бы только цифры. Слишком много рождений, слишком много смертей... Бессмысленная игра человеческими жизнями, которая со временем при-

тупляет ту боль, что гложет сердца оставшихся в живых. Индия должна вернуть полноту измельчавшей реке человеческих жизней, воды которой понапрасну уходят в землю.

Но сейчас мы говорим о чуме. Стоит оздоровить деревни, улучшить условия жизни — и чума исчезнет. Политика введения общинного землепользования предусматривает, в частности, обработку невозделываемых земель вокруг деревень. Татера, источник инфекции, живет в высоких сорняках. Достаточно сжечь сорняки, а затем обработать почву, чтобы уничтожить грызуна. Одновременно увеличилась бы посевная площадь.

Hope road

13 декабря. В Лакхнау мы встречаемся с теми, кто проводит политику общинного землепользования. Это увлеченные своей работой молодые люди, весьма европеизировавшиеся, что заметно по их манере одеваться, говорить и держать себя. Они объясняют нам, что некоторые деревни еще не охвачены движением за общинное ведение сельского хозяйства; жители этих деревень не понимают значения новой аграрной политики и не проявляют в этом отношении никакого энтузиазма. Ответственные за группы деревень подчас слишком перегружены, чтобы уделять достаточное внимание отстающим общинам. Поэтому главный штаб центра время от времени организует агитпоходы. Нас приглашают принять участие в одном из них.

Мы выезжаем из Лакхнау ночью. Над городом возвышаются минареты мечетей. Внизу течет река. Здесь она довольно широкая. На берегах стоят землечерпалки. Это Ганг, но пока еще не Ганг священных городов, которые ступенями спускаются к воде и озаряют ее отблесками погребальных костров. Волны реки не несут еще пепла и цветочных гирлянд. Здесь Ганг — божество, оглушенное ржавым скрипом землечерпалок.

Тут владеет другой бог: большая часть города — мусульманская. Иногда я склоняюсь к мысли, что разговоры о религиозности Индии сильно преуве-

личены. Мне думается, что кое-кому, вероятно, было удобно приписывать отсталость, в которой держали народ Индии, его фанатизму; по-видимому, для некоторых представляло большой интерес сохранять в одной части света экзотическую страну, открывавшую обширные возможности для разного рода авантюры.

Жизненные преобразования и подъем духа, свидетелем которых я являюсь, позволяют уже теперь не принимать в расчет религиозную Индию. Покидая Лакхнау, я не могу не видеть огней, освещающих город. За нашими машинами следует грузовик. В него погрузили кинопередвижку, небольшой движок и фильмы. При свете луны мы останавливаемся на обочине разбитой дороги напротив тихой белой деревушки. Небо очистилось от туч. В домах светятся слабые огоньки. Некоторые жители стоят у порога своих жилищ.

Это Индия на пороге сна, в тот момент, когда человек бросает взгляд на плывущие по черному небу облака и равнодушно одобряет и дождь, и ветер, и грозу. Мы вносим в эту жизнь беспокойство. На большой улице деревни устанавливают кинопередвижку. Приглашают старосту. Затем собираются жители. Они усаживаются рядком на корточках перед экраном.

Изображение на экране дрожит, я не могу понять ни одного кадра. В фильме показывается жизнь довольно зажиточной индийской семьи, в которой появился ребенок. Сцены плохо согласуются между собой — должно быть, в фильме сделаны купюры. Я хотел было задать вопрос своим спутникам, но обнаруживаю, что они оставили меня одного в толпе жителей деревни. Я догадываюсь, что назначение этого примитивного, бессвязного фильма только в том, чтобы привлечь зрителей. Теперь на экране Неру. Похоже, что мы все же подошли к своей теме.

Демонстрация фильмов закончена. Она вывела людей из сонного состояния. Зрители принимаются болтать между собой. Молодой индиец, приехавший вместе со мной, становится перед микрофоном и начинает говорить. Его слушают. Кто-то переводит мне его речь. Жителей обвиняют в том, что в их деревне грязно. Когда здесь застаивается, повсюду мириады мух. Молодой

оратор кричит чересчур громко. Среди слушателей поднимается ропот, но староста призывает их к тишине, и все вновь умолкают.

Покончив с упреками, приезжий предлагает жителям план работ. Прежде всего следует замостить главную улицу булыжником и вырыть канавы. Этим надо заниматься после работы в поле. Предложение ставится на голосование. Сначала присутствующие колеблются, потом все мужчины кричат: «да, да!»

Несколько освоившись, молодой человек продолжает свои объяснения. Мой переводчик куда-то исчез. Я смотрю в темноту. Неожиданно для меня оратор возглашает:

— Jai Hind! Да здравствует Индия!

Все присутствующие вскакивают и подхватывают этот лозунг. На белых стенах шевелятся тени. Залитая лунным светом деревня кричит. Здравицы сменяются песней. Я тихонько отхожу и сажусь под чьим-то окном. Ко мне оборачивается мужчина, одетый почти в лохмотья. Тронув меня за плечо, он говорит что-то по-английски. Мне удастся понять смысл его слов: он просит меня встать — ведь люди поют государственный гимн Индии. Послушно поднимаюсь. Человек присоединяется к хору. Я стою рядом с ним.

Вскоре мы уезжаем. В машине молодые индийцы почти не разговаривают. Я всматриваюсь в темноту. В одном месте стоит дорожный указатель. При свете фар читаю: «Nore road» — «Путь надежды». Так зовется дорога, ведущая к деревне.

Надежда. Индия должна прежде всего обрести самосознание. Проведение в жизнь плана землепользования требует известного энтузиазма. Однако подаваемая этим планом надежда в отношении санитарии очень незначительна. Общинное землепользование может способствовать общему подъему жизненного уровня, привитию навыков гигиены, поможет выявить причины смертности в деревнях. Но само по себе оно не обеспечит улучшения медицинского обслуживания. Чтобы излечить Индию, необходимо параллельно разработать планы по укреплению санитарного надзора, установить в этом отношении строгий порядок.

14 декабря. Меня настойчиво привлекает проблема перенаселения Индии. Она вызывает большие споры. Должен ли я принять в них участие? Население Индии ежегодно возрастает приблизительно на четыре миллиона. Поэтому правительство развернуло широкую кампанию за ограничение рождаемости, названную «Family planning» (планомерное развитие семьи). В текущем году Индия израсходует пятьдесят миллионов рупий, что соответствует пяти миллиардам франков, на то, чтобы обучить людей, как не рожать детей или по крайней мере рожать не слишком много.

Сейчас Лакхнау разукрашен плакатами, приглашающими жителей посетить выставку, пропагандирующую сокращение деторождения. Она организована в помещении университета. Мы отправляемся туда. Это час, когда рабочий день закончился.

У дверей выстроилась очередь ожидающих. С одной стороны — мужчины, с другой — женщины. Выставка разделена на два зала, чтобы отделить представителей обоих полов. Но в каждом из залов одни и те же рисунки, диаграммы, экспонаты за витриной. Посетители выставки — молодая, внимательная, молчаливая публика.

К нам подходит улыбающаяся девушка в зеленом сари. Она будет нашим экскурсоводом и объяснит значение рисунков, диаграмм, откроет нам тайны зачатия и подробно объяснит, что должны делать мужчины и женщины, чтобы избежать появления ребенка. Я чувствую себя неловко. Какой мужчина почувствовал бы себя иначе, слушая, как восемнадцатилетняя девушка преподает ему курс сексуального воспитания? Наша молодая учительница в сари вовсе не чувствует себя неловко. У нее на лице ясная, душевная улыбка. Девушка сообщает нам, что если не хочешь иметь детей, то можно воспользоваться химическими, механическими или какими-либо другими средствами. Рекомендуются установить возрастную границу материнства для женщин в 35 лет, а супружеской паре иметь не более четырех детей.

Я спрашиваю девушку, проявляют ли посетители настоящий интерес к выставке.

— Некоторые женщины приходят по четыре раза подряд, — отвечает она. — Большинство ничего не знает о зачатии.

В действительности, по признанию моих индийских спутников, эта широкая пропаганда противозачаточных средств совершенно непопулярна, и на выставку ходят просто из любопытства. Индийцы воздерживаются от высказываний по вопросу деторождения. Однако их обычаи требуют, чтобы у супругов было мужское потомство: после смерти отца старший сын зажигает костер, на котором будет сожжен труп родителя. Следовательно, семья должна иметь хотя бы одного сына. Но детская смертность так высока, что, если хочешь иметь уверенность в том, что у тебя будет кому зажечь костер, благоразумнее иметь трех-четырех сыновей. А стоит только время от времени, как нарочно, родиться дочкам — получается семья, для которой уже поздно говорить об ограничении рождаемости.

Международные организации и в том числе Всемирная организация здравоохранения отказываются занять определенную позицию в вопросе о рождаемости. Всемирная организация здравоохранения действует во всех странах, исходя из существующего там положения вещей

Я сам иногда лишь с трудом соблюдаю беспристрастность и осторожность, хотя и высоко ценю мудрость такой позиции. Индия вызывает потребность действовать — отстаивать свои убеждения. Она постоянно пробуждает дремлющую совесть. Завтра мы выезжаем в Бенарес. Я знаю, что увижу там страшный сон об Индии, и заранее настраиваюсь на то, чтобы быть спокойным, даже холодным — для большей уверенности.

Сумерки Бенареса

Бенарес, 16 декабря. На город надо смотреть с середины реки. Он напоминает декорацию со ступенями и просцениумами. Кварталы, выводящие свои улочки

к берегу, добавляют детали к этой водяной феерии, к этой мимической трагедии, в которой один за другим загораются и гаснут погребальные костры. Над городом господствует Ганг. По улицам снуют паломники; в руках у них маленькие медные сосуды, которыми они черпают воду из реки. Окропив священные пороги, паломники вновь спешат к призывающему их желтому потоку, несущему свои воды мимо индусских храмов, мимо спускающихся ступенями крутых берегов — этой необъятной пристани, от которой отплывают лишь мертвые.

Мы плывем по Гангу на муниципальном катере, временами приближаясь к крутому берегу, где по вечерам верующие сосредоточенно застывают в позах йогов и где тлеют последние костры. Гирлянды оранжевых гвоздик скользят навстречу нашему судну. Нас сопровождает врач муниципалитета. Он несет ответственность за здравоохранение в городе. Странная задача на первый взгляд. В настоящее время в Бенаресе готовятся к смерти тридцать тысяч человек. Я хочу сказать, что, чувствуя приближение конца, они явились в это священное место. Уж если надо умереть, то пусть это произойдет до того, как будут истрачены жалкие средства, позволяющие им как-то существовать в городе, где все стоит дороже, чем где-либо. Умирающие считают и пересчитывают свои ресурсы, дабы хватило на определенный «уровень смерти», подобно тому как в других местах люди изо всех сил стараются сохранить определенный уровень жизни. Все это оправдано индийской верой в «карму»: после смерти человек претерпевает ряд превращений и становится последовательно деревом, насекомым, животным, потом переживает несколько существований в человеческом облике и, наконец, лишенный плоти, обретает нирвану.

Столь продолжительное очищение путем метаморфоз, столь длительное топтанье в прихожих вечности сокращается, если человек умирает в Бенаресе.

— Можете себе представить, насколько у меня легкая работа, — сказал нам городской врач. — Многие люди здесь вообще отказываются от медицинской помощи. Достигнув Бенареса, они впадают в состояние

своего рода терпеливой агонии и не желают, чтобы она нарушалась.

Врач назначает нам свидание на следующее утро. Мы будем его сопровождать в инспекционном обходе города.

17 декабря. В это солнечное утро на берегу и в кварталах, где расположены храмы, царит оживление. Верующие погружаются в Ганг по пояс, отряхиваются и поднимаются по каменным ступеням, чтобы, уйдя в свои мысли, предаться гимнастике йогов. Другие, расположившись на припеке чуть ли не нагишом, предаются размышлениям. Они расписывают лицо, руки и торс белыми, желтыми и красными значками — в зависимости от того, какому богу себя посвящают. Эта раскраска означает также обретение счастливой свободы: из любви к своему богу человек на глазах у толпы приносит себя в жертву.

Мы проходим среди этих живых изваяний, мимо молодых и старых людей, наполовину погруженных в воду, мимо женщин всех возрастов, выходящих из реки в мокрых сари, которые, облекая, как бы обнажают их; подобные зрелища придают омовеньям на Ганге поистине вакхический характер.

Врач и его помощники должны следить, чтобы никто из купающихся не был заражен инфекционными болезнями. Проводить контроль очень трудно; в дни астрономических затмений к городу устремляются сотни тысяч паломников. В более спокойные периоды их насчитывается только тысяча в день. Приезжих принимают храмовые гостиницы, своего рода приюты. Здесь проводить санитарный контроль нетрудно. Однако некоторое количество паломников находит пристанище неизвестно где.

Как и все другие, они проводят целые дни в черных, влажных стенах храмов, где мерцают огоньки светильников, а в углу кто-то монотонно повторяет нараспев одну и ту же фразу. Подобно всем другим, они прохаживаются по кривому кварталу, где расположены храмы, громко молясь и в фанатической отрешенности от действительности натываясь на священных коров. Наконец, так же как и остальные паломники, они отправ-

ляются на берег и, конечно, проводят там ночь в ожидании утреннего чуда — прихода зари. На заре воды реки всякий раз окрашиваются по-иному, добавляя к благословию, которое они несут, золото, перламутр или алую кровь.

Поэтому врач и его помощники стараются контролировать и квартал храмов, и берег реки. Мы смотрим на верующих, на нищих, на аскетов, всю одежду которых составляет набедренная повязка, а тело обмазано пеплом, на скелетоподобных йогов, на женщин-побирушек, еле прикрытых лохмотьями. Получив как милостыню горсть риса, женщины, толкаясь, подбирают упавшие на землю зернышки. Мы смотрим на брахманов, которых можно распознать по шнуру, висящему у них на груди; они окунаются в реку перед тем, как отправиться в свои деловые кабинеты или адвокатские конторы. Мы проходим около костров, где превращаются в прах трупы с круглыми черепами.

Вчера вечером, впервые приблизившись к реке, я пришел в ужас. Вода Ганга, почти уснувшая у берега, отяжелела от грязи, гвоздик и отбросов. И тем не менее усеивавшие берег люди погружались с головой в воду, по несколько раз полоскали рот. Сегодня утром, когда мы присоединились к врачу и его помощникам, я обратил внимание, что у них еще мокрые волосы. Они, врач мне признался, успели выкупаться до нашего приезда. Но ведь речная вода, должно быть, кишит микробами? Врач признает это. Он говорит, что, по-видимому, жители Бенареса и все паломники Индии за отсутствием другой божьей благодати обладают иммунитетом. Или принципы европейской гигиены не абсолютны?

В этой стране, как и во многих других, бесполезна всякая медицина, которая пытается подменить приспособляемость организма. Медицина должна сыграть свою роль в тот момент, когда человеческий организм исчерпал свои внутренние силы и стал беззащитным. В водах Ганга жителям Бенареса не грозит опасность. Ганг — божество, холодное божество, но оно развило в организме индийца сопротивляемость к бактериям. Впрочем, болезни Индии не щадят и Бенареса, наплыв

людей представляет благодатную почву для инфекций. Последняя эпидемия вспыхнула в нем два года тому назад. Это была оспа. Попробуйте-ка сделать прививку тысячам людей, пришедших неведомо откуда, приютившихся неведомо где, рассеянных по лабиринту четырехсоттысячного города! Кроме того, обязательная прививка мешает передвижению людей, а Бенарес в основном живет за счет паломников.

Не так давно в Аллахабаде, другом священном месте, совсем недалеко отсюда, было решено провести обязательную противохолерную прививку среди миллиона верующих, собиравшихся посетить город по случаю религиозного праздника. Отцы города, предприниматели, торговцы вложили немалые средства, готовясь к встрече паломников. Однако, прослышав о прививке, большинство паломников отказалось от поездки в Аллахабад, что повергло город в настоящую финансовую катастрофу. В прошлом году санитарные правила были смягчены: прививка стала добровольной. Паломники снова хлынули в город, но вспышка холеры унесла триста жертв.

Это дает нам представление об индийской действительности, пренебрегать которой было бы опасно. Конечно, не следует преувеличивать весомость спиритуалистических учений этой страны. Тем не менее, они существуют, и медицине нередко приходится с ними сталкиваться. Наука восстает против богов, но здесь одна сила противостоит другой. В Индии наука еще не очень прочно стала на ноги. Она предоставляет людям полную свободу, а при таких условиях величие богов только возрастает.

20 декабря. Последний вечер в Бенаресе. Я прогуливаюсь с главным врачом города. Мы проходим по узким улицам, оживленным пестротой шелков и веселыми огнями многочисленных палаток. Людей множество, но все они не те, которые встречались нам утром. Это праздная толпа, вызванная к жизни благодатью почти итальянского вечера. Она состоит из таких же людей, как я, как мы. Однако я знаю, что недалеко отсюда, позади домов, во тьме, обнявшей реку, трещат костры, распространяя запах кедра и смерти.

Я не хочу забывать об этих траурных огнях и о молитвах. Я принимаю все истины, даже если они жгут. И тем не менее мне нравится мечтать об Индии, лишенной тайн.

Врач говорит мне, что он тоже мечтает о жизни без тайн. Он интересуется научным прогрессом, что не мешает ему каждое утро совершать омовение в Ганге. Это напоминает попытку утонуть, не захлебнувшись.

Мы уныло жуем бетель, сдобренный какими-го душистыми приправами. На душе у меня тревожно, но я говорю себе, что в конце концов Бенарес всего только один из городов земли, а Ганг — лишь одна из рек. Я убеждаю себя, что все увиденное мною — не более чем кошмарный сон. Индия живет, вот она, вокруг нас — шумливая, сильная. Ее глаза, ее тело и легкие будут излечены. Ее кожа, ее кровь и земля — будут здоровы. Ее небо станет светлым.

Урок Сингур тханы

Калькутта. 22 декабря. Между аэродромом и пригородами протянулись своего рода бидонвилли. В них живут беженцы из Пакистана, индусы, которым плохо пришлось в мусульманской стране. Ежедневно в Калькутту, и без того перенаселенную, прибывает около восьми тысяч новых жителей; многие из них ночуют на вокзалах, тротуарах — повсюду. Днем ничего не видишь, кроме движущейся толпы, ночью же улицы усеяны расprostертыми телами. Точь-в-точь — поле битвы!

Над одним из протоков Ганга переброшен огромный чугунный мост. По нему, как по каналу, стремится другая быстрая нескончаемая река. Трамвай, всевозможные тележки, толпы пешеходов — все вместе заставляет непрерывно звенеть тяжелый металл. Мост вибрирует, живет одержимый этим вечным движением. Если прикрыть глаза, то по всей Индии только и услышишь, что оглушительный топот: шум людского потока, впадающего в вечность.

Ниже, по течению реки, возле самой пристани, к которой причаливают большие суда, вечно тсляют люди: они благоговейно погружаются во взбаламученную воду и под гул, доносящийся с моста, совершают священный обряд омовения. На желтых волнах покачиваются гирлянды гвоздик; они медленно плывут следом за груженными солью лодками, на которых поблескивают черные спины полуголых гребцов.

Мы долго гуляем по городу. Нас преследуют маленькие попрошайки — они плачут или делают вид, что плачут. Они зовут меня «папа» — это единственное европейское слово, заученное ими.

Улицы запружены людьми. На широких проспектах возвышаются английские памятники и уродливая англиканская церковь, построенная в псевдоготическом стиле. Мы заходим в храм богини Кали — покровительницы города. Во дворе храма видим жертвенный камень с углублением посередине и желобком для стока; жертвенник еще не утратил бурого налета — следов крови обреченных на заклание живых.

Нас принимают в Институте гигиены и народного здравоохранения «All India». У советников Всемирной организации здравоохранения имеются здесь свои кабинеты. Выслушиваем доклад о борьбе с холерой. Это заболевание — бич дельты Ганга и самой Калькутты. Благодаря неустанному наблюдению, прививкам и благоприобретенному иммунитету смертность от холеры в Калькутте снизилась до одного случая на тысячу. Однако болезнь не исчезла. Причины, вызывающие вспышки холеры, еще очень мало изучены. И все же можно считать, что район Калькутты, точнее, вся Бенгалия представляет собой настоящий санитарный кордон: почти все население этой обширной территории предохранено от заболевания холерой природным иммунитетом.

Если болезнь перебросится в соседний район, в котором ее раньше не было и где у жителей не выработался естественный иммунитет, эпидемия может убить половину населения. Орисса и восточная часть Уттар-Прадеша — районы, находящиеся под вечной угрозой подобной катастрофы.

Посетив храм джайнов, мы идем к берегу реки взглянуть на памятник Ганди и возвращаемся, проходя через кварталы, жители которых прядут и продают хлопок. На стенах и электрических проводах, на земле и крышах — повсюду хлопья пыли, образующейся при расчесывании ваты. Идти приходится долго. Кажется, что город не имеет конца.

23 декабря. Мы въезжаем в Сингур тхану — район, расположенный вдоль реки Хугли, неподалеку от Калькутты. На территории, занимающей примерно сто пятьдесят квадратных километров, сгрудились сто пять деревень — девяносто пять тысяч жителей. Вот уже несколько лет, как этот район, условия жизни в котором с точки зрения санитарии всегда считались наихудшими, находится под особым надзором общественного здравоохранения. Район пытаются оздоровить. Инициатива принадлежит Институту «All India», Всемирной организации здравоохранения и «Фонду помощи детям ООН». В этой зоне созданы школы, готовящие санитарных работников для сельской местности и специалистов по вопросам материнства и младенчества. Теперь наступило время применить на практике методы, которым людей обучали в школе. В Сингур тхане все население вовлечено в работу по здравоохранению. Здесь, в дельте Ганга, зараженная вода — повсюду. Джутовые поля почти сплошь залиты водой. Рядом с каждым домом, в ямах, из которых брали глину для построек, образовались водоемы. Красивые подорожи покрывают часть водного зеркала. В этих болотах выращивают стебли джута, здесь же купаются и поят животных. Иногда эту воду даже пьют. В открытых колодцах вода не чище: в нее просачивается все что угодно. К этому надо добавить крайнюю бедность, голод, жалкие прокопченные дымом жилища, в которых человек ютится вместе со своими буйволами и козами. Именно так живет до сих пор бо́льшая часть жителей дельты.

Однако Сингур тхана полна перемен. Еще пять лет тому назад средняя продолжительность жизни человека не превышала здесь двадцати трех лет, каждый восьмой житель страдал хроническим заболеванием.

Сейчас детская смертность упала до восьми с половиной процентов (была — двадцать один процент), а общая смертность с шестнадцати и восьми десятых процента снизилась до восьми процентов. Холера и оспа исчезли, случаи малярии встречаются все реже и реже. Сельскохозяйственное производство возросло. Акр земли, оценивавшийся десять лет назад в сто рупий, ныне стоит три тысячи. В Сингур тхане трава кажется более зеленой, она сочнее, чем в других местах; листва на здешних деревьях гуще, воздух прозрачнее.

Чудо достигнуто главным образом благодаря широкой просветительной работе, проводящейся среди населения этой зоны. Здесь каждого человека заставили принять участие в борьбе за собственное здоровье.

«Даже неграмотный крестьянин способен понять, что он обязан делать в интересах собственного здоровья и общей гигиены, — заверяет специалист Всемирной организации здравоохранения, приехавший в Сингур тхану. — Люди охотнее сами делают полезные для себя вещи, нежели принимают помощь от других. Прочно только то, что люди сами для себя делают, то же, что за них делают другие, — недолговечно».

Однако и здесь мы сталкиваемся с неизменной проблемой. Кто будет обучать население? Сколько потребуется школ, подобных тем, которые организованы в Сингур тхане, чтобы не только Индия, но и все слабо-развитые страны в самое ближайшее время получили достаточное число людей, способных пропагандировать правила гигиены? Создание школ в Сингур тхане и в Четхе потребовало от «Фонда помощи детям ООН» нескольких миллионов долларов. Институт «All India» выделил инструкторов из числа местных жителей. Всемирная организация здравоохранения выписала большое количество иностранных специалистов, установила стипендии, позволяющие молодежи соседних стран учиться в Сингур тхане. Прделанная работа потребовала большого напряжения, но полученные результаты полностью оправдывают затраченные усилия. Теперь уже не только зона Сингур тханы имеет медицински грамотных жителей, образцовую организацию, чистые колодцы, канавы для стока нечистот, свои диспан-

серы. И в других местах силами санитарных инструкторов, подготовленных на протяжении последних пяти лет, проведена огромная работа, правда, трудно поддающаяся учету.

Еще несколько сотен подобных центров по Азии и... Но средств не хватает. Бюджеты международных организаций ограничены. Обычно при разрешении подобных вопросов ссылаются на степень важности того или иного мероприятия и заводят бесконечные споры. А не лучше ли очередность в удовлетворении нужд, установленную государством, заменить другой? Оказывается, это невозможно. Мы живем в мире, где еще не достигнуто единогласие по вопросу о том, как следует проявлять заботу о человеке.

Пока что я выбрал этот счастливый народ, живущий под деревьями и среди храмов. Храмы есть и в Сингур тхане. Вокруг одного из них кружатся девушки. Раз семь обходят они святилище, после чего скрываются внутри для совершения благочестивых обрядов... через некоторое время появляются опять и снова кружатся. Мне сказали, что одна из девушек — невеста. Этой церемонией она призывает богов благословить ее замужество.

Солнце ярко светит. Деревья колышут тени на песгрых стенах храма. Девушки в сари кружатся — живые, легкие. Я долго наблюдаю за хороводом и говорю себе, что эта Индия — Индия Сингур тханы, Индия тысяч деревень, в которых начинает пробуждаться жизнь и предается забвению чума, Индия, не знающая мертвых детей, Индия, у которой высыхают слезы. Эта светлая Индия сможет, наконец, привлечь на свою сторону людей и богов.

Голод в Мадрасе

25 декабря. Самолет доставил меня в Мадрас. Здесь мы снова попали в южный климат, в жаркую испарину муссонов. Заурядный город, в котором английские резиденции стоят бок о бок с серыми хижина-

ми, с одной стороны ограничен белым песчаным пляжем. Вдоль прямых проспектов, почти безлюдных и довольно скучных, высятся здания учреждений. В центре протянулось несколько улиц с магазинами, лавками и храмами.

Кажется, что вся жизнь переместилась сюда, в эти набухшие артерии, они одни пульсируют в обескровленном теле города. Но подобное впечатление обманчиво. В стороне от главных магистралей и на окраинах идет своя жизнь.

Уполномоченный муниципалитета сообщает нам несколько цифр. В городе миллион семьсот тысяч жителей, — за пятнадцать лет его население удвоилось. Ежегодный прирост составляет тридцать тысяч, а ресурсы города остаются прежними. Население Мадраса обречено на безработицу и голод. «Летучее племя» — так именует чиновник триста тысяч бездомных — в действительности является племенем угасающим, идущим ко дну.

Другие двести пятьдесят тысяч человек ютятся в хижинах, которых в городе насчитывается тридцать семь тысяч. Это самые настоящие хижины, и в каждой из них живет не менее семи человек. Число жителей, имеющих постоянную работу в промышленности, торговле или администрации и пользующихся общественными благами, не превышает сорока пяти тысяч. Новый пятилетний план предусматривает создание в районе Мадраса нескольких промышленных центров, но пока город находится на грани голода.

Большинство мужчин из неимущих слоев населения используется на случайных работах в качестве кули. В этих кругах заработок семьи составляет около рупии в день. Мерка риса (немного больше килограмма) стоит примерно столько же. Утром рис варится на целый день. Он пойдет на три приема пищи. За несколько грошей покупается немного острого соуса для гарнира. Раз два-три в месяц случайный заработок позволяет добавить к обычному рациону чуть-чуть мяса, рыбы, печенья. Да еще приходится постоянно откладывать кое-какую мелочь: надо накопить денег, чтобы оплатить жилье.

И вот в этом городе, которому угрожает голод, правительство Индии совместно со Всемирной организацией здравоохранения решило провести опыт медикаментозного лечения туберкулеза.

Туберкулез — болезнь очень распространенная. Это известно, хотя и невозможно установить число больных, так как никакого санитарного контроля, охватывающего все население, пока не существует. Авторы проекта лечения туберкулеза в Мадрасе изониазидом считали, что в городе, где отсутствуют соответствующие лечебные учреждения, невозможна госпитализация и совершенно неприменимы такие методы лечения, как операции грудной полости, они предлагают единственное действенное средство борьбы с заболеванием.

Однако речь идет пока лишь об опыте, который поможет сделать некоторые выводы и, возможно, вскроет обманчивость надежд, имевшихся вначале. Лечение изониазидом, простое на первый взгляд (поскольку оно заключается лишь в приеме больным ежедневно нескольких пилюль), вызывает некоторые побочные явления. Поэтому больные должны находиться под постоянным медицинским наблюдением. В настоящее же время такой неусыпный контроль требует гораздо больших материальных затрат, нежели обычное лечение в стационаре. Лечение в домашней обстановке не позволяет полностью изолировать больного, вследствие чего возникает опасность заражения его близких. Наконец, необходимо еще и еще раз проверить действенность этого препарата, уже довольно успешно применявшегося в других странах.

Здесь проверка проходит при самых неблагоприятных условиях, что небезынтересно с научной точки зрения, поскольку на основе этого первого опыта прежде всего проверяется возможность рационального лечения туберкулеза во всех экономически слабо развитых странах. В Мадрасе условия жизни населения особенно тяжелы.

Поэтому врачи, проводящие этот опыт, были вынуждены предоставить тем, кого они лечат, необходимые средства к существованию. Помощь, оказываемая этим больным, более чем скромна — рупия в день. Наблю-

дение проводится над семьюдесятью больными, выбранными наугад из самых неимущих слоев общества. Вместе с врачами я отправляюсь навестить этих людей. Они рассеяны по всему городу.

26 декабря. Первый больной, которого мы навещаем, живет в самом городе под деревом. Этого человека нельзя назвать ни нищим, ни бродягой. Он просто бездомный, один из тысяч бездомных этого города. Как и все люди, просыпаясь по утрам, он потягивается, зевает. Только ни позади него, ни вокруг него ничего нет. Ничего, кроме дерева. Человек этот молод и весел и болен туберкулезом. И вот он получает таблетки изониазида — много таблеток, на несколько приемов. Но во сне больной ворочается на земле с боку на бок. Как же уберечь таблетки от сырости? Оказывается, лекарство взял на хранение сосед-торговец, продающий под навесом какую-то снедь! Каждое утро больной берет у торговца необходимую порцию таблеток. Врачи одобряют находчивость пациента. Лицо мужчины сияет от гордости. Подошли соседи — соседи по дереву. Они смотрят на больного с восхищением.

— Они ему завидуют, — поясняет мне английский врач, возглавляющий санитарную бригаду. — Наши заботы вернули парня к жизни.

Да, так оно и есть: ведь голод, болезнь, отсутствие жилья — все это превращает жизнь в ад, в медленную агонию.

Но существуют и другие смертные муки — менее острые, но подчас почти столь же отчаянные: уничтожение человеческого «я» во множестве жизненных страданий, непередаваемое чувство, когда глаза, в которых от голода мутится свет, не встречают ни одного сочувственного взгляда, ощущение одиночества в несчастье, потери собственного лица, мысль, что сама смерть человека пройдет незамеченной.

В капиталистическом мире, который так безжалостен по отношению к некоторым социальным классам, только болезнь может привлечь хотя бы минимальное внимание общества к индивидууму. В таких случаях врач становится тем существом, тем представителем порядка, который водворяет вас в общество, где вы сбываете

свое лицо, и за отсутствием реальной возможности одарить вас чьей-либо дружбой согревает вашу жизнь огоньком человеческого внимания.

Мы продолжаем обход больных. Немоощная улица, по краю которой тянется канава со стоячей водой. На пороге дома нас встречает пожилой человек, приглашает войти.

Сквозь дырявую крышу проглядывает небо. Саманные стены вот-вот обвалятся. Человек задвинул свою жалкую складную кровать в угол — единственное место, куда не проникает дождь. Рука больного немного дрожит. Он протягивает ее перед нами ладонью вверх, как нищий; санитар дает ему несколько таблеток изониазида. Больному напоминают, что он должен раз в неделю являться в институт.

Прослушивание и рентгеновские снимки позволяют следить за ходом болезни, за процессом постепенного выздоровления больных. Сплошь да рядом после нескольких месяцев лечения пораженные легкие зарубцовываются. В некоторых случаях выздоровление затягивается. А сколько опасностей подстерегает человека после выздоровления...

Теперь мы направляемся к дхоби — так называют в Индии стиральщиков белья. Дхоби больше, чем корпорация: это каста, живущая в специальных кварталах, особый социальный класс со своими традициями и законами.

Несмотря на свою организованность, дхоби бедны — чуть-чуть состоятельнее, чем кули. Целыми днями на берегу реки, у входа в город слышатся звонкие шлепки — это дхоби колотят белье на больших плоских камнях. При этом во все стороны разлетаются грязные брызги. Стиральщики белья — мужчины и женщины — сопровождают свои удары возгласами «гах, ггах», а иногда в такт работе запевают песни. На веревках и на траве высокого берега реки, насколько хватает глаз, сушится белье всех расцветок — словно стяги, выброшенные кастой дхоби.

В самом городе, прямо под открытым небом, огромная прачечная. Вокруг баков с водой, у которых дхоби, стоя лицом друг к другу, отбивают белье, находятся

огромные сушилки — замкнутое пространство, завешанное мокрой одеждой, нечто вроде своеобразного светлого лабиринта. Придя в эту прачечную, мы ждем, пока индийская девушка, работающая тут медицинской сестрой, разыщет больную, ради которой мы пришли. Но нам так и не удастся увидеть больную: она прячется.

Врач-англичанин рассказывает мне ее историю. В Индии туберкулез и до сих пор нередко считается постыдной болезнью. Когда соседи узнали, что прачка заболела туберкулезом, они выгнали ее из дома. Ее муж, тоже дхоби, и двое их детей последовали за ней. Они скрылись в квартале неприкасаемых. Несмотря на строгие меры борьбы, предпринятые правительством, миф о неприкасаемости продолжает еще жить в некоторых классах. В большинстве городов и деревень у неприкасаемых есть еще свой квартал, но он доступен всем и перестал быть гетто.

Неприкасаемые Мадраса тоже боятся туберкулеза. В действительности речь идет не только о страхе. Считается, что туберкулез насылается богами в наказание за пороки.

Через несколько дней неприкасаемые изгнали из своего квартала больную прачку и ее мужа. Муж продолжает работать, но жена не имеет больше на это права. Теперь ее лечат таблетками изониазида. В данном случае это куда больше, чем просто медицинская помощь: это большая моральная поддержка.

Еще один человек бродит по улицам города. Он тоже лишился крова. Его выгнал из дома хозяин, узнав, что квартирант болен туберкулезом. Одновременно этот человек потерял возможность работать в мастерской, где он делал складные кровати. Он лишился всего. Всего, кроме принадлежности к касте кроватных мастеров, которая запрещает ему под страхом вечного презрения снимать жилье в квартале, где обитают представители более низкой касты (например, матрасных мастеров), хотя это единственное место, в котором он мог бы подыскать жилье по карману.

Нелепа гордость, живучи предрассудки, обрекающие человека на одиночество.

27 декабря. Я не видел, откуда он появился, наверное, из темного угла двора, слабо освещенного окнами китайского ресторана. Он движется где-то внизу — об этом меня предупреждает лишь приглушенный шорох.

И вот я уже не могу идти дальше: он преграждает мне путь. У меня не осталось ни одной монетки. Стараюсь ускользнуть, делая три шага в сторону, но он тоже быстро перемещается, и я снова не могу сдвинуться с места. Его можно сравнить только с гигантским пауком — сравнение, подсказанное быстрыми бесшумными движениями худых рук, на которые он опирается, выбрасывая их то вправо, то влево, а также тем, что он волочит по земле длинные омертвевшие ноги, — точь-в-точь как насекомое, которому мешают поврежденные лапки.

Это ребенок, ребенок, прибитый к земле параличом или недоеданием. Сквозь прорехи рубашки просвечивает жалкое костлявое тельце и ягодицы величиной с мужской кулак.

— Идите же! — кричит мне мой спутник — английский врач. — Я дал другому, они поделятся.

Он указывает на одного из маленьких нищих, осаждавших других членов нашей группы. Теперь эти попрошайки стоят и беспечно болтают. Судя по ним, нищета почти добродушна. Почему же парализованный ребенок выбрал именно меня? Он ничего не говорит и, неизменно опираясь на руки, протягивает ко мне свое острое, внимательное личико. Он не умоляет меня: он меня подстергает.

Я снова пытаюсь податься в сторону, на этот раз почти бегом. Ребенок возобновляет гонку, и я сдаюсь. Ему нет необходимости умолять — он меня крепко держит. Я снова шарю в карманах, но тут маленький нищий, которому врач только что подал милостыню, бросает моему преследователю несколько непонятных мне слов. Ребенок-паук отползает в сторону. Я ускользаю от него и на нижних ступеньках лестницы, ведущей в ресторан, настигаю своих спутников.

Врач-англичанин объясняет нам, что эти маленькие нищие объединены в своеобразные группы: у каждой группы свой район деятельности. Большинству ребят-шек нет и десяти лет. Такова еще одна драма города. Вот почему врачей временами одолевает чувство уныния. Можно ли радикально излечить людей, когда кругом такой голод?

Возможно, очень скоро изониазид и его соединения произведут переворот в терапии туберкулеза и позволят рассчитывать на легкое и быстрое его излечение. Однако для того, чтобы несколько миллионов туберкулезных больных Индии обрели уверенность в жизни, требуются еще годы.

Молоко Раджкота

28 декабря. В Бомбее мы пробыли всего несколько часов. Это вполне современный город, расположенный на берегу залитой солнцем бухты. Надменный английский памятник напоминает, что раньше здесь находились ворота в Индию — страну света и пальм. Долго, очень долго в этой стране царили сумерки. Теперь они отступают, исчезают. Индия поднимает голову, и скоро наступит день, когда она озарит ярким светом омывающие ее моря.

За два часа самолет доставил нас в Саураштру. В течение двух лет правительство и бригада Всемирной организации здравоохранения, под руководством двух врачей — советской и индийской женщин, наблюдают здесь за охраной здоровья матери и ребенка. На санитарную охрану младенчества обращено особое внимание «Фонда помощи детям ООН». Различные международные организации также оказывают материальную поддержку в этой области.

Здоровье детей во всем мире связано с решением проблем питания и санитарии. Во всех таких мероприятиях медицина занимает второстепенное место. Речь идет о том, чтобы прежде всего предоставить матерям, первым помощникам врача, средства для питания де-

тей, обеспечить нормальную семейную жизнь. Нет помощи более гуманной и более способствующей знакомству с народами.

Саураштра — район, находящийся на широком полуострове. Полуостров расположен на севере континента, против западной границы с Пакистаном. Эта провинция Индии значительно отличается от остальных. Горизонты здесь еще более светлые, а юг полуострова покрыт густыми лесами. Это единственное место в Азии, где водятся львы. Леса объявлены заповедными. Ганди, апостол непротivления, родился в Порбандаре, неподалеку от этих лесов. Саураштра — сельскохозяйственный район, жители его не отличаются зажиточностью. Однако, несмотря на то что население городов многочисленно, а ресурсы ограничены, на полуострове нет той нищеты, с какой нам приходилось сталкиваться на континенте. В Раджкоте — городе, в котором мы очутились, тихая, почти сонная жизнь. Оглушенный за последний месяц шумом толпы, я наслаждаюсь покоем. Мы снова попали в ясную зиму севера.

Женщина-врач, приехавшая из Советского Союза, совместно с индийским врачом, также женщиной, возглавившая работу по охране материнства и младенчества, необычайно увлечена своим делом. Она долго работала в Киргизии и рассказывает, что в годы гражданской войны ей не раз приходилось скакать верхом навстречу вражеским бандам. Такое богатое приключениями медицинское прошлое как нельзя более подходит для работника Саураштры. Конечно, жизнь здесь спокойна, но борьбы не меньше.

Представительнице советской медицины по приезде сюда пришлось все или почти все создавать заново. Сегодня усилиями ее и членов санитарной бригады, благодаря материальной помощи индийского правительства и «Фонда помощи детям ООН», в Саураштре функционируют девятнадцать лечебных пунктов. Постепенно сеть поликлиник и их филиалов стала покрывать весь полуостров. Здесь открыты четыре родильных дома. Родильный дом в Раджкоте, как и в Бхавнагаре, рассчитан на сто рожениц. В каждом из этих двух лечебных учреждений сорок коек предназначены для

больных детей. Однако мое внимание привлекает главным образом психологическая сторона работы, проведенной бригадой Всемирной организации здравоохранения. Речь шла о том, чтобы в какой-то мере просветить население деревень, в первую очередь матерей, добиться того, чтобы санитария и гигиена вошли в их жизнь. В Индии, где кредиты ограничены, а квалифицированно-го персонала недостаточно, создать поликлинику, а также подготовить сестру милосердия или акушерку — все равно, что совершить героический подвиг. Но еще больше времени, терпения и изобретательности требуется на то, чтобы приучить жителей являться на консультацию к врачу каждый раз, когда это необходимо для здоровья взрослого или ребенка.

Советский врач и ее индийская коллега ведут разъяснительную работу на собраниях. Они считают, что пропаганду медицины в деревнях следует проводить в праздничной обстановке.

Члены санитарной бригады, запасшись патефоном, приезжают в какую-нибудь деревню и располагаются прямо под открытым небом. Музыка привлекает жителей. Их призывают украшать свои жилища. Семья, чей дом убран красивее и чище других, получит премию. Через некоторое время, когда деревенские жители совсем освоятся с приезжими, переходят к выступлениям. Речь идет о том, чтобы простым, понятным языком рассказать, какую пользу приносят санитарные школы, и преподать основы гигиены.

Затем члены бригады обходят дома, осматривают детей, изучают условия жизни каждой семьи в отдельности и дают советы. Подобные визиты повторяются и после отъезда бригады: персонал каждой медицинской школы отдает часть своего времени такой разъяснительной работе среди населения.

Мы отправляемся в один из недавно открытых диспансеров. Он расположен на окраине Раджкота. У дверей собрались ребяташки. Я наклоняю голову, чтобы принять традиционное ожерелье из индийских гвоздик, которое держит одна из девочек. Мне не особенно нравится запах этих оранжевых цветов, символизирующих в Индии непрестанное поминовение усопших. Я

ощущаю на шее прохладу, неожиданную для полуденного зноя. Советская женщина-врач смеется, увидя меня в таком украшении. У нее на шее тоже две гирлянды гвоздик. Я улыбаюсь в свою очередь.

— Пошли, — говорит она на своем воркующем, но четком английском языке. — Вначале осмотр, потом — молоко.

Пробившись сквозь толпу детей, врач входит в диспансер. Сестры в белых сари окружают ее и сопровождают в комнатку, служащую кабинетом врача. Я иду следом. Дети, которых нам показывают, здоровы. После открытия санитарных пунктов детская смертность в Саураштре значительно сократилась. Основной проблемой стало питание. В районе мало скота. В настоящее время американский специалист в соответствии с программой помощи слаборазвитым странам изучает возможности развития в этих местах скотоводства. А пока достать молоко почти невозможно, и стоит оно полрупики литр — половину дневного заработка рабочего. Время от времени диспансеры снабжаются порошковым молоком, получаемым от «Фонда помощи детям ООН».

В соседней комнате раздают детям такое молоко. Сидя рядом на полу, детишки пьют из жестяных мисок. У моих ног один из них с черными, еще не отросшими волосами, наполовину погрузил лицо в миску, которую держит обеими руками. Капли молока с чарующей размеренностью сбегают с подбородка ребенка и падают на голую ножку. Трогательная картина, озадаченная самым чистым светом международной солидарности, избавляющая нас от стыда, испытываемого при виде голода. Но я знаю, насколько случайна эта трогательная картина, и с сожалением отношусь к странам, которые успокаивают свою совесть тем, что посылают молочные подачки.

Несистематическое и не удовлетворяющее нужд снабжение порошковым молоком детей слаборазвитых стран — вот плод моральных принципов, которым нельзя дать иного названия, как лицемерие. Это самая неразумная форма помощи из всех существующих. Даже если бы такое снабжение было организовано без-

упречно, в слаборазвитых странах каждому ребенку в лучшем случае доставался бы стакан молока в неделю. А как быть в тех многочисленных деревнях, где нет никого, кто мог бы научить матерей дозировать, разводить сухое молоко, кипятить воду, в которую его надо высыпать? По неведению матери готовят чуть ли не кашу. Гастроэнтерит грозит в несколько дней убить и без того ослабленного новорожденного. Не разумнее ли было бы вместо порошкового молока давать правительствам слаборазвитых стран деньги на разведение скота и создание молочных ферм? Я знаю ответ на этот вопрос: в некоторых капиталистических странах имеются излишки молока. Фермеры составляют политическую силу, правительству нежелательно восстанавливать их против себя. Скупая излишки молока у фермеров, можно поддерживать равновесие в экономике, сохранять мир внутри страны и в то же время разыгрывать роль сердобольной нации.

Проблема молока заслуживает серьезного изучения. Вследствие недоедания и болезней материнское молоко сплошь да рядом теряет свои целебные свойства, а то и вовсе пропадает. В результате возникает сложнейшая проблема питания новорожденных. При отсутствии животного молока жизнь ребенка подвергается угрозе. Организация производства молока требует многолетних трудов. Вот почему некоторые научно-исследовательские учреждения в настоящее время изучают возможность замены молока синтетическими препаратами, содержащими те же элементы (например, таким, как рыбный порошок).

Черноволосый малыш продолжает пить молоко. На его подбородке наливается и падает, вновь наливается и снова падает белая капля. Мы, взрослые, смеемся. И вместе с нами смеются дети, допившие свое молоко.

Выходим из диспансера. Дети, толкаясь, провожают гостей. У дверей нас ожидает делегация ответственных лиц. Все они — подметальщики улиц. Целый квартал заселен этой категорией слуг, не последней на многоступенчатой иерархической лестнице обслуживающего персонала Индии, на верху которой разместились полные достоинства слуги в белых тюрбанах.

Вот еще одна деталь, помогающая понять этот народ, сложную структуру индийского общества. Уметь подметать, убирать в доме — настоящая специальность, профессия, несомненно, богатая традициями, особыми приемами, которые можно довести до совершенства. Феодальное и колониальное прошлое приучило большую часть этого народа к тому, чтобы усматривать идеал своего общественного положения в роли слуги. Обслуживание возведено в ранг искусства.

Несмотря на достижение Индией независимости и установление в стране демократии, традиционная структура общества пока еще сохранилась. Слуг по-прежнему много, и они по-прежнему горды своим положением. Только теперь они знают, что являются свободными людьми. Скажем так: они подметают улицы без тревоги в душе.

Подметальщики Раджкота пришли выразить нам свое удовлетворение. Всем ли они довольны? Конечно, нет. Жизнь еще тяжела. Они довольны, что их дети уже не умирают или умирают не так часто. Поэтому они смеются, словно сыграли шутку с несчастьем. Несчастье знает немало других лазеек, но в конце концов оно проиграло очко.

Некоторые из этих людей напоминают французских гребцов-спортсменов: у них такие же черные усы, такая же белозубая улыбка. И скоро здесь станут досыта есть. Мы с теплотой говорим о Неру, о кампании за внедрение общинного землепользования. -

Подметальщики Раджкота продолжают улыбаться, болтать, но вдруг толпа вокруг нас медленно расступается.

Почему эта женщина едет прямо на нас? Ведь площадь вокруг диспансера широка. В надежде получить молоко? Увы, запоздалая надежда. Впрочем, для этой женщины уже не осталось никаких надежд. Она толкает высокий черный велосипед, поддерживая его за руль и седло, большой мужской велосипед, на котором сидят верхом двое детей — мальчик и девочка. На вид им можно дать лет по девяти-десяти. Они держатся очень прямо, силясь сохранить равновесие; у них задумчивые лица слепых, бодрствующих во сне.

— Дети не видят, — тихо объясняет мне индийская девушка-санитарка. — Знаете, недоедание, авитаминоз... Теперь уж ничего не поделаешь.

Вокруг велосипеда, такого черного, большого, медленно-медленно ползущего по жаре, продолжают кричать и смеяться дети. Лица обоих маленьких слепых подергиваются. Должно быть, шум их пугает, они начинают плакать, как плачут все дети мира — обливаясь неподдельными слезами, всхлипывая... Только у этих несчастных детей не по возрасту узкая грудь.

Заметив, что два маленьких слепца плачут, другие дети принимаются шуметь пуще прежнего и смеяться еще громче. Слепые дети не понимают, что сейчас не время плакать. Женщина старается утешить их, успокоить. Здесь никто их не обидит. Здесь раздают молоко. В Раджкоте, при свете яркого солнца, я делаю открытие, что для слепых молоко может быть черным.

Подметальщики Раджкота умолкли. Мы тоже. Мы не говорим друг другу ни слова — между нами происходит немой обмен мыслями. Оба ребенка продолжают плакать. Наконец матери удастся выбраться из толпы на другую сторону площади, туда, где никто не шумит, в золотую предвечернюю пыль. Мы смотрим, как удаляется велосипед.

— Пора ехать, — говорит мне советский врач.

Мы садимся в машину. Солнце клонится к закату. Дети уже уgomонились. Мы долго машем им рукой.

Спустя несколько минут советская женщина-врач снимает с себя венок. Я следую ее примеру. Она снова с воодушевлением и подъемом говорит о своей работе. Временами мое внимание ослабевает. У меня побаливает голова. Наверное, от запаха индийских гвоздик...

Дитя индийского года

30 декабря. Мы посещаем крупные женские консультации в Джамнагаре, Вераде, Бхаваде, созданные правительством Индии совместно со Всемирной организа-

цией здравоохранения. Здесь за несколько месяцев работы удалось охватить «медицинским контролем» почти всех матерей и грудных детей. Если в некоторых местах вновь открытые лечебные учреждения обслуживают немногим больше половины рожениц, то в отдельных районах Индии ни один ребенок не родится без помощи квалифицированной акушерки.

Чтобы выиграть время для обучения новых кадров, тут стараются приобщить к медицине местных повитух, без которых до этого не обходились ни при одних родах. Полугодичный курс обучения в медицинской школе делает из них опытных помощниц врача, способных надлежащим образом принять ребенка при нормальных родах и предупредить доктора в случае осложнений. Таким путем в Саураштре уже «обращена в новую веру» половина повивальных бабок.

Переезжая из школы в школу, из диспансера в диспансер, мы исколесили страну вдоль и поперек. Огромные просторы невозделанной земли. Недостаток воды. Скудная почва, на которой человек довольствуется пока лишь подобием жизни. Бледная зелень художной травы, серые, порой почти белые колючие кустарники, желтоватый цвет голой земли. Такие пейзажи тянутся от Турции до самых берегов Тихого океана. Они простираются к югу, бледнеют в Африке, уходят на север, где их колорит сменяется снежной белизной афганской и монгольской весны. Эти пейзажи — словно навеки остановившееся мгновение. Минута, когда половина человечества замерла в голодном молчании. Здесь мечтаешь о воде. Я внушаю себе, что придет время, когда атомная энергия поможет опреснить воду морей и разливать ее по иссохшим землям. Я убеждаю себя, что эрозия земли может быть приостановлена, что новые методы обработки почвы приведут к подъему урожайности. В настоящее время урожайность зерновых в Индии — семь-десять центнеров с гектара, а в Западной Европе — двадцать семь центнеров. Урожайность риса в Индии — тринадцать центнеров с гектара, а в Японии — тридцать восемь центнеров.

Наряду с этим я думаю и о другом: нельзя укорять людей за их многочисленность. В действительности про-

блемы перенаселенности не существует. Явное несоответствие между числом живущих на земле людей и ресурсами — несоответствие временное: просто земля отстает от жизни.

31 декабря. Последний день года. Мы разрешаем себе совершить туристическую вылазку и отправляемся в лес выслеживать львов (не выходя из машины). Стало почти совсем темно, когда на краю лужайки, где мы остановились, показались две низкие тени. Козленок, для привлечения львов привязанный к колышку, отчаянно блеет. Человек с ружьем идет навстречу хищникам. Наша машина уезжает.

Мы наносим визит инженеру, руководящему постройкой лесного заграждения. Инженер вместе со своей семьей живет в удобном деревянном доме. Это энергичный молодой человек, один из типичных представителей сегодняшней обновленной Индии. Заграждение будет представлять собой огромный земляной вал. Он уже доведен до склона холма, с которого срублен лес. Стройка и рабочие бараки ночью освещены прожекторами. Слышен гул моторов. Мне нравится эта картина. Меня радует, когда мерцают огни, изгоняющие духов.

Возвращаемся в Раджкот. Скромный сочельник собирает нас в доме, где живет советская женщина-врач, ее индийский коллега и англичанка — медицинская сестра. Время от времени раздается телефонный звонок: поступают сообщения из родильного дома. Через несколько минут наступит Новый год, Новый год в Индии, во всем мире. И каждый раз для человека и для мира в несколько условной торжественности этой даты возникает надежда на новую судьбу.

В этот момент, когда времена меняются и, может быть, изменятся, мне хотелось бы обладать даром прозрения, чтобы увидеть, что станется с Индией, как сложится судьба ребенка, который рождается сейчас. Первый ребенок 1957 года, рожденный в Раджкоте, в этом далеком углу Азии...

Решено, я пойду посмотреть новорожденного. Поговорю с его родителями, побываю в их доме, войду в их жизнь. Стану крестным отцом, единственным подар-

ком которого будет этот мой рассказ очевидца, свидетеля. Но дети Индии нуждаются также и в том, чтобы кто-нибудь свидетельствовал в их пользу.

Вот и утро. Мы отправляемся в родильный дом. Первый младенец нового года — маленькая девочка, десятый по счету ребенок в семье путевого сторожа Тапубхай. Его жена Бханибаи, у постели которой я сейчас нахожусь, за девятнадцать лет брака родила на свет девяти детей. Когда она вышла замуж за Тапубхай, ей было шестнадцать лет. Шестеро ее детей умерли в раннем возрасте; четверо из них — от инфекционных и неинфекционных болезней, в частности, от кори, двое — от малокровия.

В настоящее время Тапубхай зарабатывает семьдесят рупий в месяц, то есть менее семи тысяч франков (но соотношение между этим заработком и стоимостью жизни в Индии не совсем такое, как во Франции). Управление железных дорог, представляющих в Индии собственность государства, дает сторожу бесплатное жилье в домике, состоящем из одной комнаты, без водопровода. На семьдесят рупий есть мясо или рыбу удастся лишь два-три раза в месяц. Обычно рацион семьи состоит из проса, мелкой индийской чечевицы, мучного блюда или риса. Вот почему от недоедания в семье умерло по меньшей мере двое детей.

— Этот ребенок уж обязательно последний, — говорит мать. — Я больше не хочу детей.

— Я тоже, — откликается отец.

Это веселый человек с большими черными усами. На голове у него голубой тюрбан, такой, какие носят все железнодорожники Индии.

Тапубхай неграмотен, как и его жена. Новые идеи до него еще не дошли. Поскольку он не прошел государственной переписи и живет далеко от места, где родился, его имя пока не фигурирует в избирательных списках. Несколько лет тому назад он вступил в профсоюз железнодорожников. Требования Тапубхай не трудно сформулировать: он хотел бы получать побольше денег.

Тапубхай задолжал триста рупий. Когда его старший сын женился, пришлось справить свадебный наряд

невесте, купить украшения, дать денег отцу девушки. В Индии и до настоящего времени брак, даже в самой бедной среде, — торжественная церемония. В жизни, полной голода и нищеты, останется по крайней мере воспоминание об одном сытном и торжественном дне.

Тапубхай сияет. Я догадываюсь, что рождение этого ребенка тоже внесло немного счастья в его жизнь. Его жена и новорожденная дочь лежат в настоящей кровати, заправленной простынями, в окружении врачей и сиделок. Остальных детей Бханибаи рожала в неосвященном доме, с помощью местной повитухи, которая упиралась двумя руками в живот роженицы. Во тьме слышались крики, стоны... Здесь же все бело, тихо, покой женщины охраняют, ей кладут ладонь на лоб, подают пить. К ней относятся так, словно, сама того не подозревая, она совершила нечто необыкновенно важное, приковывающее к ней внимание тех, кто до сего времени, казалось, вовсе не замечал ее. С организацией этой новой больницы всякий, кто в нее ложится, превращается в «важного господина».

Много времени пройдет, прежде чем Тапубхай, Бханибаи и им подобные поймут, что внимание, оказываемое им в таких случаях, означает не больше, чем отеческую заботу государства либо проявление международной филантропии, и что, так или иначе, эта больница — их благо. Много времени пройдет, прежде чем эти простые мужчины и женщины отрешатся от жизни, в которой им все говорит, что они забыты, и освоятся с жизнью, окрашенной в яркие цвета, в которой с их существованием будут считаться, где пойдет в счет каждый удар их сердец, где пойдет в счет их смуглый малыш-крикун.

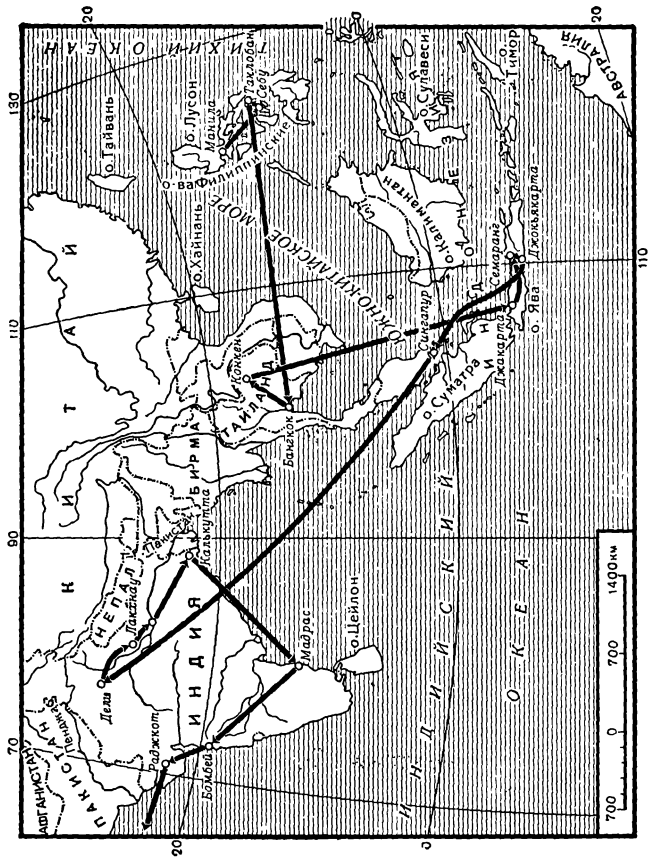
В педиатрическом отделении больницы маленькие пациенты лежат в высоких кроватках. Матери пришли их навестить, но им не хочется уходить. Устав от бодрствования, они укладываются на блестящий плиточный пол между кроватями. Над ними их дети в белых ночных рубашках, на белых простынях. Рядом с этими одетыми в белое, ухоженными, чистыми детьми свернувшиеся на полу индийские матери в поношенных сари похожи на нищенок.

Мы провожаем Тапубхаи до дома. Мимо проходят поезда. Эти индийские поезда, очень душные, пыльные, набитые пассажирами, напоминают не столько о путешествии, сколько об эвакуации.

Мы долго беседуем с путевым сторожем. Он говорит о своей жизни просто, без прикрас. Я собираю материал для книги — свидетельского показания, куда войдут лишь впечатления очевидца. Легко писать о воздухе, о воде. Но попробуйте рассказать всю правду о человеке — все, о чем еще никогда не упоминалось вслух. Какой сердечный жар потребуется для этого, какая воля к справедливости!

Удовольствуюсь передачей того, что видел собственными глазами.

В этом процессе судьи бесстрастны, пострадавшие незлопамятны, обвиняемые невозмутимы, а свидетели более холодны, чем мертвецы.

СОМАЛИ ЭФИОПИЯ

Ветер Могадишо

Ж

енева, Париж, Рим, 17
января 1957 года. Из
Рима мы вылетаем в
Могадишо. Я избрал

Восточную Африку прежде всего потому, что о ней мало говорят. Мне кажется, объяснить эту несправедливость можно тем, что Сомали и Эфиопия в этнографическом отношении не характерны для африканского континента — их нельзя отнести ни к Востоку, ни к Черной Африке. У эфиопов и сомалийцев черная кожа, но правильные черты лица, прямой нос, тонкие губы. Сомалийцы исповедуют ислам, а эфиопы — христианство. Словом, эти народы озадачивают. Кроме

того, Восточная Африка отвечает духу моей поездки, поскольку ее география, условия жизни ее обитателей порождают некоторые экономические и санитарные проблемы частного порядка, разрешением которых сейчас занимаются международные организации.

В Итальянском Сомали* я не столкнулся ни с одной из бригад Всемирной организации здравоохранения, встречавшихся прежде на моем пути и облегчавших мне знакомство со странами Азии. Специфика работы в этом районе определяется тем, что три четверти его населения — кочевники. Лечить людей, ослабевших от недоедания, не имеющих понятия о гигиене, — задача, требующая иногда сверхчеловеческих усилий, в этом я имел возможность убедиться далеко не один раз. Помимо того, что население Сомали в большинстве своем находится в бедственном положении, оно к тому же еще и кочует, следовательно, оно неуловимо. Кочевой образ жизни характерен не только для Сомали. Он существует повсюду на Востоке и в многочисленных районах Африки; к сожалению, в этих-то районах и свирепствует малярия. В результате создается ситуация, крайне затрудняющая работу санитарных организаций.

19 января. Итальянское Сомали — страна частично экваториальная. На юге, у границы с Кенией, живет население, близкое по своим расовым признакам к великим семьям Черной Африки — к банту. Столица страны, Могадишо, город чисто сомалийский, несмотря на пережитую им итальянизацию. Белый город раскинулся на берегу Индийского океана, холодного и синего даже в жаркую погоду. Мы выходим из самолета. Нас встречает восточный ветер. Этот ветер называется «asiab», он дует с декабря по март, весь засушливый сезон. А выше полыхает раскаленное небо.

До сих пор здесь живет много итальянцев, главным образом торговцев. Это придает Могадишо вид итальян-

* 26 июня 1960 г. стала суверенной часть Сомали, бывшая «британским» протекторатом. 1 июля обрела независимость другая — находящаяся под опекой Италии. Обе части страны стали единым независимым государством.

янского города, правда, подчас кажущегося слишком белым. Такой город было бы не удивительно встретить где-нибудь южнее Неаполя, в засушливом, лишенном богатой растительности районе. Вечерами на террасах кафе или в беседках из вьющихся растений за небольшую плату подают итальянские блюда, огромных лангустов, а на десерт — папайю.

Хочется сказать о красоте женщин Сомали. Впрочем, можно в равной мере говорить и о красоте мужчин. Сомалийцы стройны, гармонично сложены. У них высокие лбы, чистые лица. Они обладают большим врожденным благородством. Увы, это почти все, чем они владеют!

У самых стен Могадишо простирается огромная песчаная дюна, покрытая колючими растениями. Песчаный вал рассыпается дорожками по улицам города, мощенным на итальянский манер. Но море снова и снова наносит песок, непрерывно восстанавливает вал. Эта кажущаяся неподвижной дюна подобна волне: она постоянно перемещается, перекочевывая все дальше и дальше от берега, превращая всю прибрежную полосу страны в неплодородный край. А за дюной, куда не добирается песок, — потрескавшаяся от засухи земля. Засуха — проклятие. Всюду одно и то же. Разница лишь в том, как хрустит песок под ногой человека.

Конечно, здесь есть реки. Их всего две. Одна — Веби-Шебели, — встречая на своем пути в океан большую дюну, изменяет курс, течет вдоль побережья и иссякает в томящихся от жажды землях. Вторая — Джу-ба — образует устье на широте экватора и там вливает свои воды в Индийский океан.

По узким лентам берегов обеих рек обосновались люди. Они занимаются земледелием. Конусообразные хижины жмутся одна к другой, слышится детский плач, женщины стирают белье в желтой воде, по вечерам к небу тянется дым. Это и есть Сомали, вернее, оседлое Сомали.

Здесь жизнь человека связана всего лишь с несколькими деревнями — с той, где живет он сам, и с теми, которые расположены по соседству. Рыбная ловля или купанье по вечерам в желтой речной воде вносит неко-

торое разнообразие в повседневную жизнь людей. Судьбы мужчин и женщин в этих деревнях очень похожи одна на другую: они женятся, рожают детей, а потом умирают. Только четвертая часть населения страны, примерно триста тысяч человек, живет оседло по берегам рек, остальные — более девятисот тысяч — кочуют по пустыне с изнывающими от жажды стадами.

20 января. Нас приняли два итальянских врача. Самой распространенной болезнью в стране является малярия, занесенная сюда малярийным комаром «*anopheles gambiae*», который встречается на большей части территории Африки. Комар живет только в непосредственной близости к воде. Поэтому малярия свирепствует главным образом по руслам рек, то есть в обоих сельскохозяйственных районах страны. Неоднократные кампании по опрыскиванию раствором ДДТ жилищ в долинах Джуба и Веби-Шебели дали свои результаты. Но полностью малярия может быть ликвидирована лишь в том случае, если местные жители не станут сводить на нет все профилактические меры (например, прекратят перекрашивать во время рамазана стены внутри домов, обработанные противомаларийной жидкостью), а кочевники не будут подходить к руслам рек. Пастухи-кочевники, пригоняя в засушливое время года стада к рекам, заражаются малярией. Затем они возвращаются в пустыню, где их никто не лечит. Уже будучи больными, кочевники продолжают в определенный сезон подходить к рекам, выбирая для водопоя тот час после захода солнца, когда не летает кусающая животных муха цеце. Но именно в это время появляются комары, уцелевшие в деревнях после опрыскивания ДДТ. Эти комары, не встречая больше зараженных малярией людей, перестают быть передатчиками болезни. Кусая же больных малярией кочевников, комары заражаются и снова несут инфекцию в деревни, расположенные по берегам рек. Малярия опять витает в воздухе. Бригадам по борьбе с малярией вновь приходится опрыскивать стены в домах и раздавать лекарства их обитателям.

Ценою таких многократно повторяемых и дорогостоящих усилий в настоящее время удалось значительно

снизить процент заболеваемости малярией в долинах обеих рек. Кроме того, правительство Сомали и итальянские органы санитарии стараются приучить к оседлости хотя бы некоторую часть кочевого населения и контролировать кочевья остальных. Трудная задача — попробуйте приучить волны моря!

Пустыня

22 января. Здесь нет больше моря — осталось лишь место, где оно когда-то было. Мы выехали на поиски кочевников еще до зари. Едем по земле, свободной от дорог, по дну моря, поглощенного солнцем. Кругом кустарники, более сухие и ломкие, более черные, чем пучки выброшенных морем водорослей, и камни, отбеленные светом ярче, чем отбелила бы их соль. Вокруг нас мир, словно созданный для того, чтобы быть скрытым в сумраке вод. Спрашивается, к чему оказалась под небесами эта земля, с ее камнями и кустарниками, где в редкой тени, между двумя засохшими листьями, неугасимо горят, как светящиеся рыбки, солнечные блики? Случается, что из глубины мерцающего света с шумом и топотом выбегает стадо; его сопровождают чернокожие люди. Так происходит наша встреча с «морем» пустыни. Его создают движущиеся тени, отбрасываемые людьми и животными. Тени превращают землю в морские волны, наделяют руками кусты, омывают песок, оживляют перламутровые глаза утра. Но у человека на губах соль, его глаза потускнели, ладони жестки... Люди проходят быстро, они не останавливаются. Их животные, изнывая от жажды и полуденного зноя, иногда оборачиваются в сторону безбрежной пустыни, прикрывая свои бархатистые глаза.

В этих местах тоска по родине — это тоска по собственной тени. Пустое море, безводное море, море камней и колючек.

Долго рыщем мы по пустыне, разыскивая кочевников. Нас терзает тот же зной, от которого изнывает земля. Куда ни глянь — всюду скелетоподобные кустарники, тонкая белесая трава. Жизнь сохраняется

здесь только по берегам рек, на пропитанной минеральными солями почве. И тем не менее в этом мире всепоглощающей суши то там, то здесь мелькают блеклые цветы. Кажется, что жизнь тут поддерживается только жаждой жизни, а не соками земли.

Жара нестерпима. Мы продолжаем двигаться вперед в немеркнущем, слепящем свете. Ни одна тень, если не считать едва заметную тень от сухих кустов, не умеряет его яркости. Воздух становится жгучим. Мы едем, не останавливаясь, но, кажется... в поисках миража. Вдали виднеется высокий куст. Может быть, он растет на влажной почве, может быть, там зеленеет гравя и пасется скот? Подъезжаем ближе — ничего подобного. В другой раз вдали показались шалаши. Только рука человека могла бы так аккуратно сложить сухие ветки! И снова в пятнистой тени кустарника мы обнаружили всего лишь три более прохладных камня в темной и гладкой оправе из свернувшихся вокруг них змей.

Наши поиски длятся уже больше шести часов. Случается, что на краю пустыни мы наталкиваемся на деревушку. Круглые лачуги, слепленные из смеси коровьего навоза и глины, под крышами, сплетенными из веток. Такие деревушки обычно располагаются возле больших канав, которые в течение двух месяцев в году бывают наполнены дождевой водой. Вода в этом открытом водоеме быстро загнивает, но тем не менее ее пьют и люди и животные. Здесь же развиваются личинки комара — переносчика малярии. Санитарные бригады систематически обрабатывают жилища деревушки раствором ДДТ. Но порошок необходимо растворять в воде. Приходится использовать запасы из той же канавы. Воды не хватает, поэтому канавы расширяют. В этом обязаны участвовать все взрослые. Каждая выброшенная лопата земли — литр воды. Здесь ведется борьба с жаждой, и никто не должен оставаться в стороне.

Мы заходим в дома. Даже в темноте видно, как красивы женщины. Врач прощупывает селезенку у детей, раздает лекарства. Как обстоят дела? Люди отвечают. Они рассказывают, что после каждого опрыскивания раствором ДДТ дома начинают кишеть насекомыми, в особенности клопами. Погибают одни комары.

Другие паразиты выживают. Их даже становится еще больше. Итальянский врач озадачен. Возможно, что ДДТ уничтожает ящериц и тараканов, которые заводятся в жилище и поедают насекомых. Быть может, мы играем с огнем. Нас извиняет то, что мы не видим дыма.

И вот мы снова колесим по пустыне. На нашем пути ни одного кочевника. Иногда пара страусов, до этого не замеченная нами, пускается бежать впереди машины. Наконец, мы видим, как от колес нашего «джипа» стремглав убегает совершенно голый чернокожий малыш. Замечаем шалаши и стадо верблюдов. Сомалийский скот — главным образом верблюды и козы, животные, которые умудряются не умереть от голода и жажды, даже если перед ними лежит одна голая земля. Тем не менее при больших засухах и они гибнут. Пусть бы голая земля, но она еще и обожжена зноем...

Козье молоко и мясо, верблюжье молоко и зерно, которое покупают в долинах, — вот пища кочевников. Дети ходят голышом. Мужчины и их жены (этот народ придерживается полигамии) драпируются в куски хлопчатобумажной ткани. Хижин, можно сказать, нет. Воткнутые в землю и связанные наверху ветки служат укрытием для женщин и маленьких детей. Мужчины и мальчики постарше спят под открытым небом. За исключением сезона дождей, очень краткого в пустыне, ночи стоят ясные.

У кочевников почти нет одежды и предметов домашнего обихода. Их посуда — кувшины из смеси глины и коровьего навоза, обожженные и закопченные на костре. Кроме того, каждый мужчина — обладатель двух вещей: сагайи — маленькой деревянной коробочки со смазкой для волос, привязанной к запястью, и изголовья — вогнутого куска дерева на низенькой подставке, на который кладут голову во время сна. Кочевники ничего не строят, никак не обосновываются. Они живут в постоянном ожидании отъезда. Впрочем, тут уже не приходится говорить об отъездах или приездах. Каждая остановка — это всего лишь короткая задержка в вечном скитании. Здесь не уезжают, а продолжают путь. Встав среди ночи, уходят дальше. На сле-

дующий вечер улягутся спать на земле. А с неба им будет сиять Южный Крест.

Кочевники живут племенами — другой формы общественной организации они не знают. Несколько десятков общин распределили территорию страны между собой, и каждой досталась обширная площадь для кочевья. Племя — это иногда несколько тысяч человек, рассеянных по пустыне. Каждый кочевник имеет свою семью, но тем не менее он знает, что является также членом большого коллектива людей, объединенных общими обычаями, правами и вождем.

Племена постоянно враждуют между собой. Конфликты обостряются из-за краж, которые становятся чуть ли не ритуальными. Молодой бедняк-кочевник, которому настало время жениться, не дождавшись, пока соберет двадцать или тридцать верблюдов — плату за невесту, уводит скот у соседнего племени, что служит поводом к кровавым стычкам. Случается, что при этом убивают человека. Тогда виновный уступает родственникам убитого пятьдесят верблюдов, или те в свою очередь убивают кого-нибудь из племени жениха. Некоторые племена кочевников не знают еще национальных законов. Они образуют внутри страны инородную, почти автономную группу. Ряд племен не признает авторитета сомалийского правительства, и властям с трудом удается получать с них налог — несколько голов скота.

Только вода может привязать кочевника к земле. Надежные колодцы — а подпочвенные воды встречаются здесь почти всюду — станут для кочевников своеобразным магнитом. Продолжая заниматься скотоводством, кочевники смогут понемногу начать обработку земли возле колодцев. Кроме того, им следует оседать и в прибрежном районе. Там, где человек бывает лишь мимоходом, там, где ветер пустыни сразу же стирает следы его шагов, возникнут селенья. Наладится оседлая жизнь, а с нею и организация санитарного дела.

После некоторого колебания (а вдруг мы — сборщики налогов?) кочевники, которых мы наконец-то встретили, подходят к нам ближе. Они принадлежат к одному из самых обаятельных племен страны — к пле-

мени гагге. Стройные тела под серой накидкой — шаммой, чистые лица. Врач прощупывает у людей селезенку. Почти все больны малярией. Санитар раздает лекарства. Бесплезное занятие: пройдут месяцы и даже годы, прежде чем эти больные снова увидят врача.

Кочевники страдают не только от малярии. Обследования показали, что Сомали, по-видимому, одна из стран мира с наиболее высоким процентом больных туберкулезом. Еще совсем недавно кочевники лечили туберкулез, впрыскивая в плевру больных растопленное масло или же заставляя проглотить большое количество этого масла. Затем больного сажали на верблюда и пускали животное вскачь. От тряски у бедняги началась рвота, и сомалийцы считали, что он очищается от хвори. В наши дни распространен метод лечения раскаленным железом. Мы обнаруживаем рубцы — следы ожогов — на теле мужчины, с которым говорим. Наш собеседник истощен, его явно лихорадит. Мы рекомендуем ему поехать в больницу Могадишо. Не слишком ли запоздалый совет?

Позади этого мужчины стоит женщина, прикрывая краем шаммы гноящиеся глаза. Трахома, глаукома. Нам показывают, как ее лечат. Берут лист кактуса, ломают его и клейким соком растения смазывают больные глаза.

Вокруг нас голые ребятишки. У них вздутые животы. Наверное, аскариды. Желудочные болезни, вызываемые паразитами, встречаются здесь у девяти человек из десяти.

И это еще не все. Сколько несчастных случаев возникает в результате ритуальных хирургических операций. Обрезанию подвергают как мальчиков, так и девочек: у последних сшивают губы половых органов. Эти операции, точнее, это калечение производят грязными инструментами. Чтобы ускорить заживление, на порезы накладывают пластырь из коровьего помета и земли; отсюда частые случаи столбняка и септисемии, как правило, со смертельным исходом.

Как бороться со всеми этими болезнями, как предупредить их? При содействии международных организаций органы здравоохранения Сомали направили в пу-

стыню санитарные бригады. Люди возвратились на базу обессиленные, не сумев выполнить и четвертой части своей задачи. Они блуждали по пустыне в поисках кочевников, как мы сегодня. Но главная трудность была не в этом. Среди кочевников врачи не обнаружили ни одного здорового человека! За несколько дней бригада израсходовала весь тот огромный запас лекарства, который сумела захватить с собой. Да, такие вылазки — не решение проблемы. Необходимо добиться хотя бы относительной оседлости кочевников, а для этого надо выкопать колодцы и снабдить их насосами, работающими при помощи ветряных двигателей. Устроенные возле таких источников воды стационарные или передвижные диспансеры позволят вести систематическое медицинское наблюдение за населением.

Однако Сомали не состоит в числе стран, наиболее остро нуждающихся в медицинском обслуживании. Здесь насчитывается более семидесяти врачей и медицинских сестер; есть несколько больниц с современным оборудованием. Расширяя зону борьбы с малярией, сомалийские и итальянские санитарные бригады практически избавили от этой болезни уже миллион человек.

Но пока работа проводится лишь в приморских городах и хозяйственных районах, расположенных в долинах рек. Рядом с этим миром существует другой — подвижный, неуловимый мир, в котором проживает три четверти населения страны. Именно за него и нужно взяться. Молодое правительство Сомали сознает эту задачу. Сооружая в пустыне колодцы, оно стремится постепенно объединить народ страны.

Свет и язвы Эфиопии

30 января. Аден — город в огромной котловине потухшего вулкана, а вокруг скалы и отбеленная солнцем земля. Здесь Аравия по-новому сурова. На улицах с весьма заурядными домами мелькают грубые лица торговцев; повсюду немая торопливость, запах пыли. Се-

рая вода с разводами нефти, со всплывающим на поверхность илом принимает в свое лоно пароход.

Здесь сталкиваются коммерсанты всех наций. А за вулканом — тишина Аравии. Мы гуляем и гуляем по городу. Я думаю о Рэмбо. Этот город — наилучшее средство против поэзии. Но я ошибаюсь. То, что предстает передо мной — полное отсутствие зелени, огромная неподвижная гора камня, забытое море, соленые болота, неистовая яркость неба, сверлящие взгляды толпы, — все это тоже за пределами нормы, и, быть может, мы здесь — на грани ясновидения.

Завтра нам предстоит отъезд в Эфиопию.

31 января. Самолету не приходится отклоняться от своей трассы при посадке — вся Эфиопия представляет собой высокие нагорья, к которым нетрудно подступиться с воздуха. Благодаря им пейзажи Эфиопии напоминают горные пейзажи Юры. Эфиопия, эта часть африканского континента, оказалась удаленной от него — она лежит гораздо выше над уровнем моря, чем остальные страны. Здесь другие горизонты, другой цвет неба. За привилегию находиться в уединении на большой высоте приходится расплачиваться легким удушьем. Черная Африка словно остановилась на полпути по склону, ведущему к плато Эфиопии. Климат тут мягче. Эфиопия является Африкой более умеренной, альпийской.

И вот мы в Аддис-Абебе. Тихий, очень немногочисленный город, с улицами то убегающими в горы, то сбегающими с них. Дома низкие, лишенные какого-бы то ни было стиля. В глубине прямых проспектов с разбитыми тротуарами виден засаженный эвкалиптами холм — он заслоняет горизонт. У эвкалиптов почти такая же темная зелень, как и у ели. Ни Азия и ни Африка, скорее предместье в горах Юры! Единственная железнодорожная линия в стране, которая связывает Джибути с Аддис-Абебой, принадлежит французской компании. Привокзальный буфет называется по-французски «Buffet de la gare», как в Понтарлье. Вечер. Чуть накрапывает дождь. Темные улицы освещают витрины греческих магазинов готового платья и сумрачные огни в окнах итальянских ресторанов. Встре-

чается несколько магазинов, торгующих иностранной литературой. Есть тут и книги на языке амаринья. Его странные буквы обращают на себя внимание тем, что при неподвижном вечернем освещении кажутся необыкновенно выпуклыми. Эта страна и самый город полны чар. Тут бродят черные люди с лицами апостолов, гие-ны пробираются в предместья. Моросит дождь, и слышно, как во тьме бьют часы...

2 февраля. Совещание с некоторыми административными чинами Эфиопии, в том числе и с министром здравоохранения. Император принять нас не может: он отдыхает в Массауа. Я прошу рассказать мне о стране. Сколько в Эфиопии жителей? Семнадцать или девятнадцать миллионов. Это приблизительные данные. Работа по переписи населения еще не завершена, она проходит медленно — мало транспорта, нет дорог. Каково экономическое положение страны? Пока оно еще непрочное. Конечно, страна богата природными ресурсами. В ней есть зоны, в которых легко могут быть проведены ирригационные работы. Полезные ископаемые, леса, реки постепенно осваиваются, но их использование только начинается. Страна нуждается в помощи. Придет ли эта помощь?

Наконец, санитарное состояние... Картина довольно мрачная. Население, которое, как правило, недоедает, страдает от многочисленных болезней. Малярия хозяйничает иногда даже в районах, которые лежат на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Много жизней уносит туберкулез. Часты случаи кишечных заболеваний. В стране насчитывается несколько тысяч прокаженных. Нередки заболевания трахомой. На юге страны свирепствуют тропические болезни. Одна из них, распространяемая мухой, обитающей на кофейных плантациях, грозит полной слепотой. Случается, что в этом же районе базедова болезнь оставляет женщину бесплодной. Две трети городского населения страдают от венерических болезней. Многочисленны случаи самопроизвольных выкидышей и неблагополучных родов. Общая смертность населения высока. В стране надо все создавать заново. Больниц недостаточно. На пять тысяч жителей приходится одна больничная койка. Врачей

мало, и приблизительно три четверти из них не выезжает из города в районы. Сознвая серьезность создавшегося положения, правительство Эфиопии обратилось за помощью в Международную организацию здравоохранения, чтобы совместно с ней повести борьбу с опасными болезнями, свирепствующими в стране. В план задуманных мероприятий входит борьба с малярией, венерическими болезнями, проведение эпидемиологического обследования, оказание срочной врачебной помощи, а также подготовка медицинского персонала. Мы начнем с малярии. Городок, в котором расположена бригада Всемирной организации здравоохранения, носит название Назарет.

Неведомая Африка

4 февраля. Мы не задерживаемся в Назарете, в этом небольшом городке, где жалкие домишки кое-как разбросаны на залитых лужами, изрезанных оврагами улицах. В коляске добираемся до долины реки Аваш. По инициативе правительства Эфиопии здесь проводится санитарный эксперимент. В этом районе плодородная почва, неплохо обстоит дело с ирригацией — все условия для успешного развития земледелия. Но тут, как и в соседних небольших долинах, свирепствует малярия. Первая проверка показала, что в некоторых деревнях ею больны девять десятых жителей. Никакие профилактические меры здесь еще не применялись, ни к какому лечению населения не приступали. И вот теперь в течение двух лет эта зона, равная по своей площади целому французскому департаменту, должна быть оздоровлена.

Нам приходилось потратить несколько часов, чтобы добраться по каменистой дороге до долины Аваш. Утро очаровательное. Тучи рассеялись, дышится легко, горизонт очистился, и вдали видны непривычно синие горы. Утро без дорог, без борозд на полях, безлюдное утро... Тысячи птиц взлетают с обочин дороги — дикие голуби, фазаны, куропатки. Стремглав убегают газели

и зайцы, рыжие лисы выглядывают из тени подлеска. Никогда еще не ощущал я такого приволья. Меня тревожит только отсутствие человека. Оно было бы естественно в пустыне, в джунглях, на необитаемом острове, во льдах полюсов. Но ведь здесь имеются все условия для жизни — настоящая земля, ручьи, деревья, похожие на наши, простые цветы и сегодня утром — погода, как в Провансе в июле.

Очевидно, я еще не постиг законы континентов, непреодолимую силу этих законов. Но я постигну их, я их уже постигаю. Под маской весны здесь скрывается Африка. К газелям подкрадываются леопарды, под листьями свернулись в узел змеи, скорпионы спят под камнями, а на поверхность рек, словно липкие брезна, всплывают отвратительные крокодилы.

Наконец, появляются люди. Мы останавливаемся в деревушке, где живут рабочие с плантаций. За рядами папайи раскинулись виноградники. Ничто так не свидетельствует о приручении земли человеком, как виноградники. Виноградная лоза — это порядок, строжайший порядок.

Однако мне нравится эта двойственность африканской действительности, эта скрытая обратимость.

И все же надо, чтобы в этом полном контрастов мире люди заняли свое место. Речь идет не о том, чтобы обратить людей к определенному образу жизни и ограничить их холодной религией гигиены или приручить к определенному современному идеалу, импортированному из наших стран. Мы пытаемся лишь наладить жизнь этих народов, избавить их от болезней, которые отвратили их от правды, обучить гигиене, приспособленной к их образу жизни, к их возможностям, а иногда и верованиям.

Я уже писал, находясь на Филиппинах, что помогать людям надо изнутри: необходимо войти в жизнь этих народов, проникнуться их истинами и не возвращаться к нашим до тех пор, пока навсегда не окрепнет в нас та вера, которой мы были воодушевлены по приезде.

Снова едем — на этот раз вдоль озера, по нескончаемому илистому пляжу, который утрамбовала насы-

щенная горной смолой вода. Огромные стаи фламинго обрушиваются на блестящую гладь стоячей воды; на поверхности ее то там, то тут высовывается голова крокодила. Мы развлекаемся тем, что гоняемся за стадами антилоп. Какой простор вокруг! Это африканское раздолье, беспрепятственно простирающееся далеко на запад! Я мысленно представляю себе Убанги, Каме-рун...

Наш гид, молодой врач, грек по национальности, и его санитары приступают к работе. У одного из санитаров на поясе револьвер: он и его товарищ — из племени амхара, а жители деревушки, в которой мы оста-навливаемся, принадлежат к галла — враждебному пле-мени.

Переписав всех жителей деревушки, мои спутники начинают осмотр. Они берут на анализ кровь, чтобы выявить наличие малярийного паразита. Больным раз-дают таблетки. В первую очередь важно «очистить» тех, которые являются источником болезни: от них заражается малярийный комар. В домах санитары при помощи стеклянных трубочек ловят комаров. Их иссле-дуют под микроскопом в лаборатории Назарета. Необ-ходимо установить процент зараженных насекомых, по-лучить общие данные о малярийном комаре, распро-страненном в этом районе.

День тянется медленно, невесело. По краю деревуш-ки протекает быстрый ручей. У него крутые берега, от их густой зелени вода в ручье кажется темной. Насту-пает вечер. Стада спускаются к ручью на водопой. За ними присматривает пастух, одетый в рубище. Вечер-ний свет задерживается в листве. Слышно, как по вет-кам порхают дикие голуби. Здесь все незамысловато и чисто.

Я говорю себе, что в конце концов ничего дру-гого нам и не требуется. Мы прибыли лечить этих па-стухов. Теперь нам надо поскорее уезжать, чтобы из их памяти стерлось воспоминание о нашем посещении, чтобы все шло так, будто бы нас никогда и не было, и осталось одно лишь избавление от болезни. Хотелось бы мне, чтобы в их жизни, быть может, более настоя-щей, чем наша, — но так или иначе в их жизни — на-

ше посещение не оставило никакого следа, чтобы к прозрачности вечеров, которые наступят после сегодняшнего, не примешивалось ничего, кроме невидимо присутствующей дружбы.

Дух Гондара

11 февраля. Мы отправляемся из Аддис-Абебы в Гондар. Самолет, поддерживающий связь между двумя городами, садится в пути раз пять или шесть: то среди чистого поля, то на горбатой спине холма, то возле дощатого барака. Самолет перевозит грузы. Мы сидим на мешках с цементом; некоторые из них дырявые. На каждой остановке молодой летчик-американец трясет крылья своей машины, колотит ногой по колесам. Чтобы оторваться от земли, он до отказа нажимает на рычаг — самолет проносится над самыми макушками эвкалиптов. Мы с облегчением вздыхаем. Теперь под нами снова синеватый горный пейзаж со множеством озер, говорят, — одно из самых красивых мест в мире. Но какая это своеобразная красота! Низко-низко пролетаем мы над рождающимся Голубым Нилом, над озером Тана, где Нил берет свои истоки. Немного подальше — Гондар.

Раньше здесь была столица. Город целиком укрылся за деревьями, только замок императора Фазиля со стенами цвета охры возвышается над зелеными кронами. Улицы заросли сорной травой. Мертвая столица... Повсюду бродит скот, над которым тучами кружатся мухи. По каменистым улицам медленно бредут редкие прохожие — чернокожие люди; глаза их, утомленные солнцем и мухами, непрерывно щурятся. Новая гостиница, в которой мы остановились, пуста. Как и замок, она возвышается над городом. Тщетно высовываюсь я из окна — ни один звук не нарушает сонной тишины.

В больнице Гондара, расположенной на краю города, готовят работников здравоохранения, которые должны заменить в Эфиопии недостающих врачей. Это мероприятие проводится правительством страны совмест-

но с Международной организацией здравоохранения. Девушки и юноши получают медицинское образование, достаточное, чтобы лечить наиболее распространенные в Эфиопии болезни. Кроме того, здесь обучают и медицинских сестер, которые со временем станут помощниками фельдшеров во вновь открываемых диспансерах. Люди, прошедшие трехлетний курс обучения под руководством западных профессоров, считаются подготовленными для оказания неотложной медицинской помощи и проведения некоторых мероприятий здравоохранения. Школа может выпускать ежегодно сорок фельдшеров. Каждый из них с помощью одной-двух медицинских сестер будет руководить работой диспансера в отдаленном районе. Нет сомнения, подобный метод — мера вынужденная, однако она оправдана необходимостью срочно решать санитарные проблемы, стоящие перед Эфиопией. Решение такой задачи требует большой веры в свое дело и даже героизма. Почти по всей Эфиопии мало дорог, плохо с питанием, вода вредна для здоровья, нет ни электричества, ни телефонной связи, население крайне суеверно, масса больных. Своего рода непроглядная тьма... Но я вижу, что лица молодых студентов озарены верой.

Вместе с двумя закончившими школу фельдшерами мы направляемся в один из первых диспансеров. Это небольшое деревянное здание посреди жалкой деревни. В нем практикует фельдшер из Судана. Двери открываются на залитую солнцем площадь. В одной из комнат диспансера на койке лежит женщина, извиваясь и крича от боли. Столбняк. Когда у человека болит горло, он обращается к знахарю, и тот при помощи конского волоса или ржавой проволоки удаляет пациенту язычок. И теперь в этой маленькой, перегревшейся на солнце комнате на глазах у прохожих женщина напрягает все силы, чтобы не попасть в когти смерти.

В приемной больных осматривают два фельдшера в белых рубашках. Их молодые лица очень серьезны. Один из них выпрямляется. Человек, которого он прослушал, кашляет, по-видимому, у него жар.

— Бронхит.

Голосу молодого человека недостает твердости. Уверен ли он, что это не туберкулез? Фельдшер теряется, и мы не настаиваем на ответе: если даже и туберкулез— где его лечить?

По окончании осмотра мы беседуем со студентами. Это умные, увлеченные своим делом молодые люди, мужественные и окрыленные верой. Тем не менее под конец беседы мы узнаем, что, конечно, им трудно и хотелось бы получить назначение в такое место, где время от времени они имели бы возможность видаться со своими учителями. В какой-то мере родина стала для них местом ссылки. Они знают, что стоит им уехать в глубь страны, как за ними замкнутся двери. Они останутся одни во тьме, среди чужих людей. Когда-нибудь они непременно испытают соблазн вернуться домой, спуститься с круч, на которые они в таком горячем порыве взобрались несколько лет назад.

Эфиопия, эта страна горя и света, нуждается именно в таких молодых существах, готовых затеряться в ее глуши. Почетно и вместе с тем трагично быть первыми избранниками народа. Как божества, несут они бремя ответственности и одиночества. Я завидую тому пути, по которому предстоит пойти этим молодым людям.

Через два дня мы поедem в долину реки Таказе.

Озеро Тана

13 февраля. Чтобы добраться до озера Тана, нам придется сделать большой крюк. Мы выезжаем на заре. Над головой вечно ясное небо, которое скоро озарится солнечными лучами; вокруг разлит все тот же спокойный свет. Повсюду мир, тишина. Над этой обойденной судьбою земель царит атмосфера счастья.

День еще не наступил, но мы уже знаем, что он будет похож на вчерашний и завтрашний. На этой земле все неизменно, кроме времени, которое настойчиво течет, и неба. Здесь все как бы сливается в один гармоничный аккорд — и горы, и плато, и деревья, и рассеивающиеся сейчас тени от камней, и родник, и живот-

ное, спасающееся от нас бегством, и шум ручейка, пробивающегося из-под камней брода.

В конце каменистой дороги на берегу озера приютилась деревня. Рядом с небольшой пристанью, окруженная деревьями, стоит круглая церковь. Здесь по воскресеньям собираются верующие. Усевшись на землю, они делают между собой освященную галету из проса. Религия здесь не заточает людей в узкие, мрачные святилища. Во время богослужения священники, облаченные в цветные мантии, выходят на порог и оттуда раздают благословение.

Старая моторная лодка увозит нас далеко от берега. Вдали виднеются заросшие зеленью острова. Почти на всех живут монахи. Там они основали монастыри, построили хижины и церкви. Не знаю, принадлежат ли здешние верующие к различным орденам. Мне сообщили только, что на одном из этих островов живут прокаженные монахи. На другом основалась другая религиозная община. Говорят, там столько пауков, что паутина, опутав прибрежные кусты, опоясывает остров прозрачным барьером.

Мы долго плывем в этом ярком солнечном свете. На озере ни единой лодки, кроме нашей, на берегах—никого, ни одной деревни. Поглощающая тишина. Приближаемся к одному из островов. Причаливаем. На приколе—несколько лодок. Издали мы их не заметили, они сливались с травой. Эти лодки очень напоминают снопы. Они сделаны из стеблей папируса, связанных в пучки. Полые стебли образуют нечто похожее на слегка вогнутый плот. Сидя в таком полом снопе и гребя лопатообразным веслом, монахи переправляются с одного острова на другой. Они редко высаживаются на берег, который почитают нечистым местом. Монахи придерживаются строгих правил: ни одна женщина никогда не ступает ногой на эти острова, все домашние животные-самки изгнаны.

На самом высоком месте острова, спрятавшись за деревьями, растущими на крутом берегу, стоит церковь в окружении монашеских хижин. Монахи угощают нас медовым напитком и лепешками из дикого проса. Напиток приготовлен из меда диких пчел, разведенного

озерной водой. Один из монахов, прежде чем подать его нам, наливает немного себе на ладонь и выпивает, давая тем самым понять, что угощение не отравлено. Мы пьем, к еде почти не прикасаемся. Никто не произносит ни слова. У нас нет переводчика. И потом — все поглощает тишина. Молчание — закон озера. Мы достигли места, где все сказано.

Позднее мы подъезжаем к острову, на котором живут прокаженные. Перед церковью лежит большой гладкий камень. Если ударить по нему другим камнем, далеко над водами озера пронесется звук, напоминающий звон колокола. Легенда гласит, что некогда камень принес сюда какой-то святой. По зову этого природного гонга на берег собираются монахи — медлительные, напоминающие в своих развевающихся серых шаммах крылатых насекомых. Одному из монахов перевалило за сто лет. Он слеп. Ощупывая деревья, он медленно передвигается вперед в теплой темноте, и никто ему не помогает. Вокруг не слышно ни разговоров, ни пения птиц. Звук каменного гонга долго удерживается между неподвижными деревьями, над безмолвием вод, над солнечной и мертвой Эфиопией. Потом снова наступает покой. Каждый монах возвращается к себе в шалаш, садится на землю, и ожидание продолжается.

Под вечер мы высаживаемся на последнем острове. Он необитаем. Свыше трех веков назад португальцы воздвигли здесь храм. Сейчас он разрушен, у берега, между осколками скал и высеченной из камня чашей для святой воды, плавают гиппопотамы.

С наступлением темноты мы возвращаемся. Возле неподвижной и уже помрачневшей воды прогуливаются аисты марабу. Медленно проплывают острова, придавленные тьмой и тишиной.

По ту сторону Ади-Аркаи

15 февраля. Со вчерашнего дня мы находимся в Ади-Аркаи, в этой еще не определившейся провинции, тяготеющей как к Амхаре, так и к Тигрэ. Го-

рода эти отстоят друг от друга всего на сто восемьдесят километров, но дороги не пригодны для машин, и на проезд в коляске потребовалось более пяти часов. Дорога поднимается до трех тысяч километров над уровнем моря, спускается, снова поднимается, сокращая свой путь на крутых склонах нагорий. Время от времени на нашем пути встречаются столбы, напоминающие о гибели воздвигших их генуэзских пионеров. Эмблемы и девизы фашизма, позже высеченные на камне, теперь сбиты. На поворотах глазам открываются яркие пейзажи, уже затуманенные легкой дымкой.

Кругом вырисовываются контуры многочисленных вершин. Они не покоятся на привычном нашему глазу широком основании, а неожиданно вздымаются прямо из земли, порождая мысли о мощных сдвигах земной коры или о гигантских сооружениях из цельного камня. Одни из вершин напоминают колокольни, другие — усеченные конусы, третьи — башни, четвертые — гладкий, головокружительных размеров каменный перст. Здесь царство геологии. И не просто геологии, а геологии вдохновенной. Человеку она оставила лишь свои нагорья, свои стершиеся вершины.

Эвкалипты, сосны, кактусы, мимозы, зонтичные акации растут на склонах гор на уровне нашей дороги, а ниже громоздятся скалы, голые и мрачные в своем пророческом молчании. В узких долинах и ущельях растительность сохранила свежесть. Горные потоки обмелели в период засухи, но все же тень и прохлада приходят туда раньше, чем наступает вечер.

Ади-Аркаи — поселок, состоящий из ряда жалких хижин; во времена оккупации итальянцы построили здесь несколько примитивных домов. Один из них занимает выездная бригада Всемирной организации здравоохранения, у которой я нахожусь в гостях. В этом доме, как и во всей деревне, нет ни электрического освещения, ни водопровода, ни других удобств. Мы обедаем при свете керосиновой лампы с рефлектором, потом укладываемся спать на походные кровати. Всю ночь с улицы доносится людской гомон; воют собаки, очевидно, чующие гиен.

Утром меня будит пение. Поют священники. Дом, в котором мы остановились, стоит рядом с церковью — их разделяет только стена. К нам во двор набиваются мужчины и женщины — так называемые нечистые. Сегодня они не смеют ступить на территорию церкви: она открыта лишь для тех, кто последние три дня не ел мяса, не пил спиртного, не предавался любовным ласкам. Запрет распространяется и на тех, кто заражен солитером, а также на женщин в период месячных очищений.

Мы отправимся в экспедицию только после полудня. Новозеландский врач, вместе со своим помощником, санитаром из Ливерпуля, руководящий бригадой местного вспомогательного персонала, сообщил, что нам должны привести мулов. Гидом будет священник. Меня знакомят с ним. Он долго держит мою руку. Я повторяю: «Tenas te ling» — «Здравствуйте» — единственное известное мне выражение. Врач осматривает священника, прослушивает его, чтобы убедиться в том, что он здоров. Пока стетоскоп перемещается по груди, бородатый священник с черной митрой на голове целует свой большой металлический крест.

Какой-то человек приковылял на деревяшке.

— Недавно нога у меня почернела и отвалилась, — объясняет он.

Такие больные в этой местности встречаются часто. Все они рассказывают одно и то же. Иностранные врачи не понимают, в чем дело.

— Чудная страна, — говорит новозеландец, почесывая затылок.

16 февраля. Мы установили палатки на пригорке, в пятистах метрах от деревни, в которой оставили свои машины. Наш лагерь находится на высоте полутора тысяч метров, а пригорок — самая высокая точка на обширном, усеянном буграми плато. У его основания протекает река Таказе. Мулы так и не появились, а священник, которому предстояло стать нашим гидом, исчез. Необходимо раздобыть семь мулов и восемь ослов. Чувствую, что и этот день пройдет в ожидании. Около наших палаток нет ни деревца. С восходом солнца здесь станет невыносимо жарко.

Вот солнце вышло из-за гор. Воркуют голуби, обезьяна пришла взглянуть на нас, но тут же скрылась в чаще. В этом районе Эфиопии водятся также леопарды и крупные львы. Много змей и скорпионов. Когда я вышел из палатки, вооруженный страж, карауливший нас ночью, спал у потухшего костра.

К врачу пришли люди. Многие из них чуть ли не всю ночь находились в пути. Весть о том, что приехал доктор, непонятно каким образом, уже успела разнестись по всему району. В ожидании, когда врач займется больными, люди сидят на корточках вокруг нашего лагеря. В нескольких метрах от меня расположились ребяташки и с любопытством смотрят, как я пишу.

У меня такое чувство, что наше присутствие здесь неуместно. Стоит ли брать в расчет то, что мы приносим с собой, в частности медицину, когда такие понятия, как судьба человека и проклятие над человеком, не потеряли еще здесь своего глубокого смысла?

17 февраля. Мулов вчера нам так и не привели, ослов тоже не удалось раздобыть. Жители деревни относятся к нам с явным предубеждением. Они решили, что мы хотим отобрать у них скот, и почти не ошиблись. Упорное сопротивление жителей заставило врача изменить тактику: он пообещал уплатить за ослов, которые были нам необходимы для дальнейшего передвижения. Долгие словопрения закончились туманным обещанием старосты деревни — эдакого черного апостола. Пока же нам остается только ждать. Поэтому мы принимаемся за осмотр новой партии больных, прибывших из еще более дальних мест, чем первые.

Солнце начинает припекать. Как и накануне, мы прячемся в тени единственного дерева, торчащего среди камней. У него редкая листва. В течение дня мы методично перемещаемся вокруг ствола, следуя за тенью. Позади нас, на востоке, высокие скалистые горы кажутся синими.

— Посмотрите, вон та вершина — совсем как готическая церковь, — замечает врач.

Осмотр больных продолжается. Малярия здесь свирепствует во всех долинах и на некоторых плато. Она вспыхивает так же мгновенно, как и чума, а следом за ней шествует смерть. Совсем недавно в нескольких деревнях, расположенных неподалеку отсюда, от малярии за неделю умерли тысяча восьмьсот человек. Деревни были подвергнуты карантину, так как предполагалось, что в них началась эпидемия неизвестной болезни.

Первым осматривают ребенка. Из его груди вырывается прерывистое, хриплое дыхание. Ему три года. Его принес на руках отец. Ребенок испуганно и умоляюще смотрит на отца и тянется худыми ручонками к его лицу. Над губой у малыша капли испарины. Врач прослушивает больного — двухстороннее воспаление легких.

— Легкие плотные, — говорит он мне по-английски.

Я успокаиваюсь... Но нет, я его неправильно понял: доктор хочет сказать, что легкие уплотнены. Надежды на выздоровление почти нет. Ребенок закричал от укола пенициллина. Я слышу его хриплое дыхание даже на расстоянии пятидесяти метров. Подходит его мать. Волосы у нее заплетены в тонкие косички, смазанные маслом, как принято у племени тигрэ. Она кладет ребенка в широкий кожаный мешок, висящий у нее за спиной, и долго чего-то ждет в толпе больных. Чего она ждет? Мне хотелось бы не слышать больше хриплого дыхания ребенка. Наконец она уходит.

Скоро полдень. Люди убивают камнями черную змейку. Нестерпимая жара. Мы переносим стулья, но укрыться в тени почти невозможно. Нам подают чай — вода для него взята из того же грязного ручейка, в котором берет воду и моется вся деревушка.

Увеличенная селезенка, чесотка, ревматизм, сифилис, трахома — медленная процессия не имеет конца... Мы проглатываем скудный завтрак. Время от времени, устав сидеть, встаем, но не можем сделать и шагу — за пределами тени палящий зной.

К нам приводят еще одного ребенка. Ему тоже три года. Он очень худ, язык обложен, губы бесцветны. Малярия, недоедание, наверное, глисты. Ребенка

заставляют проглотить лекарство. Он с жадностью пьет воду, которую ему протягивают в банке из-под консервов.

Ослов все еще нет. Тень переместилась. Теперь мы сидим лицом к горе. Больные разошлись. Врач не знает, чем себя занять.

— Эта гора действительно как настоящая готическая церковь, — снова замечает он.

Спускаемся в деревню. Там бродит очень много ослов. Староста деревни пускается в долгие объяснения, ничего общего не имеющие с истиной, угощает нас большой серой горьковатой на вкус лепешкой, основной пищей жителей Эфиопии.

Возвращаемся в лагерь. По дорожке, проходящей недалеко от наших палаток, двое мужчин несут на плечах носилки. На носилках маленький труп, покрытый тряпкой. Сзади молча бредут несколько человек. Шествие замыкают трое мужчин с заступами и лопатами. Скоро стемнеет. Мы зажигаем костер и усаживаемся вокруг. Нам видно, как похоронная процессия взбирается на небольшой лесистый холм по лезую руку от нас. Через некоторое время до нас доносятся вопли и причитания. Выходим на тропинку, поджидаем возвращения траурного шествия.

Пропустив женщин, просим переводчика узнать у мужчин, кого хоронили. Наша «летучая мышь» освещает суровые лица. Умер ребенок, тот самый, у которого был обложен язык. Он скончался вскоре после осмотра врача. Здесь хоронят через час после того, как человек умирает. Возвращаемся к костру. Горы, напоминающей церковь, уже не видно.

18 февраля. Наконец, сегодня утром нам привели десяток ослов. Шагая впереди них, мы прошли по каменистым тропам добрых пятнадцать километров. Неподалеку от кучки хижин мы разбили лагерь. Рядом бьет родник, вокруг него кувыркаются шимпанзе. Жители деревни приносят нам зеленые лимоны, мед диких пчел, несколько яиц. Кругом много света. Тишина. Как далеко позади остался вчерашний маленький покойник! Здесь кроется какая-то ошибка: сейчас я не могу верить, что всего лишь в нескольких киломе-

трах от нас несчастье продолжает безжалостно преследовать людей.

Деревушка, рядом с которой мы натянули свои палатки, принадлежит монахам. Земля тоже. Крестьяне выращивают на ней «дурру» — сорт проса, из которого готовят лепешки. Его собирают ровно столько, сколько нужно на еду. Менее чем в ста метрах от хижин земля остается невозделанной. Ни одного фруктового дерева, никаких овощей, хотя здешний климат и почва позволяют разводить сады и огороды. Рядом с родником взметнулись в небо свои огромные ветви кофейные деревья.

— Почему вы их ни разу не подрезали? — спрашиваем мы у нескольких человек, полощущих у источника свои шаммы.

— Мы позабыли, как это делается.

Кажется, что только религия определяет жизнь этой деревушки и только источник ее поддерживает. Легенда гласит, что это место было указано императором Фазилем, правившим в XVII веке. Проезжая по этим краям, он выстрелил из лука, и там, где стрела воткнулась в землю, забило сорок четыре родника. Император основал здесь монастырь — несколько жалких хибарок; монастырь и по сей день сохранил свой первоначальный вид.

Нас принимают монахи. На них яркие священнические одеяния, в руках большие серебряные кресты, с которых свисают куски цветной материи. Церковь представляет собой большую круглую хижину, внутри которой помещается квадратный алтарь, массивный, как блокгауз. Доступ к нему разрешен только старшему священнику. Здесь мы обнаружили репродукцию «Скрижалей завета». Дальше идет большая комната овальной формы, в которой собираются верующие. На стенах алтаря картинки, изображающие страсти господни и другие сцены из Евангелия, — скверные копии византийской живописи. Какой-то художник пытался даже имитировать мозаику, но настолько аляповато, что его творение скорее напоминает детский рисунок. К XIV веку в Эфиопии начал было вырабатываться свой оригинальный стиль живописи, но не-

сколько позднее его подменило наивное подражание Византии.

Я возвращаюсь в лагерь; следом за мной появляются мужчина и женщина. Лица их печальны. Вот уже четыре дня, как их молодая родственница мучается в родовых схватках. Не может ли ей помочь доктор?

Врач объясняет, что у него нет необходимых инструментов. Мужчина и женщина продолжают упрашивать. Уже поздно. Хижина роженицы находится в горах, в часе ходьбы от нас, в стороне от каких бы то ни было дорог. Врач колеблется. Я прошу его согласиться

Мы выходим в темноте. Идти трудно. Вокруг нас вздымаются к небу горы, зловещие, черные. Перед хижиной, вокруг костра, прямо на земле, молча сидят встревоженные люди. Входим в хижину, освещенную небольшим костром из сучьев. Женщина лежит под кучей тряпья, серого от грязи. Временами она стонет. На вид ей лет пятнадцать-шестнадцать. Врач осматривает ее, затем выпрямляется и качает головой — он бессилен чем-либо помочь. Ребенок жив, но у матери слишком частый пульс. Больница? До ближайшей больницы — два дня пути!

Врач хочет сделать юной роженице укол морфия. Но попробуйте подготовиться к уколу при свете карманного электрического фонарика! Куда-то запропастилась пилочка, которой вскрывают ампулы. Врач пытается отломать кончик пальцами, но трескается вся ампула. Это последняя оставшаяся у нас ампула. Мы двигаемся обратно. Камни скатываются у нас из-под ног. Мы устали. Врач говорит, что придет сюда фельдшера с другой ампулой. Но даже если он этого и не сделает, осуждать его не за что: ведь он — первый врач, побывавший в этих краях с сотворения мира. Он один не в состоянии рассчитаться за все прошлое.

Вот и утро. Интересно, родился ли ребенок, жива ли мать? Я пишу этот дневник, укрывшись от мух в палатке. Их такое множество, что маленькую равнину, которую приходится пересечь, чтобы добраться сюда, так и называют «равниной мух».

21 февраля. Ребенок умер. У него была водянка мозга. Мать жива и, конечно, будет жить. Мы не можем идти дальше, так как нет ослов. Нас терзают мухи. Мы съели последний хлеб, взятая с собой провизия приходит к концу. Питаемся козлятиной, которую покупаем в деревне, и незрелыми лимонами.

За вчерашний день врач осмотрел сто больных. Нищета потрясающая. У многих женщин обриты головы — в знак скорби по умершим близким. Вдовы раздирают себе лица ногтями или шипами растений. Одна из них явилась к нам с глубокими ранами на лбу и щеках.

Юные девушки Эфиопии, как правило, хорошо сложены. Но с замужеством — а в брак здесь вступают зачастую в тринадцать лет — они теряют всю свою привлекательность. Дело в том, что матери очень долго не отнимают детей от груди. Кроме того, ребенок сосет по целым дням, так что к двадцати пяти годам грудь женщины становится совсем увядшей.

Кажется, этот мир застыл в вечной неподвижности. Мы приближаемся к его обитателям с инструментами, традиционными для цивилизации белых, — со шприцем, наполненным пенициллином, с фотоаппаратом «лейка». Такое изгнание духов недолговечно. Пенициллин не излечит болезней, унаследованных от предков; фотография не покажет прошлого. Мы проходим, и все остается как было — прочно, извечно, тревожно, в неотступном кольце причудливых гор.

Каждый вечер, до наступления темноты, я хожу к источнику. Это единственное «интеллектуальное» место в округе.

23—24 февраля. В сопровождении носильщика и вооруженного стража я спустился к деревне. По пути зашел к черным евреям (национальное меньшинство Эфиопии, насчитывающее сто пятьдесят тысяч человек). Они считают себя потомками священников царя Соломона, прибывших с посольством к царице Савской. Это жалкая горсть бедняков, отделенная от остальных жителей религиозными предрассудками. Их называют «феллахами». Некоторые из них говорят на особом языке, который не похож ни на амаринья, ни на иврит,

и твердо придерживаются древнеиудейской религии. В числе их обычаев есть довольно странные. Так, женщину в период месячных очищений считают «нечистой» и на семь дней изгоняют в отдельную хижину. После родов ее тоже изолируют на сорок дней, если родился мальчик, и на восемьдесят — если родилась девочка.

Феллахи приняли меня радостно и сердечно. Вскоре за мной приехал джип. Врач со своей бригадой остался наверху. Ему почти нечего есть. Бедняга приехал сюда для проведения эпидемиологического обследования, но, атакуемый бесчисленными больными, только тем и занят, что прописывает пенициллин или другие лекарства. Этот невозмутимый человек, бывший врач королевского флота, сидя под деревом и выслушивая больных, все поглядывает на горы, старается отыскать в их очертаниях сходство то с готической церковью, то с военным кораблем.

Проезжая место, где мы останавливались в первый раз, я узнал, что ребенку, больному воспалением легких, стало немного лучше.

В Ади-Аркаи я снова вернулся к отдыху на походной койке, под крышей, сквозь дыры которой в дом заглядывают звезды, вновь обрел обеды при свете лампы с рефлектором и одиночество. Врач-новозеландец и его помощник, бывший санитар британского флота, месяцами живут здесь в промежутках между экспедициями. Как-то вечером врач вернулся из Аддис-Абебы, расположенной отсюда в двух днях пути джипом и самолетом. Он привез аккордеон.

— Вы умеете играть на аккордеоне? — спросил его фельдшер.

— Нет, — ответил врач. — А вы не умеете петь? Ну, попробуем все-таки...

С тех пор каждый вечер эти серьезные люди, заброшенные судьбой в темную деревню, пытаются, один — играя на аккордеоне, другой — подпевая, как могут рассеять страшную тишину своих вечеров. Я восхищаюсь этими людьми. Здесь, на бесплодных плато, в пыли дорог, в духоте долин, в скуке островов, в зачумленности глухих деревень они решают проблемы, над слож-

ностью которых мог бы долго размышлять какой-нибудь ученый муж, защищенный от остального мира покоем своего рабочего кабинета. Призванные заботиться о настоящем человечества, они задумываются о его будущем и в общении с людьми вырабатывают далеко идущие планы. Углубленные в свои мысли, понимающие красоту незнакомой природы, привыкшие к лишениям и зною, они идут вперед, озабоченные и судьбой человека и тем, где сейчас отыскать брод.

Соль Массауа

26 февраля. Асмара — сияющий белизной итальянский город. К нему примыкает большая деревня, представляющая собой ряд серых хижин... Все здесь напоминает об Италии. Историю Эритреи можно прочесть в ее пейзаже. Но это уже пройденный этап. В настоящее время Эритрея — независимое государство, входящее на федеративных началах в Эфиопию. Это слияние дает ей кое-какие выгоды, что заставляет забыть о ряде неудобств. Обеспечивая внутреннее управление, Эритрея переложила на Эфиопию все то, что касается политических отношений с внешним миром и обороны. Тем самым она сократила свои бюджетные расходы и может увеличить ассигнования на народное образование и здравоохранение. Конечно, засушливая, каменистая Эритрея бедна, ее жители зачастую терпят лишения. Но тем не менее, как бы это парадоксально ни звучало, Эритрея — страна, в которой на здравоохранение и просвещение отпускаются весьма щедрые ассигнования. Они составляют почти тридцать процентов бюджета. В самом сердце засушливых районов можно встретить больницы, школы. Мы посещаем многие из них вместе с известным итальянским специалистом, который из симпатии к людям, населяющим эту часть Африки, согласился руководить мероприятиями по борьбе с трахомой — одним из главных бедствий страны. В странах, подобных Эритрее, где медицинское обслуживание еще далеко не на высоте, школы дают

возможность наблюдать за здоровьем детей. Учителя неизбежно становятся помощниками медицинских работников: прописывают лекарства, делают уколы, а в необходимых случаях — сигнализируют врачу. Кроме того, учителя способствуют привитию навыков гигиены в каждой семье.

Врачам, борющимся с трахомой в Эритрее, приходится сталкиваться с теми же трудностями, которые стоят перед их коллегами, уничтожающими малярию в Сомали. Трудности эти вызываются наличием многочисленных кочевых племен. Как лечить неуловимых кочевников? А если выездным санитарным бригадам и удастся настигнуть их в пути, как узнать, какое лечение они уже проходили?

Итальянский окулист разрешил эту проблему на свой лад. По его заказу изготовлено большое количество металлических коробочек с тесемками, которые позволяют носить коробочки через плечо. Врач раздал их кочевникам, выдав за талисманы. В каждую коробочку вложена бумажка, в которой любой врач, осмотревший и лечивший больного, обязан отметить свои предписания. Сегодня кочевник Сомали согревает на своей груди этот заветный клочок бумаги, на котором начертана его судьба. Он не умеет читать, он не знает еще, что в молчании одиночества, в котором он живет, провидение обрело другой язык.

Массауа. В этих местах берега Красного моря изрезаны несметным числом лиманов, белизна которых усугубляет яркость света. Повсюду соль — соль в жгучем зное дня; соль до самого моря, бесцветного, безветренного, на поверхности которого дремлют древние фелуки; соль, ставшая строительным материалом и заменившая цемент на посадочных дорожках Массауа; соль, пропитавшая собой всю жизнь. Она обжигает глаза рабочим соляных промыслов, разъедает их ладони. Позади нас голубоватые горы Эфиопии, высокие плато, пустыни, духота Черной Африки, Сомали... Страна ждет, когда наконец спадут эти соленые пути, когда уйдет навсегда прошлое, полное страданий и слез.

СУДАН

Бог Нил

Н

ил, 1 марта. В Хартуме мы поселились на колесном пароходе, пришвартованном к берегу: на нем размещают путешественников, для которых не нашлось свободных номеров в отеле на пристани. Течение бесшумно оmyвает корпус судна, пребывающего в терпеливой неподвижности.

После бесчисленных переездов и прибытий, после стольких раскаленных пейзажей, промелькнувших мимо, после множества мест, оставлявших за собой лишь сумбур раздраженного любопытства, я очутился вдруг здесь, и день или два, погрузившись в полную непод-

вижность, буду исподволь вслушиваться в говор вод, бегущих подо мной и вокруг меня.

Я понапрасну тревожился. Вперед движутся лишь большие страны, объединенные, как реки, извечно стремящиеся к морю, откуда ведет свое начало круговорот воды в природе. Люди же только переезжают с одного берега на другой, обеспокоенно следя за волнениями стихии. Но никогда взор наш не охватит реку на всем ее протяжении, никогда не услышим мы на ней ничего, кроме надрывных вздохов бурлаков, вздохов, которые так же быстро изглаживаются, как след, оставленный на поверхности воды.

Я повидал с десятков стран, представших предо мной в своей обнаженной правде. Страны эти продолжают свой путь — рядом со мной и без меня, — как эта древняя река, на которой я всего лишь пассажир, бросивший якорь в Хартуме. И все-таки я завершу свои записи очевидца, даже если позднее они покажутся несуразными.

Нам предстоит подняться вверх по Нилу. В этой стране можно идти навстречу правде, только плывя против течения.

Подобно Египту, простым продолжением которого он и кажется, Судан живет Нилом. Точнее — двумя Нилами, которые соединяются в сердце страны, в Гезире, образуя обширный треугольник, очерченный водой и сулящий плодородие. Таким образом, в Судане гораздо больше возможностей для развития сельского хозяйства, чем в Египте, где жизнь гнездится лишь в долине. Больше того, Судан — это огромная страна, расстилающаяся с севера на юг на две тысячи километров. В экваториальной части Судана — болота и река, что позволяет разводить специфические африканские культуры.

Надо полагать, что в недалеком будущем большие ирригационные работы превратят Судан в одну из самых значительных стран арабского мира. По числу жителей (8—9 миллионов) Судан занимает место сразу за Египтом и стоит рядом с Саудовской Аравией.

Судан — первая страна в мире, пришедшая к независимости посредством выборов. Присоединенный к

Египту после ухода англичан, которые делили с Каиром управление этим совладением, Судан обратился к международным организациям, и ему было предложено самому определить свою судьбу. Судан проголосовал за независимость и установил ее без излишней шумихи. Без всякого вызова, с тем же молчаливым прилежанием, он продолжает сегодня преобразовывать свою территорию и создает на африканском востоке, от берегов Красного моря до лесов Убанги, самую современную из великих наций ислама.

В пустыне, тянущейся от светло-желтых просторов Нубии до баобабов Экватории, Гезира — сплошной огромный оазис. Поражают ее зеленые поля, пересеченные каналами. В недалеком будущем при помощи новых плотин площадь плодородной земли возрастет примерно до шести миллионов акров и будет составлять около двадцати пяти тысяч квадратных километров. Чуть-чуть меньше, чем вся Голландия... Но то будет жаркая Голландия, в которой станут разводить лучший в мире хлопок. Он и сейчас уже растет здесь.

В настоящее время площадь Гезиры составляет всего четыре с половиной тысячи квадратных километров. Через год-два она удвоится, как и численность населения, которое будет насчитывать миллион человек. Вода здесь уже повсюду, и с каждым днем новые каналы врезаются в земли, пока еще не обработанные. Эту ирригационную систему обеспечивает плотина Сеннар, удерживающая на Голубом Ниле миллиард кубических метров воды. Плотина эта была построена англичанами в 1926 году, надстроена несколько лет тому назад и теперь может одна обеспечить орошение площади, предусмотренной первым планом развития Гезиры.

Другую плотину предполагается соорудить в Росейресе, тоже на Голубом Ниле, неподалеку от границы с Эфиопией. Плотина будет задерживать три миллиарда кубических метров воды. Наконец, суданцы предполагают воздвигнуть третье сооружение, поменьше, на реке Атбаре. Трудности финансирования этих работ (плотина на Росейресе, включая каналы и дамбы, обойдется в сорок пять миллиардов франков) могут отодвинуть сроки их выполнения, а, кроме того, судьба

этого мероприятия зависит от дипломатических отношений между государствами.

По условиям соглашений, заключенных между Суданом и Египтом, обе страны поделили между собой воды Нила. Раздел неравный: из восьмидесяти четырех миллиардов кубических метров воды, составляющих годовой дебит Нила, Судан имеет право задержать всего четыре миллиарда. К тому же изъятие это разрешается производить ежегодно лишь с пятнадцатого июля по первое января. Египет забирает сорок восемь миллиардов кубических метров воды, оставшиеся тридцать два миллиарда уходят в море. Судан хотел бы использовать часть этого излишка.

Как увлекательна история больших рек! Я прошу, чтобы эту историю мне рассказали со всеми подробностями. Вечером в своей каюте на судне, колеблемом тихой зыбью реки, я записываю то, что мне удалось услышать.

Завтра мы уезжаем в Гезиру.

3 марта. Зеленая равнинная страна, в которой еще мало деревьев. Это озелененная пустыня. Повсюду хлопок: там — еще в коробочках, тут — подрезанный, с торчащими белыми маковками. В небе летает огромное количество разнообразных птиц — их притягивает зеленое пятно Гезиры посреди пустыни. Благоденствие земли дает жизнь и небесам.

Весь день мы бродим вдоль каналов, похожих один на другой, останавливаемся в деревнях, расспрашиваем работников муниципалитета, крестьян.

Земля Гезиры принадлежит государству. Административное управление и заботы о развитии хозяйства сосредоточены в руках «Суданского совета по Гезире», который выступает в роли настоящего министерства. Земля распределена поровну между крестьянами. Каждый участок равен сорока акрам. Помимо зерновых культур, урожай которых крестьянин целиком оставляет себе, на определенной доле участка он обязан разводить хлопок. Когда урожай хлопка будет сдан, владелец получит за него сорок процентов стоимости; сорок процентов отойдет в пользу государства, двадцать — в фонд резерва, предназначенного на развитие Гезиры.

Сейчас годовой доход каждого крестьянина составляет от двухсот до пятисот фунтов стерлингов — доход весьма высокий, если сравнить его с тем, который обычно получают земледельцы в этой части света.

Плановость распространяется не только на сельское хозяйство. В настоящее время идет большое городское строительство. Шестьсот деревень снесено и реконструировано на разумных началах. Каждая деревня управляется выборными представителями от населения. В Гезире много школ; на ее территории, которая не больше французского департамента, имеется современная больница, пятьдесят шесть диспансеров и семнадцать лазаретов.

Охоана здоровья в Гезире требует постоянных усилий. Процветание принесло сюда болезни. Вода — символ жизни в засушливой стране — несет с собой страдания и смерть. Вода дает Гезире плодородие, но она требует присмотра, ей нельзя доверять.

Два заболевания угрожают району: прежде всего малярия, передаваемая «*anopheles Gambiae*», личинки которого развиваются в водах каналов, и билгарциоз: крошечные моллюски, живущие в воде, дают приют личинкам этого паразита. Регулярное опрыскивание жилищ инсектицидом ДДТ почти полностью ликвидировало малярию в Гезире. В южной части района, где ирригационная система менее совершенна, а организация общества развивается медленнее, малярия еще осталась. Есть тут и кочевники, которые переносят инфекцию. Поэтому правительство Судана с помощью Всемирной организации здравоохранения разработало разумный проект борьбы с этой болезнью. Но билгарциоз по-прежнему распространен по всей Гезире.

Процесс заражения билгарциозом известен: покинув моллюска, личинка плавает в воде, пока не попадает через кожу в кровь купающегося человека. Эта болезнь, в других странах принимающая форму желудочно-кишечного заболевания, здесь поражает мочеточники и одновременно вызывает другие функциональные нарушения.

Для борьбы с билгарциозом, болезнью скорее изнуряющей, нежели смертельной (его передаче способ-

ствуется здесь свежая вода тысяч каналов, пересекающих знойную страну), выработаны специальные законы: не разрешается строить деревни ближе чем за триста метров от каналов; под страхом смерти жителям запрещается купаться. Больше того, проводятся меры по оздоровлению воды. В нее высыпают мешки с медным купоросом — моллюски гибнут в воде, от которой синеют прибрежные травы.

Вода, подвергаемая химической обработке, что, между прочим, стоит очень дорого, настойчиво напоминает об оборотной стороне медали — о том, что благоденствие и счастье вечно стоят рядом с опасностью.

Жизнь в Гезире — это неустойчивое равновесие, которое держится на бдительности, повседневных мерах предосторожности. Угроза в воде, она в воздухе, даже в листьях хлопка, приносящего стране благосостояние. Приходится запрещать перевозку листьев, которые способствуют распространению паразита, и наказывать нарушителей. Здесь спасают жизнь от первого проклятия. Но на этот раз исход борьбы, кажется, предрешен: жизнь спасена.

Даже если картина экономической, социальной и политической жизни в Гезире еще далека от совершенства, все же она находится на уровне той, какая наблюдается в странах Западной Европы, где сельское население наиболее обеспечено. Нищета исчезла, безработицы нет, санитарное состояние настолько улучшилось, что сегодня процент детской смертности равен проценту, зафиксированному в Европе, неграмотность ликвидируется... Постройка обеих плотин позволит четырем-пяти миллионам суданцев обрести такие условия жизни, каких в этих широтах еще не знавали.

Сегодня перед свободными суданцами стоят новые задачи. Независимость не только вернула народу его достоинство — она принесла ему счастье.

* *

*

9 марта. И вот сквозь просветы в еще по-зимнему густом тумане моим глазам открывается Женева — Женева с ее оголенными деревьями, серым озером, гу-

генотской пунктуальностью, швейцарской сердечностью, неброским космополитизмом. Для меня Женева олицетворяет забвение пустыни, отдых от чужих берегов.

Мое возвращение в Европу совершилось стремительно, с невольной поспешностью, напоминавшей бегство или дезертирство. За одну ночь я перешел из света в тьму, от наблюдений к воспоминаниям, от душевного волнения к мысли.

Вот и Европа с ее низким небом. край, где наше сознание водворяется на зимние квартиры. Мне пришлось совершить далекий путь в поисках лета, которое разбудило это сознание. Как было бы хорошо, если бы слово очевидца бросило свет не только на страдания и голод людей, но также и на их надежды. Как нужно, чтобы этот свет был жгучим!

Я убедился, что человечество не столь уж четко разделено на две половины. Не существует, с одной стороны, мира несчастья и бедности, а с другой — нашего мира. Не существует отдельно какого-то прошлого, тяжелого настоящего и некоего светлого будущего, которое преобразит наш мир.

Возвратившись в Европу, я не опускаю рук. И здесь у человека есть болезни, не те, что в Азии и Африке, порою не так определенно выраженные, более скрытые. Почти все мы соблюдаем правила санитарии и гигиены. Мы умираем в чистоте и, можно сказать, — от чистоты.

Меня принимают во Дворце наций. Блестящие и холодные коридоры, молчаливая деловитость, картина своего рода политической асептики. Здесь, в стенах Всемирной организации здравоохранения, в стандартных, похожих один на другой кабинетах, в их тишине определяют и изучают болезни человека, наблюдают за эпидемиями, получают воззвания о помощи, сообщают о посылке врачей и лекарств, вырабатывают планы борьбы за здоровье.

Здесь сконцентрированы все страдания мира, страдания без рыданий и слез, страдания безликие, выраженные в цифрах и диаграммах: проказа, чума, фрамбезия, малярия, трахома, туберкулез, слоновая болезнь, оспа, билгарциоз, бери-бери — эти язвы на теле свободы. Укусы насекомых, которыми кишат тропические

ночи, изъеденные тела, желтый ребенок, несущий собственную смерть во вздутом животе, африканская женщина, стонущая на грязном тряпье в полумраке лачуги, старик, сидящий на индийской земле с терпением прокаженного, дрожащие от лихорадки люди, покойники, осыпанные пеплом, новорожденные, покрытые мухами, — все это существует одновременно в четырех концах земли при всем различии времени. Разве это не обидно?

В холодных, блестящих чистотой коридорах Всемирной организации здравоохранения нет ничего, кроме этой невидимой траурной процессии. И тут же мы, с нашими чистыми болезнями, невидимыми, как судьба, с обманчивыми глазами здоровых. Мы изгнали из нашего мира еще не всех злых духов. В нем еще царит болезнь — не столь смертоносная, как раньше, но она присутствует, а порою даже неизбежна. При всей нашей культуре нам есть от чего умирать. Сердечно-сосудистые заболевания стали основной причиной смерти в Северной Америке, почти по всей Европе и среди наиболее обеспеченных народов других континентов. Сердечная недостаточность или прекращение подачи крови в миокард все больше угрожает мужчинам, приближающимся к пятидесяти годам. Обильная пища, нервное напряжение, сидячий образ жизни, злоупотребление табаком и спиртными напитками — главные причины этого зла. В этих же странах учащаются душевные болезни. Примерно два процента жителей являются жертвами серьезных психических заболеваний. Одна десятая болеет ярковыраженными неврозами. Переутомление, алкоголь, шум и различные конфликты приводят к потере физического равновесия, как и тревога, свойственная нашей эпохе, а также (и быть может, именно она) «атомная истерия», последствия которой начинают сказываться повсеместно.

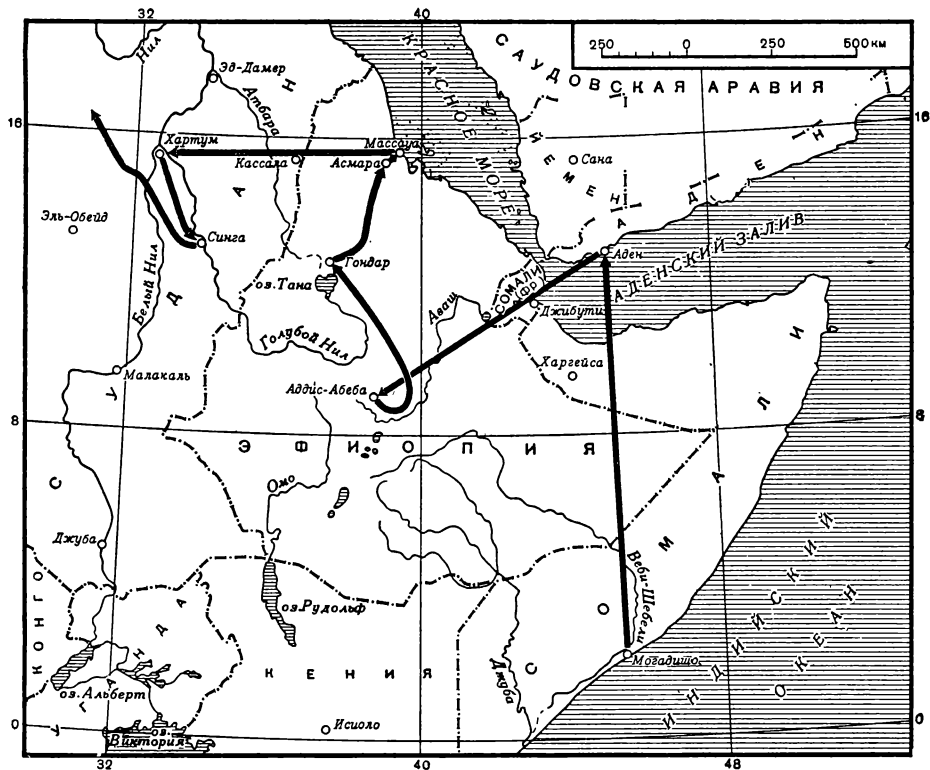
Рак угрожает стать великим бедствием нашего времени. В большинстве наиболее развитых стран он уже занимает второе место по смертности. Первое принадлежит сердечным болезням. Между 1920 и 1953 годами число смертных случаев от рака груди в нескольких странах увеличилось больше чем вдвое.

За пятнадцать лет число случаев полиомиелита увеличилось с пяти до двадцати шести на каждые сто тысяч жителей Соединенных Штатов, с пяти до пятидесяти девяти — на каждые сто тысяч жителей в Дании. А ведь в странах, где процент детской смертности свидетельствует о большой экономической отсталости, полиомиелит почти неизвестен: одна десятая случая на сто тысяч человек в Египте, где детская смертность достигает ста шестидесяти трех случаев на тысячу (против двадцати восьми в Соединенных Штатах или Дании).

Эти болезни цивилизованного мира имеют сложное происхождение. В одних случаях человек изнашивается в спешке, тщеславных устремлениях или замаскированном порабощении эры машин и механизмов; в других — сжигает свою кровь алкоголем или табаком, доставляющими ему легкое опьянение, своего рода духовный кислород, без которого он задыхается; в третьих, находясь с детства в условиях комфорта и чистоты, человеческий организм перестает вырабатывать нужное количество белых кровяных шариков и утрачивает оружие борьбы с болезнями, данное ему природой. Медицина устраняет одну угрозу жизни человека за другой. Скоро научатся лечить рак, уже предупреждают полиомиелит, успешно развивается хирургия сердца, новые лекарства ликвидируют психические расстройства.

Тем не менее мы стоим на «границах». Смерть заложена в нас изначально. Мы появляемся из ночи, идем по темной земле, любим под сенью траура. Мы согласны на это, если игра ведется честно. Но смерть передергивает. Когда умирает малыш, роженица, юноша — смерть жульничает. Там, откуда я вернулся, она жульничает постоянно. У нас она не прячется, она приближается с каждым днем и, наконец, приходит в вечер нашей жизни. У нас она естественна и разумна.

Люди, которых я недавно повидал, умирают по-другому. Над ними еще висит жестокая власть ночи. Надо помочь этим людям выйти из мрака, избавиться от постоянной угрозы смерти, чтобы в их груди всю отпущенную человеку меру дней звонко билось их хрупкое и чистое сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	5
Филиппины	17
Остров Лусон	17
Рождение человека в Маниле	20
Небо Таклобана	25
Моллюски острова Лейте	29
Феи Пало	33
Песня деревни Багаюпи	38
Таиланд	40
Утро Таиланда	40
Проказа в Конкене	45
Пригород проказы	52
Индонезия	56
Дождь в Джакарте	56
Комары Семаранга	59
Ложь Банденгана	64
Свет Явы	66
Похороны в Сюрораби	69
Малайя	74
Подозреваемые Сингапура	74
Индия	82
Надежда Индии	82
Глаза Уттар-Прадеша	87
Встреча с чумой	91
Норе road	100
Мальтузианство в Лакхнау	103
Сумерки Бенареса	104

Урок Сингур тханы	109
Голод в Мадрасе	113
Ребенок-паук	119
Молоко Раджкота	120
Дитя индийского года	126
Сомали. Эфиопия	133
Ветер Могадишо	133
Пустыня	137
Свет и язвы Эфиопии	142
Неведомая Африка	145
Дух Гондара	148
Озеро Тана	150
По ту сторону Ади-Аркаи	152
Соль Массауа	162
Судан	164
Бог Нил	164

Пьер Гаскар

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЖИВЫМ

*

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

•

Редактор издательства *И. П. Кудрявцева*

Художник *Г. Храпак*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Р. А. Негримова*

Корректоры *Е. Б. Полякова* и *М. З. Шафранская* -

•

Сдано в набор 12/V 1960 г. Подписано к печати 1/VIII 1960 г.
А-08339. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 5,5. Усл. п. л. 9,02. Уч.-изд. л. 7,93.
Тираж 38000 экз. Зак. 1913. Цена 5 р. с 1.I.1961 г. цена 50 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Набрано в типографии Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

Отпечатано типографией «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 0 руб.

с 1/1 1961 г. цена 50 коп.

ИВЛ